

Российская академия наук
Институт философии

**ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТОВ
В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ
НАУКЕ**

Препринт

Москва - 2007

УДК 100
ББК 74.226.3
С 60

Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Препринт под ред.
В.И.Аршинова и В.Е.Лепского – М.: Когито-Центр. 2007. – 176 с.

Анисимов О.С. (6.4.), Аршинов В.И. (1.1.; 3), Буров В.А. (5), Журавлев А.Л. (1.2.2),
Князева Е.Н. (4), Лекторский В.А. (предисловие), Лепский В.Е. (1.1; 1.2.3; 1.3; 6.1-
6,3; 6.5.3; 6.7), Малинецкий Г.Г. (6.5), Моисеев В.И. (2), Петровский В.А. (1.2.1),
Рабинович В.Л. (1.4), Реут Д.В. (6.6), Свирский Я.И. (3)

ISBN 978-5-89353-250-0

В работе предпринята попытка постановки проблемы формирования адекватных эпохе глобализации форм и типов субъектности. Предлагаемый авторами путь развития связан с идеями постнеклассической науки, в которой интерпретация знаний неразрывно связана с субъектами, их производящими, с их отношениями и взаимными рефлексивными представлениями, с этическими нормами и морально-нравственными представлениями. При этом отмечается ключевая роль философии, как метасистемного интегратора междисциплинарных исследований.

Представляет интерес для специалистов гуманитарных и естественнонаучных областей знаний, ориентированных на проблемы социального проектирования и управления, а также для широкой аудитории управленцев-практиков.

*Препринт подготовлен и издан при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

ISBN 978-5-89353-250-0

© ИФ РАН, 2007
© Авторский коллектив, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1	
Тенденции повышения роли субъектности в отдельных областях научного знания	6
1.1. Субъектность в контексте этапов развития науки (от классической к постнеклассической науке)	6
1.2. Проблема субъекта в психологии	9
1.3. Онтология субъекта в работах Г.П.Щедровицкого и В.А.Лефевра	20
1.4. К философии естествознания как метафорической антропологии ..	32
Глава 2	
К эволюции феномена субъектности в истории философии (взгляд с позиций интегрального подхода)	35
2.1. Интегральный подход Уилбера	36
2.2. Уровни Великого Гнезда Бытия	37
2.3. Образы философского субъекта до-современности	40
2.4. К эволюции философского субъекта эпохи модерна	42
2.5. Образы и потоки пост-современного философского субъекта	46
Глава 3	
Интерсубъективность в контексте постнеклассической рациональности	48
3.1. Вводные замечания	48
3.2. О рекурсивном самоопределении синергетики как X-науки о сознании	50
Глава 4	
Проблема субъекта в философском конструктивизме	70
4.1. Конструирование реальности и проблема множественности реальностей	70
4.2. Гераклит как первый конструктивист	70
4.3. Развитие философского конструктивизма. Гуманитарное крыло кибернетики 1950-70-х годов	72
4.4. Эдгар Морен. Полувоображаемая реальность	74
4.5. Кибернетические основания философского конструктивизма. Циклическая причинность и структурное сопряжение	76
4.6. Сила и слабость позиции философского конструктивизма	76
Глава 5	
Постнеклассическая проблематизация научных онтологий и субъектные детерминанты реальности	78
5.1. Модель постнеклассической науки как субъектная детерминанта реальности	84
5.2. Постнеклассическая модернизация образования как субъектная детерминанта реальности	85

Глава 6	
Проблемы субъектов в изменяющейся России	89
6.1. Проблемы субъектов российского развития	89
6.2. Преодоление бессубъектности российского развития через совершенствование системы национальной безопасности	101
6.3. Субъектно-ориентированные технологии в инновационных процессах	117
6.4. Культура субъектов инновационного развития	123
6.5. Проблемы субъектов организации научного мониторинга	126
6.6. Прокреационная проблема субъектов истории	141
6.7. Субъектно-ориентированный подход к организации предприятий в XXI веке	148
Сведения об авторах	174

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня как в нашей стране, так и за рубежом мы являемся свидетелями явного кризиса доверия к исторически сложившимся институтам социального проектирования, управления и развития. В перечне его признаков можно выделить: резкое снижение роли культурных норм и традиций; дискредитация демократических процедур делегирования властных полномочий; разрушение традиционных механизмов идентификации; ослабление роли государств; возникновение сложнейших проблем обеспечения легитимности субъектов власти; неадекватность способов обеспечения безопасности социальных систем, ее отрыв от проблем развития и др. Указанные трансформации в XXI веке становятся глобальными, а потому и способность социальных систем к изменениям с сохранением их собственной культурной идентичности должна стать более глубокой и масштабной. Отсюда актуальность проблемы креативной самоорганизации социальных систем – формирования адекватных эпохе глобализации форм и типов субъектности.

Современная наука оказалась не готова к бурным изменениям в мировом сообществе, обусловленным процессами глобализации и вступлением в эпоху «позднего модерна». В частности, в России практически разорвана связь между наукой и властной элитой. Не готовы к ним оказались и управленцы.

Начало XXI века ознаменовалось позитивными для России действиями власти – государство стало инициатором и организатором проектной деятельности по развитию страны. Этим шагом было явно засвидетельствовано как кризис неолиберального подхода, так и высокая неопределенность для власти в выборе стратегических ориентиров развития России.

В этой связи становится крайне актуальной проблема создания фундаментального теоретического обеспечения процессов развития, единой методологии исследований, анализа социальных последствий различного рода инноваций. И лишь субъектно-ориентированный подход адекватен условиям динамично изменяющейся среды XXI века.

В монографии ставятся и решаются актуальные междисциплинарные проблемы совершенствования механизмов социального проектирования, управления и развития. При этом важно отметить ключевую роль философии, как метасистемного интегратора междисциплинарных исследований. К наиболее важным, на мой взгляд, проблемам, затронутым в данной работе, следует отнести: Онтологию субъектов развития социальных систем. Сетевая парадигма субъектообразования и развития. Новые механизмы идентификации в обществе «позднего модерна», социально-философский анализ «проектной идентификации» и легитимизации субъектов власти. Социально-философский анализ связи проблем развития и безопасности. «Стратегичность» социальной системы как базовый критерий ее развития. Рассмотрение ключевых вопросов в контексте конкретных проблем изменяющейся России.

Уверен, что монография будет встречена с интересом широким кругом читателей – ученых и управленцев практиков.

*В.А.Лекторский,
академик РАН*

Глава 1
**ТЕНДЕНЦИИ ПОВЫШЕНИЯ РОЛИ СУБЪЕКТНОСТИ
В ОТДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

**1.1. Субъектность в контексте этапов развития науки
(от классической к постнеклассической науке)**

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В.С.Степину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем (помимо всего прочего) упустить из виду принципиальные изменения в понимании рациональности в науках об управлении и организации. Смена общенаучных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Эти периоды правомерно рассматривать как глобальные революции, которые могут приводить к изменению типа научной рациональности.

Три крупные стадии развития науки¹, каждую из которых открывает глобальная научная революция, можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменявших друг друга в истории технологической цивилизации. Это — *классическая* (соответствующая классической науке); *неклассическая* и *постнеклассическая рациональности*. Между ними как этапами развития науки существуют своеобразные «перекрытия»: появление каждого нового типа рациональности не отбрасывало предшествующего, а только ограничивало сферу его действия, определяя его применимость только к определенным типам проблем и задач.

Следуя В.С.Степину, можно сказать, что каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности, направленной на постоянный рост объективно-истинного знания. Если схематично представить эту деятельность как отношения «субъект-средства-объект» (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств), то описанные этапы эволюции науки, выступающие в качестве разных типов научной рациональности, характеризуются различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности.

Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в куль-

¹ *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с. (С.619-640).

туре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций. Научные исследования рассматриваются как познание законов Природы, существующих вне человека.

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире). На результаты научных исследований накладывается осмысление соотношенности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций научной деятельности.

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. В нем учитывается соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными ценностями и целями, решается задача осмысления ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотношении с социальными целями и ценностями.

С точки зрения стратегии развития принципов управления можно сказать, что классическая наука исследует законы и осваивает создание и применение простых систем (примером может служить часовой механизм), неклассическая – сложных саморегулирующихся систем, постнеклассическая наука – сложных саморазвивающихся систем.

Все внимание сегодня обращено на *человекоразмерные* саморазвивающиеся системы с их проблемой включения человека в сам процесс научных исследований.

Исходя из того что основой современной научной картины мира является универсальный эволюционизм, включающий в себя и «состояния социальной жизни», В.Степин обращает внимание на удивительное соответствие «современной научной картины мира не только тем новым менталитетам, которые постепенно формируются в недрах западной (техногенной) культуры конца 20-го столетия в связи с осмыслением современных глобальных проблем», но и на ее соответствие «философским идеям, выросшим на почве самобытности России и ее Серебряного века, а также философским и мировоззренческим представлениям традиционных культур Востока»². Исходя из принципа универсального эволюционизма, он подчер-

² Степин В.С. Теоретическое знание. С. 681-682.

кивает необходимость коммуникативного (диалогического) включения в современную научную картину мира всей совокупности ценностей мирового культурного развития. Только на этом, уподобляемом вселенскому, пути можно ожидать успехов с построением действительно человекомерных саморазвивающихся систем (примем это как некий очевидный постулат) — а также подлинного понимания альтернативных идей восточных культур, в частности идеи о связи истины и нравственности.

Это можно рассматривать как научное предсказание, основанное на философских исследованиях путей развития научного познания. И сделано оно, как видится, с позиций западной научно-философской культуры.

Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными ему основаниями науки, которые позволяют выделить в мире и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы). При этом возникновение нового типа рациональности и нового образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый новый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего периода. Напротив, между ними существует преемственность.

Неклассическая наука вовсе не уничтожила классическую рациональность, а только ограничила сферу ее действия. При решении ряда задач неклассические представления о мире и познании оказывались избыточными, и исследователь мог ориентироваться на традиционно классические образцы (например, при решении ряда задач небесной механики не требовалось привлекать нормы квантово-релятивистского описания, достаточно ограничиться классическими нормативами исследования). Точно так же становление постнеклассической науки не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных установок неклассического и классического исследования. Они будут использоваться в некоторых познавательных ситуациях, но только утратят статус доминирующих и определяющих облик науки.

Современная наука, как уже отмечалось выше, на передний край своего поиска поставила уникальные, исторически развивающиеся системы, а в центр исследований в качестве особого его компонента включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки.

Есть все основания полагать, что по мере развития современной науки эти процессы будут усиливаться. Для техногенной цивилизации на современном этапе ее развития гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска. Стоит ли в этой связи специально подчеркивать, сколь востребован нашим временем эпохи бифуркации и макродвига (Э.Ласло) развертывающийся буквально на наших гла-

зах переход к парадигме открытой постнеклассической рациональности в междисциплинарных науках о социальном проектировании, стратегическом управлении и организации.

1.2. Проблема субъекта в психологии

1.2.1. Индивидуальность. Личность. Субъект

Термину «индивид» («индивидуум») в психологии соответствует представление о живом существе, сходном с другими живыми существами (о них говорят как об «отдельных представителях одного и того же вида»), причем оно понимается как общность психофизических свойств, обеспечивающих их существование в определенной среде обитания, своего рода «сумма психотехнологий» жизни. Независимо от того, идет ли речь о человеке – носителе сознания, или, например, насекомых – обладателе сенсорной психики (А.Н. Леонтьев подчеркивал присутствие у них психических свойств «гораздо более уверенно», чем у высших инфузорий), под термином «индивид» подразумевается некое «психофизическое целое», а, следовательно, и проблемски «субъективности»: чувствительность, чувствования, «чувственная ткань», ощущения, переживания и др.³).

Однако субъективность, как таковая, еще не делает индивида *субъектом*. Понятие субъекта значительно богаче определениями. «Субъект» – и таков образ субъекта в культуре! – не просто ощущающее, живущее (движущееся, растущее) существо. Субъект заключает в себе источник своего существования. К примеру, он не просто *пребывает* в движении, а производит это движение «сам», воспроизводя себя в процессе своего движения. Здесь речь может идти о восстановлении энергии, структуры, свойств, процессов и функций живого существа, его места в мире, вообще говоря, – о воспроизведении любых измерений его жизни, если только они рассматриваются как существенные и неотъемлемые.

Имея в виду это особое качество – способность к самодвижению, в ходе которого живое существо воспроизводит себя, – говорят, что оно представ-

³ Заметим, что в этом ряду «субъективности» отсутствует ядерный элемент, который я называю «анимумом». В отличие от всех вышеназванных и более сложных элементов, надстраивающихся над ним, *анимум* представляет собой первичное субъективное проявление психики, не соотносимое ни с одним из объектов вовне ни по одному из мыслимых качественных критериев (вкус, цвет, запах, звук, плотность, протяженность, вес, форма и т.п.), кроме того, анимум не совпадает ни с одним из рефлексивных свойств психики (например, с переживанием «это – во мне, внутри меня», или «это – вовне меня», «по ту сторону»). Анимум есть *переживание* бытия, а оно – попробуйте отличить! – есть то же самое, что и переживаемое *бытие*. Существование анимума, на мой взгляд, дает ответ на стародавний вопрос о продуктивности внимания: является ли внимание продуктивным процессом. Ответ: «Да», если иметь в виду, что внимание есть процесс актуализации базового психического элемента: то, чего не было, посредством внимания, теперь *есть* в сознании.

ляет собой *субъект* активности. «Быть субъектом» значит: воспроизводить себя, быть причиной своего существования, на философском языке – быть «причиной себя (*causa sui*)»

Из этого понимания вытекают четыре характеристики субъекта:

1) субъект – целеустремленное (то есть целеполагающее и целедостигающее) существо: иначе ни о каком «воспроизводстве» речи нет, и не может быть;

2) субъект – рефлексирующее существо, обладатель образа себя; иное немислимо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено;

3) субъект есть свободное существо (никто, кроме его самого, не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о том, что всё завершилось или должно быть продолжено);

4) субъект – развивающееся существо, ибо ему приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой, среде, и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности, условия и способы самовоспроизводства⁴.

Когда говорят о *личности* индивида, то как раз и имеют в виду его способность быть *целеустремленным, рефлектирующим, свободным, развивающимся* существом, то есть полноценным (вполне раскрывшим свою суть, сущностные свои определения) *субъектом* активности в социуме. Подчеркиваю: «Так *говорят...*»; «Так *принято* говорить...» и т.п.

Однако вопрос состоит в том, насколько понятие «субъект» (равно как и «личность» в данном контексте) совместимо с понятием «индивид».

Анализ, предпринятый нами ранее, показывает, что, при общепринятой трактовке, эти понятия неконгруэнтны⁵. Но мы можем выделить, как минимум, четыре условия, выполнение которых позволяет индивиду приобрести статус подлинного субъекта активности (а стало быть, и шанс «быть личностью»). Перечислим эти необходимые условия.

Первое состоит в том, что частично преодолевается целевой хаос функционирования различных подсистем индивида (многие годы назад для их обозначения я ввел термин «заинтересованная подсистема»⁶, отталкиваясь от принципов «локального управления», выдвинутых в работах И.М.Гельфанда и И.М.Цетлина). Выскажу предположение, что в этом движении от целевого хаоса к целостности, никогда, впрочем, не достижимой, могут быть задействованы процессы самоорганизации, «состыковки» разнонаправленных тен-

⁴ Впервые данное понимание «субъекта» было опубликовано мною в главе 10 «Активность» учебника «Введение в психологию» (под общей редакцией проф. А.В. Петровского). М., Академия, 1996.

⁵ Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. - Ростов на/Д: Феникс, 1996.

⁶ Петровский В.А. К психологии активности личности //Вопросы психологии, N3, 1975.

денций, акты спонтанного синтеза схем, а также — задаваемые извне эталоны и способы поведения. В конечном счете, и сам индивид приобретает способность транслировать освоенные формы поведения другим людям (в этом отношении большой интерес представляют работы В.И. Панова).

Таким образом, «субъектность» других людей как бы присваивается индивидом. Родается способность к целеполаганию и целедостижению (произвольность), позволяющая индивиду воспроизводить себя, упорядочивая проявления собственной активности (возникает волевое «я», своего рода локальный центр управления).

Второе условие заключается в том, что произвольные действия приобретают активно неадаптивный характер (индивид предпочитает цели с непредetermined результатом достижения: бескорыстный риск, творчество, непрагматические формы общения, самопознания, исследованные нами в (1971–1983 гг.);

Третье условие: индивид отражается в других людях значимыми для них (а не только для него самого) аспектами своего бытия, — обретая, как я говорю, свое «инобытие», идеальную представленность и продолженность в других людях (и, таким образом, в зеркале другого, а на некотором этапе жизни, и в зеркале собственного *cogito*, он находит инструмент воспроизводства, полагания своего «я» в других и в себе как другом);

Четвертое условие приобретения индивидом статуса субъектности заключается в том, что рано или поздно, но совершенно неизбежно, он обнаруживает факт несовпадения своего «в себе и для себя бытия» («Я в самосознании») и — «бытия в другом и для другого» («отраженное Я»); это становится источником развития индивида как личности, и, в частности, возрастных кризисов развития.

Является ли, однако, выделенные *необходимые* условия бытия индивида как личности в то же время условиями, *достаточными* для этого?

На данный вопрос мы вынуждены ответить отрицательно, если 1) продолжим придерживаться традиционной, классической точки зрения, согласно которой личность индивида «локализована» в пространстве жизни самого индивида (то есть является исключительно внутренней детерминантой его активности), 2) рассматривая «индивида как личность», мы по-прежнему видим в нем единственного субъекта активности, игнорируя факт множественности «я» индивида.

Предлагаемая нами *мульти-субъектная теория* исходит из того, что личность индивида представлена многими субъектами, в которых он фактически обнаруживает свое бытие; при этом выделяются два полюса личности индивида — «индивидуальность» и «личностность», а также динамика их перехода друг в друга (см. рис. 1-1).

Ранее, говоря о полюсе индивидуальности, мы ограничивались общими замечаниями, перенося основной акцент анализа на полюс «личностно-

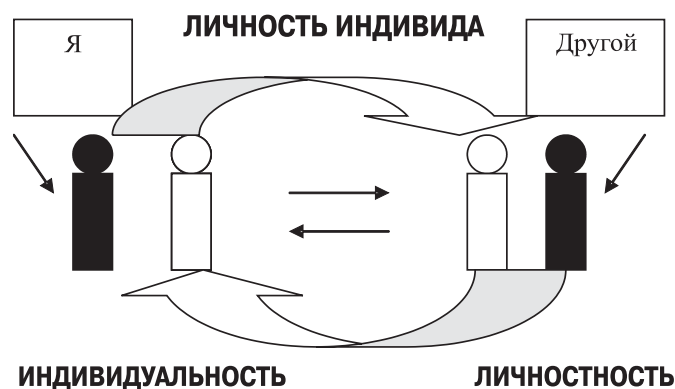

Рис. 1-1

сти» (думается, это было естественно, так как, вводя новое понятие, мы не могли обойти вниманием как теоретические, так и эмпирические аспекты этой проблемы). В данном случае мы можем отдать должное «индивидуальности», рассматривая ее под углом зрения мультисубъектной теории личности.

1.2.2. Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования

На возможностях и особенностях исследования больших социальных групп как коллективных субъектов целесообразно по целому ряду причин остановиться специально.

Во-первых, для современной социальной психологии данная проблема исследования является относительно новой, так как психология таких групп с позиций субъектного подхода ранее глубоко не анализировалась и профессионально не осмысливалась. Выделение субъектных характеристик существенно дополнит понимание психологии больших социальных групп, которая по-прежнему остается недостаточно богатой в социальной психологии.

Во-вторых, исследование психологии больших групп как коллективных субъектов, несомненно, будет способствовать пониманию глубинных изменений, происходящих в современном российском обществе. Такие надежды связаны, с одной стороны, с необходимостью анализа изменений психологии известных социальных групп: процессов осознания ими нового места, функций и ролей в современном обществе, роста их социальной активности, новых явлений в межгрупповых отношениях и т.д. С другой стороны, существует актуальная потребность в изучении психологии новых социальных групп, возникших в российском обществе в 1990-е годы и про-

должающих активно формироваться в настоящее время. Имеются в виду не только относительно изученные за последние 15 лет социальные группы предпринимателей, безработных, деловых женщин и т.п., но и совсем малоизвестные «новые русские», средний класс, «новые беспризорные», обманутые вкладчики (инвесторы), «зеленые», дворянские собрания, кадеты, правозащитники, новые профессиональные группы и др.

Актуальной проблемой является исследование таких изменений в психологии и первых, и вторых вышеприведенных групп, которые превращают их в коллективных субъектов, способных реально влиять на состояние общества и тем самым изменять его. Особый и теоретический, и практический интерес вызывает анализ тех социальных групп, которые становятся или способны стать субъектами совместных социальных действий, акций, различных форм и видов социального поведения, реализованных в масштабах крупных территорий, регионов, страны в целом.

В-третьих, исследование психологии больших социальных групп с позиций субъектного подхода является вполне релевантным, позволяет расширить научное поле применения данного подхода, раскрыть его реальные теоретические возможности на новом объекте социально-психологического анализа и тем самым способствовать развитию самого субъектного подхода.

В-четвертых, возрастающий интерес к использованию субъектного подхода в изучении психологии больших социальных групп неизбежно усилит интеграционные междисциплинарные связи социальной психологии с социологией, экономической и исторической науками, политологией и наукой управления и др., так как каждая из них имеет свой актуальный интерес к большим социальным группам. В этом взаимодействии социальная психология не просто сохраняет свое полноценное участие, но и является явно востребованной со своим специфическим предметом исследования и результатами, дополняющими научные представления о больших социальных группах.

На процессы становления, функционирования и развития больших социальных групп как коллективных субъектов и коллективной субъектности как их свойства оказывает влияние многочисленная *совокупность факторов*, выделение и изучение которых представляет собой одно из перспективных направлений исследования. Фактически большой интерес вызывает изучение того, как конкретные факторы воздействуют на формирование и проявление уже известных социально-психологических феноменов групповой идентичности, социальной категоризации, межгрупповых отношений, самооценки перспектив развития своей группы и ее возможностей влияния на социальное окружение и др., и того, как на их основе становятся и развиваются собственно *субъектные качества* больших социальных групп. К ним относятся, как минимум, следующие:

- социальная активность и инициативность;
- социальная ответственность;

- высокая степень самоорганизации и самоуправления;
- навыки и опыт совершения согласованных групповых действий;
- относительная автономность, самостоятельность и самодостаточность;
- групповая саморефлексивность (наличие и уровень);
- открытость/закрытость для внутригруппового или межгруппового взаимодействия и др.

Результаты конкретных эмпирических исследований, выполненных в Институте психологии РАН (ИП РАН) М.И.Воловиковой, Т.П.Емельяновой, Н.А.Журавлевой, А.Б.Купрейченко, В.П.Позняковым, В.А.Хашченко и др. с помощью преимущественно качественных методов фокус-групп, анализа отдельных случаев и ассоциаций, экспресс-интервью и глубинного интервью, беседы, контент-анализа и др., свидетельствуют, что большинство изучавшихся социальных групп российского общества, выделенных по признакам пола и возраста, характера занятости и семейного положения, отношений собственности и имущественного статуса, типа поселения и региона проживания и т.д., находятся на уровне *предсубъектности*, не соответствуя основным признакам и свойствам коллективного субъекта.

Выполненные в ИП РАН Т.П.Емельяновой исследования психологии больших социальных групп позволили выделить некоторые социально-психологические феномены и механизмы, как правило, включенные в процесс становления этих групп коллективными субъектами.

Первым таким феноменом является *формирование коллективных социальных представлений*, которые в процессе их конструирования социальными группами российского общества выполняют не только познавательные функции или функции ориентации поведения, которые ранее уже были известны по результатам исследования более стабильного в социально-экономическом отношении французского общества. У членов фрустрированных групп российского общества (безработных, пенсионеров, особенно неработающих, некоторых групп госбюджетных организаций и т.п.) социальные представления выполняют также важную *функцию поддержания позитивного эмоционального состояния*. Одним из действенных механизмов ее реализации является функционирование *коллективной памяти*. Кросскультурные исследования воспоминаний о Второй мировой войне позволили обнаружить в их структуре психологические феномены (мнения, оценки, представления, отношения, установки), которые служат именно для поддержания позитивного эмоционально насыщенного образа собственной группы у ветеранов войны или играют роль объединяющего символа величия нации, вызывающего чувство гордости за свой народ у молодежи. Это фактически происходит в условиях противоречивого дискурса в российском обществе о минувшей войне, особенно о ее причинах и начальном периоде.

В периоды радикальных общественных изменений большие социальные группы остро испытывают потребность в психологическом подкреплении и подтверждении собственной *групповой значимости*, удовлетворение которой, во-первых, как-то компенсирует моральный дискомфорт от переживаемого исторического периода, а во-вторых, служит эффективным способом реального объединения и сохранения социальной группы как субъекта.

Другим важнейшим феноменом больших социальных групп как коллективных субъектов является *коллективный символический коупинг* (collective symbolic coping). В исследованиях данный термин встречается у австрийского социального психолога В.Вагнера, который рассматривал дискурс в Большом сообществе как конкретный способ коллективного коупинга. Конечно, коллективный коупинг существует не только в форме дискурса, необходимого для преодоления каких-то групповых проблем. В целом, он выступает важнейшим *механизмом стабилизации* социального поведения в сложных ситуациях, экстремальных условиях, при столкновении группы с реальными проблемами и т.п. Выявление стратегий и закономерностей протекания коллективного коупинга в условиях общественной, региональной или групповой нестабильности может рассматриваться перспективным направлением исследований.

Изучение феноменов и коллективной памяти, и коллективного коупинга фактически являются новыми областями в отечественной социально-психологической науке, их целесообразно развивать, особенно в парадигме субъектного подхода. Эти феномены, наряду с такими социально-психологическими атрибутами больших групп как психологические отношения, социальные представления и социальные установки, стереотипы и предрасудки, групповые ценности и ценностные ориентации, социальная категоризация и различные виды идентичности, социальное сравнение и социальные ожидания, социальные нормы и правила, социальные эталоны и идеалы и мн. др., помогают понять закономерности переживания людьми периода сложных трансформаций российского общества.

Новые данные о феноменах больших социальных групп как коллективных субъектов, в частности, о динамике коллективной памяти и формировании коллективного коупинга, будут способствовать, с одной стороны, прогнозированию возможных негативных психологических последствий общественных преобразований, а с другой — поиску путей стимулирования процессов развития гражданской ответственности и социальной активности представителей разных групп российского общества.

Сформулированные выше научные направления и проблемы исследования вполне вписываются в содержание *макропсихологического анализа* состояний современного общества (или *макропсихологии* как научной отрасли), разрабатываемого в ИП РАН. Выделенные психологические проблемы, безусловно, имеют региональную специфику, поэтому организация срав-

нительных исследований субъектных особенностей больших социальных групп в разных российских регионах будет реально инициировать также становление *региональной психологии* как отрасли психологической науки.

1.2.3. Исторический экскурс

В психологии проблема субъекта имеет свою специфику, раскрываемую с позиций субъектного (субъектно-деятельностного) подхода. Понятие субъект становится центральным понятием в психологии, в связи с тем, что С.Л.Рубинштейн показывает: деятельность, так же как и сознание, - это способность деятельного субъекта.⁷

Субъектом представители субъектно-деятельностного подхода называют человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности.⁸ Он выступает как носитель определенной системности, раскрывающийся во взаимодействии с миром. Именно субъект становится системообразующим фактором на каждом этапе своего развития.⁹

Для человека как субъекта сознания особенно существенно, что именно в ходе рефлексии он формирует и развивает свои цели, т.е. цели деятельности, общения, поведения, созерцания и других видов активности. При этом он осознает хотя бы частично некоторые из своих мотивов, последствий совершаемых действий и поступков и т.д.¹⁰

Субъектный подход органично связан с развитием методологических основ всех областей психологии. Решение проблем в его рамках опиралось на исследование рефлексивных процессов. В частности С.Л.Рубинштейн подчеркивал, что для принятия испытуемым экспериментальной задачи, экспериментатор должен перейти вместе с испытуемым на позицию участника совместной деятельности, направленной на решение общей жизненной задачи, выходящей за пределы экспериментальной ситуации. Приведем несколько примеров:

— Переход в психологии памяти от исследований, основанных на запоминании бессмысленного материала (типа работ Г.Эббингауза), к работам,

⁷ Рубинштейн С.Л. Человек и мир /Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С.253-381.

⁸ Знаков В.В. Понимание субъектом мира как проблема психологии человеческого бытия / Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В.Брушлинского, М.И.-Воловиковой, В.Н.Дружинина. - М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С.86-105.

⁹ Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтологический аспект Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой, В.Н.Дружинина. - М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С.184-203.

¹⁰ Брушлинский А.В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности / Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории/Под ред. А.В.Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С.208-252.

где изучаются роль деятельности субъекта и решаемых задач при усвоении им осмысленного материала.

– В рамках психофизических исследований выделяется направление - субъектная психофизика.¹¹ Введение в теоретический арсенал психофизики представления об активном субъекте способствовало кардинальному сближению психофизики с общепсихологическим подходом к исследованиям.

– В психофизиологии физиологические сдвиги интерпретируются как активно управляемые субъектом.

– Формирование зрелой личности связывается с ее превращением из «элемента» социальной системы в субъекта деятельности.¹²

– Развитие механизмов рефлексивной самоорганизации, положенное в основу формирования субъектов-профессионалов управленческой деятельности.¹³

– В психотерапии ведущей становится личностно-ориентированная терапия К.Роджерса¹⁴, которая предложила отнести к личности не как к пациенту, а как к субъекту, способному с небольшой помощью решить свои проблемы.¹⁵ В основу формирования структуры и логики психологических исследований закладываются субъект-объектные, так и субъект-субъектные отношения.¹⁶

В целом новый подход к человеку и миру позволяет преодолеть концептуальный разрыв между ними, обратить внимание на активность субъекта и, в конечном итоге, выработать методологические основания для гуманистического понимания человека сопоставить гуманистическую и антигуманистическую (тоталитарную) точки зрения.

С.Л.Рубинштейн¹⁷ связывал становление человека подлинным субъектом своей жизнедеятельности, когда его поступки обретают философский оттенок и он действительно ответственен за ход своей жизни, с появлением *рефлексии*, которая как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы.

¹¹ Бардин К.В., Индлин Ю.А. Начала субъективной психофизики. М., Институт психологии РАН, 1993, часть 1. – 254 с.

¹² Асмолов А.Г. Психология личности. М.: МГУ, 1990. – 367 с.

¹³ Анисимов О.С., Деркач А.А. Основы общей и управленческой акмеологии. М. Новгород, 1995. – 272 с.

¹⁴ Rogers, C.R. Client-Centered Therapy: its current practice, implications and theory. -Boston: Houghton Mifflin, 1951.

¹⁵ Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъект / Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 56-74.

¹⁶ Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М.: Институт психологии РАН. 1994. – 163 с.

¹⁷ Рубинштейн С.Л. Человек и мир /Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 253-381.

Взаимообусловленность, взаимопроникновение и взаимодействие при решении социальных задач различных типов субъектов (личность, группа, организация и др.) и различных видов сознания (индивидуальное, групповое, массовое) подталкивает многих исследователей к принятию некоторой обобщенной логической структуры, инвариантной по отношению к видам и «носителям» сознания. Такого рода структуры позволяют в единых понятиях анализировать процессы информационного взаимодействия качественно различающихся элементов, не снимая возможности учета их специфики.¹⁸ В этих логико-психологических схемах мы имеем дело с формализованными субъектами, которые могут выступать как модели различных типов реальных субъектов (личность, группа, коллектив, организация и др.).

Системообразующим механизмом для различного рода субъектов является сознание, которое выполняет функцию формирования внутренних представлений (образований) субъектов, регуляции действий и взаимодействий субъектов.

Инвариантными структурами сознания (по отношению к различным типам субъектов) выступают структуры сознания построенные на основе выделения «позиционных» представлений субъектов. *Рефлексивные структуры сознания* -основа для анализа информационных воздействий во взаимодействия субъектов различных типов.

Особый план структур сознания субъектов определяют *социальные нормы*, которые охватывают весь спектр возможных поведенческих реакций, действий и активности личности, вводят в мир человека особый аспект, особый план, особую модальность долженствования — модальность ценности и оценки, измерения допустимого, приемлемого, желательного, ожидаемого, необходимого.¹⁹ С их помощью общество в целом и различные социальные группы, вырабатывающие эти нормы, предъявляют своим членам требования, которым должно удовлетворять их поведение, направляют, регулируют, контролируют и оценивают это поведение. Через социальные нормы осуществляется координация и интеграция субъектов разных типов. Этот особый план структуры сознания может быть представлен как многомерное пространство позиций субъектов социальной деятельности значимых для конкретной личности, через «призму» которых она оценивает весь спектр своих представлений и действий.²⁰

Принципиальным для субъектного подхода является снятие противопоставления между «исследователем» и «объектом исследования». В его кон-

¹⁸ Parsons T. Social System. Glencoe, 1952.

Лефевр В.А. Элементы логики рефлексивных игр //Проблемы инженерной психологии /Под ред. Б.Ф.Ломова. Вып.4, Ленинград, 1966. С. 273-299.

¹⁹ Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. – 312 с.

²⁰ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Сов.радио, 1973. – 158 с.

тексте появляется возможность перехода от парадигмы «субъект – объект» к парадигме «субъект – субъект», что позволяет, в частности, наметить пути преодоления ограниченности естественно-научного подхода.

Игнорирование специфики, самостоятельного значения гуманитарных и субъективных знаний и методов неразрывно связано с проблемой целостности представлений сложных социальных систем. В последние годы, благодаря совместным усилиям представителей гуманитарных и естественных наук, достигнуты значительные успехи в повышении роли гуманитарных и субъективных знаний в различных сферах деятельности, создании механизмов формирования, хранения и обмена такого рода знаниями.

Наиболее яркими примерами являются следующие исследования:

– борьба за представимость целого, за наглядность мыслимого, способность решать конкретные задачи построения внутреннего образа структуры: визуализация, схематизация мышления и мыследеятельности, когнитивные модели и др.;²¹

– разработка методов и систем синтеза естественно-научных и гуманитарных знаний;²²

– развитие механизмов рефлексивного мышления субъектов учебной деятельности;²³

– развитие механизмов рефлексивной самоорганизации субъектов управленческой деятельности;²⁴

– попытки реформирования системы образования с ориентацией на увеличение роли искусства и значения гуманитарных знаний в социализации, обеспечении жизнедеятельности и социальном управлении.

При решении подобного рода задач оказывается недостаточным использовать только одно системное представление и, следовательно, использовать лишь одно членение целого на элементы. Объект как бы проецируется на несколько экранов. Каждый экран задает свое собственное членение на элементы, порождая тем самым определенную структуру объекта. Экраны свя-

²¹ Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок /Системные исследования. Ежегодник. М., 1981. С. 193-227.

²² Финн В.К., Михеенкова М.А. Отражение рефлексии в ДСМ-системе автоматического порождения гипотез //Рефлексивные процессы. Материалы международного симпозиума. М. 1994.

²³ Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986.
Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. М.: Изд-во "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996. - 384с.

Жегалин В.А., Нечипоренко А.В. Концепция философско-методологического и психолого-педагогического обеспечения человеко-машинных систем (ЧМС) //Вопросы методологии. 1991, №4. С.9-20. И др.

²⁴ Анисимов О.С., Деркач А.А. Основы общей и управленческой акмеологии. М. Новгород, 1995. – 272 с.

заны друг с другом так, что исследователь имеет возможность соотносить различные картины, минуя сам объект. Подобное «устройство», синтезирующее различные системные представления, было названо «конфигуратором».²⁵ Поэтому и решение вышеуказанных задач возможно только при использовании различных системных представлений, связанных друг с другом.

1.3. Онтология субъекта в работах Г.П.Щедровицкого и В.А.Лефевра

1.3.1. Представление о субъекте в работах В.А.Лефевра и Г.П.Щедровицкого

Деятельностная ориентация Щедровицкого

«... Так где существует человек? Является ли он автономной целостностью или он только частица внутри массы? Это одна форма вопроса. Другая – творчество. Принадлежит ли оно индивиду или оно принадлежит функциональному месту в человеческой организации и структуре? Я на этот вопрос отвечаю очень жестко: конечно не индивиду, а функциональному месту.»

Г.П.Щедровицкий [с.10]²⁶

Среди психологов часто приходится слышать нелестные слова в адрес идей и работ Щедровицкого. И эта реакция вполне понятна, но вместе с тем не оправдана. Да, Щедровицкий открыто провозгласил антипсихологическую позицию как ведущую методологическую установку. Провозглашение такой установки – это экстремистский шаг для соблюдения чистоты рассуждений и исследований, но при этом Щедровицкий был многолик и допускал прямо противоположные установки [с.18]²⁷. Более того, результаты его «антипсихологических» исследований могут служить развитию психологии, если они получены в рамках соблюдения строгих правил. Эта позиция четко высказана В.П.Зинченко:

«На мой взгляд, центральные проблемы, которые на протяжении всей жизни волновали Г.П., это проблемы мышления и деятельности. Хотя при их рассмотрении Г.П. и субъективно и объективно чаще всего был настроен антипсихологически, именно здесь можно найти наиболее интересные и значительные для психологии результаты. В том числе значительные для ее теории и методологии.» [с.344]²⁸.

²⁵ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Сов.радио, 1973. – 158 с.

²⁶ Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М, 1997.

²⁷ Там же.

²⁸ Зинченко В.П. Комментарий психолога к трудам и дням Г.П.Щедровицкого / Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Редактор составитель Н.И.Кузнецова - М.: Ф.А.С.- медиа, 2004. С. 336-403.

Кроме того, в ММК сегодня имеют место психологически ориентированные линии. Поэтому недооценивать роль ММК в развитии современной психологии нельзя. Подтверждением могут служить следующие соображения.

Во-первых, многие ведущие психологи (В.В.Давыдов, А.В.Брушлинский, В.П.Зинченко, Я.А. Пономарев и др.) имели непосредственные контакты с участниками ММК, что, безусловно, влияло на их концептуальные представления.

Во-вторых, многие ведущие специалисты из тесно связанных с психологией областей знаний также попадали под влияние представителей ММК и их последователей. Мимо идей Г.П.Щедровицкого и его учеников не мог пройти ни один философ, интересующийся проблемами познания и мышления, в частности, в различные периоды развития методологического семинара в нем принимали участие А.А.Зиновьев, В.Н.Садовский, В.С.Швырев, Э.Г.Юдин, В.А.Лекторский, В.С.Степин и др.

В-третьих, представители ММК или специалисты, продвигающие идеи ММК, являлись и являются руководителями и ведущими специалистами в ряде организационных структур, ориентированных на решение психологических проблем.

В-четвертых, участниками ММК опубликовали много работ по психологической проблематике.

Что дают психологии методологические разработки ММК и развивающих его идеи последователей? Главный результат связан с признанием того, что основа для применения психологических знаний определяется «сверху»: принятой системой онтологических допущений и используемых теоретических моделей. Таким образом, перед психологией встает задача создания конструктивных элементов (онтологических схем и моделей) и проектирования механизмов создания форм организованности полисубъектных систем, на которые можно проецировать психологические знания для решения практических задач и на основе которых ставятся новые исследовательские проблемы. Эти идеи вынашивались в ММК с 50-х годов, когда Щедровицкий начал обсуждать роль моделей и онтологических картин в мыслительной деятельности. Именно последние определяют характер и смысл научного эксперимента. Работы ММК показали, что в отличие от распространенных представлений результаты эксперимента не определяют содержание теоретических понятий, а, скорее, фиксируют условия их применимости.

В дальнейшем Щедровицкий расширил сферу приложений методологии, заявив, что она вырабатывает предписания не только для мышления, но также и для других видов деятельности. В начале 70-х годов строится так называемая «Общая теория деятельности» [с. 233-280]²⁹. Методология понимается как разработка предписаний для производства разного рода орга-

²⁹ Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк.Культ.Полит., 1995.

низованностей» – и мыслительных, и практических: систем коммуникаций, социальных организаций и т.д.

Ведется много споров о степени универсальности полученных результатов, неоспоримо одно: в рамках ММК удалось разработать некоторые технологические и социально-организационные процедуры, применимые при решении ряда задач проектирования и других видов деятельности.³⁰ Сегодня этот контекст расширяется и охватывает широкий спектр теоретических и прикладных проблем психологии.

Человек в исследованиях Щедровицкого предстает как материал, который вторичен по отношению к механизмам и средствам организации деятельности. «Или – если пользоваться чеховскими словами о том, что раба надо из себя выдавливать, - надо эту субъектность из себя выдавливать. Когда выдавите, можете быть ученым, методологом, учеником. Человеком быть не можете» [с.570]³¹.

Все же в последних выступлениях Щедровицкий скорректировал свою изначально жесткую ориентацию на бессубъектность. Он признал, что хотя схема «субъект-объект» не годится при исследовании мышления и при занятиях методологией, без нее нельзя обойтись при анализе процессов коммуникации и организационно-деятельностных игр [с.577], что деятельностный подход предполагает невозможность для человека снятия с себя ответственности, что эта сторона, субъективный подход и волевое решение, необходима в каждом деле и есть наверное, самое главное, что требуется от каждого человека [с.16]³².

Рефлексивно-субъектная ориентация Лефевра

«Меня поражает, что рассуждая о личности, общении, сознании, самосознании и даже самой рефлексии, многие исследователи до сих пор изъясняются так, будто бы теории В.А.Лефевра не существовало вовсе.»

В.А.Петровский [с.17]³³

Первый шаг построения В.А.Лефевром концепции рефлексии был связан с тем, что он стал рисовать человечка, держащего в руках планшет, на котором изображен его двойник, выбирающий различные варианты дей-

³⁰ Лекторский В.А. Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия / Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Редактор составитель Н.И.Кузнецова - М.: Ф.А.С.- медиа, 2004. С.170-205.

³¹ Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк.Культ.Полит., 1995.

³² Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М, 1997.

³³ Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России. Материалы Круглого стола 5 марта 2001 г. Институт психологии РАН // Рефлексивные процессы и управление. 2001. N1. Том 1. С.6-33. www.reflexion.ru

ствий. Так он иллюстрировал возможность проигрывания действия до его совершения, т.е. указывал на рефлексивность действия и его принципиальную субъективность. Щедровицкий ссылался на это особое изображение рефлексии, предложенное Владимиром Александровичем в 1962 г. [с.410]³⁴. В 1965 г. была опубликована его статья, посвященная самоорганизующимся и саморефлексивным системам.³⁵ В ней рассматривается возникновение индивидуального сознания и самосознания, а также некоторые условия организации коллективной деятельности.

Как справедливо отмечает В.П.Зинченко:

«Г.П. проигнорировал эту работу Лефевра, как и все последующие, посвященные конфликтующим структурам и рефлексивному управлению. Не думаю, что игнорирование имело личностные причины. Они скорее принципиальны и связаны с тем, что проблему сознания и самосознания Г.П. сознательно оставлял за пределами своих научных интересов и поисков. Включение этой проблематики могло бы поколебать его взгляд на деятельность как на бессубъектную» [с. 393]³⁶.

Существенное влияние на понимание рефлексии Лефевром и дальнейшую направленность его работ оказали проведенные в 1960-е годы им и его учениками психологические экспериментальные работы с «дриблингами». Было обнаружено внезапное прерывание автоматизированной деятельности испытуемого в процессе экспериментальной игры.

Типичный эксперимент состоял из двух фаз. В первой программа, играющая роль оппонента, формировала у испытуемого определенный тип поведения, выгодный для испытуемого в контексте данной игры. Во второй программа внезапно меняла свою тактику таким образом, что выработанное поведение переставало быть выгодным.

В экспериментах было обнаружено, что испытуемые способны к резкому прерыванию поведения старого типа. Никаких свидетельств постепенного переучивания обнаружено не было (В.А.Лефевр, П.В.Баранов, В.Е.Лепский, А.Ф.Трудолюбов)³⁷. В этих ситуациях понятие «осознание» приобретало функциональный смысл. С целью объективизации такого рода процессов Лефевр избрал путь построения простейших моделей субъекта, в рамках которых по-

³⁴ Щедровицкий Г.П. *Философия. Наука. Методология*. – М, 1997.

³⁵ Лефевр В.А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах / Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. - М. Академия наук СССР.1965. С.61-68.

Проблемы эвристики. М.: Высшая школа, 1969.

³⁶ Зинченко В.П. Комментарий психолога к трудам и дням Г.П.Щедровицкого / Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Редактор составитель Н.И.Кузнецова - М.: Ф.А.С.- медиа, 2004. С.336-403.

³⁷ *Проблемы эвристики*. М.: Высшая школа, 1969.

нения, отражающие субъективный мир человека, могли бы приобрести ясный и однозначный смысл. Исследования привели к построению ряда моделей субъекта в ситуациях выбора. Наиболее проработаны модели, связанные с биполярным выбором.

Проблема субъекта и вклад Лефевра

Проблема субъекта актуальна для многих общественных, гуманитарных и технических наук, в психологии она имеет свою специфику, раскрываемую через принцип, согласно которому внешние причины действуют лишь опосредованно через внутренние условия. При этом в фокусе оказались проблемы сознания, выступающего в роли регулятора деятельности *субъекта*.

Для понимания человека как субъекта сознания особенно существенно, что именно в рефлексии он формирует и изменяет свои цели (цели деятельности, общения, поведения, созерцания и других видов активности). При этом он осознает (хотя бы частично) свои мотивы, последствия совершаемых действий и поступков и т.д.³⁸ Действенная преобразующая роль сознания по отношению к внешнему миру выдвигается на первый план.³⁹

С.Л.Рубинштейн связывал становление человека в качестве подлинного субъекта своей жизнедеятельности с тем, что поступки человека обретают философский оттенок и он берет на себя ответственность за ход своей жизни. Фактически, он связывает этот переход с появлением *рефлексии*, которая как бы приостанавливает непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы.

В России исторически сложился повышенный интерес специалистов различных областей к проблематике сознания, поэтому именно в ней рефлексивный подход получил наибольшее развитие. В русской культуре проблемы сознания играют такую же роль как проблемы поведения в американской культуре. Однако отечественная когнитивная наука развивалась не тем путем, как в Америке. Если там основным аспектом ее изучения являлась техника решения задач, то в России ее развитие было связано с построением моделей человеческого сознания.

В советской идеологии понятие сознания всегда рассматривалось в контексте отношения «материя — сознание». Этот идеологический постулат был положен и в основу психологии. Одна из попыток вывести проблемы сознания из идеологии в науку связана с расширением традиционного понятия рефлексии. В начале 1960-х годов В.А.Лефевр выступил одним из ведущих инициаторов привлечения внимания научной общественности к по-

³⁸ Брушлинский А.В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности / Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории/Под ред. А.В.Брушлинского. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1997. С. 208-252.

³⁹ Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания //Вопросы психологии, 1991, № 2. С. 15-36.

нятию рефлексии и к исследованию рефлексивных процессов. При этом его главная исходная посылка заключалась в следующем: «Развитие психологии задержалось из-за отсутствия моделей, которые включали бы в себя «внутренний мир» человека» (В.А.Лефевр подразумевал под моделями, прежде всего, математические модели).

И в этой связи нельзя недооценивать вклад Лефевра в становление субъектного подхода в психологии; он первым смог вывести проблематику рефлексии из под строгого идеологического контроля, воспользовавшись актуальностью проблем моделирования военных конфликтов. Тем самым он стимулировал развитие отечественной психологии.

Понятие рефлексии позволило выделить из проблем сознания один ее важнейший аспект – проблему самопрезентации конкретного человека и технической системы, а также социальной группы, общества и культуры в целом. Был создан профессиональный язык, лишенный идеологических побочных смыслов, разработаны модели рефлексивных процессов, в том числе математические.

Под рефлексией начала также пониматься способность встать в позицию исследователя по отношению к другому субъекту, его действиям и мыслям. Такое более широкое понимание позволило построить предмет исследования и выявить рефлексивные процессы как обособленный феномен, определяющий специфику взаимоотношений объектов исследования, являющихся в то же время исследователями.

Границы рефлексивной логики были расширены за пределы индивидов и стали включать произвольные интеллектуальные системы. Рефлексивный подход оказал существенное влияние на систему научных понятий и, более того, стал входить в массовое сознание. В настоящее время в России сложилось междисциплинарное «рефлексивное движение», которое оказывает существенное влияние на формирование концептуальных подходов различных областей знаний: философии, социологии, психологии, педагогики, проблематики искусственного интеллекта и компьютерных наук в целом, компьютеризации управленческой деятельности, военного дела и ряда других наук и практических направлений.

Взаимообусловленность, взаимопроникновение и взаимодействие при решении социальных задач субъектов различных типов (личность, группа, организация и др.) и различных видов сознания (индивидуальное, групповое, массовое) подталкивает многих исследователей к принятию некоторой обобщенной логической структуры, инвариантной по отношению к видам и «носителям» сознания. Такого рода структуры позволяют в единых понятиях анализировать процессы информационного взаимодействия качественно различающихся элементов, не снимая возможности учета их специфики.⁴⁰ В этих логико-психологических схемах мы имеем дело с формализованными субъектами, которые могут выступать как модели различных ти-

пов реальных субъектов (личность, группа, коллектив, организация и др.).

Системообразующим механизмом для различного рода субъектов выступает *сознание*, которое выполняет функцию формирования внутренних представлений субъектов, регуляции действий и взаимодействий субъектов.

Противопоставление объекта и исследователя оказалось справедливым лишь для объектов «не наделенных психикой». В случае, когда исследователю противостоит объект, «наделенный психикой», отношение между исследователем и объектом превращается в отношение между двумя исследователями, каждый из которых является объектом по отношению к другому. В таких отношениях явно происходит нарушение «физических» постулатов. Исследователь становится всего лишь одним из персонажей в специфической системе рефлексивных отношений. Объекты становятся сравнимыми с исследователем по совершенству.

1.3.2. Представление о рефлексии в работах В.А.Лефевра и Г.П.Щедровицкого

«Объективность исследования как основная установка науки достигается каждый раз только благодаря соответствующему уровню рефлексии, а не вопреки ему».

*В.С.Степин*⁴¹

Рефлексия и ММК

История представлений ММК о рефлексии связана с яркими личностными и содержательными конфликтами. Это история формирования оригинальных трактовок рефлексии, порой вступающих между собою в непримиримый конфликт, а порой снова сходящихся в общих концепциях учеников и последователей ММК. Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря работам ММК идея рефлексии вошла в отечественную науку намного раньше, чем на Западе, а ее разработка была существенно лучше оснащена методологически и методически. Сегодня именно эти разработки в значительной степени определяют стратегические направления развития современной психологии: как возможности ее интеграции с другими областями знаний, так и ее практические приложения.

По рассказам очевидцев, в 1960-е годы в Московском методологическом (тогда — логическом) кружке произошел бунт: молодой математик Владимир Лефевр стал требовать введения в состав базовых понятий ММК блока

⁴⁰ Parsons T. Social System. Glencoe, 1952.

Лефевр В.А. Элементы логики рефлексивных игр //Проблемы инженерной психологии /Под ред. Б.Ф.Ломова. Вып.4, Ленинград, 1966. С.273-299.

⁴¹ Степин В.С. От философии и методологии науки – к философской антропологии (траектории развития идей: 1950- 1990-е гг.) / Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Редактор составитель Н.И.Кузнецова - М.: Ф.А.С.- медиа, 2004. С. 131-169.

новых понятий. Предлагались понятия: рефлексия, рефлексивная система, рефлексивный процесс, субъект рефлексии, сознание и др.

Данное предложение следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, это призыв к расширению представлений о формально-логическом подходе, включению в него специфических рефлексивно-структурных детерминант и специфических механизмов, определяющих динамику рефлексивных структур. Фактически указанный аспект позволял развить представления о мышлении как объективном процессе и последовательно продолжать на новом витке линию ММК на рассмотрение мышления как деятельности (формально-деятельностное представление).

Во-вторых, это попытка включить в контекст рассмотрения носителей рефлексии (индивиды, группы, организации, государства и др.) – идея крайне революционная, поскольку она нарушала важнейшие исходные посыпки Щедровицкого о бессубъектности методологического подхода.

Реакция Щедровицкого на предложения Лефевра была крайне негативной, прежде всего из-за принципиальной неприемлемости второго аспекта предложения. Сгоряча был проигнорирован и первый аспект.

В 1970-е годы Щедровицкий вынужден был признать необходимость рефлексии в деятельностном подходе и тем самым пересмотреть свою теорию деятельности. Фактически была признана конструктивность первого аспекта предложения Лефевра, а в глоссарий ММК включено как ключевое понятие «рефлексия».⁴²

Созданные Щедровицким и кружком в конце 70-х годов организационно-деятельностные игры (ОДИ) в основе своей строились как рефлексивные. «Рефлексивный выход» из деятельностной позиции стал ключевым моментом ОДИ, а технологии его обеспечения являются новаторскими и крайне актуальными для многих областей практики (проектировочная деятельность, управленческое консультирование, психотерапия, педагогика и др.). Рефлексия стала знаменем системо-мыследеятельностного подхода и игротехнического движения. Новые поколения методологов и игротехников уже не различали взгляды на рефлексии Лефевра и Щедровицкого, считая их классикой.⁴³

По образному выражению Г.Л.Смоляна⁴⁴, «В.А.Лефевр и Г.П.Щедровицкий оказались настоящими оригиналами, в смысле Ницше, поскольку называли вещи, до них не названные: *рефлексивные процессы, рефлексивные*

⁴² Щедровицкий Г.П. Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности/Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. М.: Стройиздат, 1975.

⁴³ Левинтов А.Е. Две рефлексии. 2004. <http://gp.metod.ru/mmk/problem/problemIssue/16>

⁴⁴ Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России. Материалы Круглого стола 5 марта 2001 г. Институт психологии РАН // Рефлексивные процессы и управление. 2001. N1. Том 1. С.6-33. www.reflexion.ru

структуры, рефлексивные системы. Ради объективности стоит заметить, что Щедровицкий сделал это после Лефевра, когда искал выход из тупиков, разрабатываемой им содержательной логики».

Рефлексия в понимании Щедровицкого

«Рефлексия – один из самых интересных, сложный и в какой-то степени даже мистический процесс в деятельности; одновременно рефлексия является важнейшим моментом в механизмах развития деятельности».

Г.П.Щедровицкий⁴⁵

Щедровицкий рассматривал *рефлексию в контексте процедур преобразований различных видов деятельности*. Рефлексия понималась им как сугубо деятельностьная позиция, без учета специфики субъекта деятельности.

«...рефлексия интересует нас, прежде всего, с точки зрения метода развертывания схем деятельности, т.е. формальных правил, управляющих конструированием, или, при другой интерпретации, изображением механизмов закономерностей естественного развития деятельности. Однако в этом плане она оказывается слишком сложной. Представления, накопленные в предшествующем развитии философии, связывают рефлексию, во-первых, с процессами производства новых смыслов, во-вторых, с процессами объективации смыслов в виде знаний, предметов и объектов деятельности, в-третьих, со специфическим функционированием а) знаний, б) предметов и в) объектов в практической деятельности. И, наверное, это еще не все. Но даже этого уже слишком много, чтобы пытаться непосредственно представить все в виде механизма или формального правила конструирования и развертывания схем. Поэтому мы должны попытаться каким-то образом свести все эти моменты к более простым отношениям и механизмам, чтобы затем вывести их из последних и таким образом организовать все в единую систему.

Таким более простым конструктивным принципом служат связи кооперации. Уже из них или на их основе мы выводим потом специфические характеристики функционирования сознания, смыслов, знаний, предметов и объектов. Значит, должна быть создана схема такой кооперативной связи, которая могла бы рассматриваться как специфическая для рефлексии. В этой роли у нас выступает схема так называемого «рефлексивного выхода» [с.49]⁴⁶.

⁴⁵ Щедровицкий Г.П. Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности/Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. М.: Стройиздат, 1975.

⁴⁶ Щедровицкий Г.П. Рефлексия и ее проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2001. N1. Том 1. С.47-54. www.reflexion.ru

Осознанное упрощение Щедровицким представлений о рефлексии, в частности, абстрагирование от роли субъектов, позволило сконцентрировать внимание на обобщенных технологиях продуцирования знаний в широком классе социальных систем. Рефлексия, в понимании Щедровицкого - это, прежде всего, процедура, лежащая в основе технологий порождения и интеграции знаний в социальных системах и развития различных видов деятельности, в контексте его деятельностного подхода, это рефлексия деятельностных позиций, функциональных мест.

Как заметил В.М.Розин, у Щедровицкого:

«...тип рефлексивной работы представляет особый тип дедукции. Есть классические работы Г.П.Щедровицкого, где он разворачивает схемы деятельности за счет рефлексии. Задается клеточка деятельности, затем механизмы рефлексии и организации деятельности, что позволяет вводить разные позиции (практика, методиста-ученого, методиста-педагога), виды знания, структуры коммуникации. По сути, это тип дедуктивного теоретического мышления. ... но осознавался он как рефлексия» [с.20]⁴⁷.

Рефлексия в понимании Щедровицкого имеет антипсихологический характер, вместе с тем она «порождает» структуры и механизмы взаимодействия субъектов различных типов, на которые психологические знания могут проецироваться, что позволяет осмысленно включать их в широкие системные контексты, в том числе и практические. Она продуцирует онтологические схемы для различных областей знаний, в том числе и для психологии; это – социальная рефлексия, отвлеченная от специфики конкретных субъектов. И ее актуальность особенно возрастает в контексте современных представлений об управлении и развитии социальных систем.

В последнее время появилась трактовка рефлексии в понимании Щедровицкого как рефлексии мышления.⁴⁸ Она, безусловно, имеет определенные основания в контексте работ ММК, где было постулировано «...признание мира мышления как особой субстанции, существующей в социокультурном пространстве, то есть в пространстве между людьми, а не в голове отдельного человека» [с.347]⁴⁹. Щедровицкий утверждал, что мир мышления должен быть положен как новая реальность, противопоставленная реальности материи [с.10]⁵⁰. «...Г.П. проделал огромную работу по конструированию онтологических картин мира мышления, существу-

⁴⁷ Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России. Материалы Круглого стола 5 марта 2001 г. Институт психологии РАН // Рефлексивные процессы и управление. 2001. N1. Том 1. С.6-33. www.reflexion.ru

⁴⁸ Левинтов А.Е. Две рефлексии. 2004. <http://gp.metod.ru/mmk/problem/problemIssue/16>

⁴⁹ Зинченко В.П. Комментарий психолога к трудам и дням Г.П.Щедровицкого / Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Редактор составитель Н.И.Кузнецова - М.: Ф.А.С.- медиа, 2004. С.336-403.

⁵⁰ Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М, 1997.

ющего не как психический процесс, а объективно, как субстанция особого рода» [с.350]⁵¹.

Рефлексия в понимании В.А.Лефевра

«Любопытно, что Фалес, родоначальник философии физики, и Сократ, диалоги которого дошли до нас благодаря Платону, говорили на языке рефлексии. Всем известны их афоризмы: «Познай самого себя» (Фалес) и «Я только знаю, что ничего не знаю» (Сократ). Кстати, последний является прекрасной иллюстрацией к одной из теорем Лефевра, выведенных из его булевых алгоритмов: «Совершенный индивид не может считать себя совершенным».

А.Б.Рапопорт [с.47]⁵²

В самом общем виде рефлексия в понимании Лефевра - способность некоторых систем строить модели себя и одновременно видеть себя строящими такие модели. На этом пути удается провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания.

В многовековой философской традиции рефлексия понималась как способность анализировать собственные мысли. Лефевр существенно расширил это понимание рефлексии. Еще в 60-е годы прошлого столетия он ввел понятия рефлексивной системы и рефлексивного управления, существенно изменившие парадигму исследования сложных социально-культурных объектов. Лефевр показал, что теория, описывающая такие объекты, являясь их внутренней компонентой, способна разрушить собственную истинность. Поэтому изучение рефлексивных систем требует пересмотра традиционных отношений между исследователем и объектом исследования.

Рефлексивные процессы включены во все механизмы регуляции функционирования рефлексивных систем. Рефлексией могут обладать любые типы субъектов: индивид, группа, организация, государство, человечество и т.п. При таком понимании рефлексии ею потенциально могут обладать системы любого происхождения, в том числе и системы искусственного интеллекта.

Ориентация Лефевра на исследование механизмов рефлексии независимо от морфологии ее носителей предопределяет изначально ярко выраженный междисциплинарный характер его подхода. Продуктивное использование конструктивных исходных установок позволило автору внести се-

⁵¹ Зинченко В.П. Комментарий психолога к трудам и дням Г.П.Щедровицкого / Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Редактор составитель Н.И.Кузнецова - М.: Ф.А.С.- медиа, 2004. С.336-403.

⁵² Рапопорт А.Б. Что такое рациональность? // Рефлексивные процессы и управление. 2002. N2. Том 2. С.23-47. www.reflexion.ru

резный вклад в математическую психологию, а также обеспечить интересные научные прорывы, связанные с новыми типами морфологий носителей рефлексии, в частности, высоко оцененные оригинальные постановки проблем в области космологии.

Созвучные представления о сознании мы встречаем в идее И.Канта о наличии устойчивых, инвариантных структур, схем сознания, накладывающихся на непрерывно меняющийся поток сенсорной, поступающей от органов чувств информации и организующих его определенным образом. Согласно И. Канту и В. Лефевру, сознание всегда эгоцентрично: оно выталкивает человека в центр мироздания и заставляет взять на себя (в пределе нравственного императива) всю полноту ответственности за этот мир.

Принципиальные различия в понимании рефлексии у Щедровицкого и Лефевра сегодня могут быть проинтерпретированы и в контексте введенных В.С.Степиным этапов развития науки: классическая, неклассическая, постнеклассическая.⁵³

Г.П.Щедровицкий был созвучен в большей степени с идеалами и нормами *неклассической* науки. Рефлексия в понимании Щедровицкого связана, прежде всего, с осмыслением соотносительности характеристик объекта с особенностями средств и операций деятельности, с преобразованием деятельности.⁵⁴

В.А.Лефевр последовательно развивает представления о рефлексии, соответствующие идеалам *постнеклассической* науки. В центре его внимания оказывается рефлексия конкретных субъектов (индивидов, групп, организаций, государств и т.д.), в том числе осмысление ценностно-целевых ориентаций субъектов в их соотношении с социальными целями и ценностями.

Очевидно, что три типа научной рациональности (классическая, неклассическая и постнеклассическая) взаимодействуют и, более того, органично связаны. Появление нового типа не отменяет предыдущего, а лишь ограничивает его, очерчивает сферу его действия.

1.3.3. Заключение

Георгий Петрович Щедровицкий и Владимир Александрович Лефевр – крупнейшие отечественные мыслители. Разработка проблем рефлексии, деятельностного и рефлексивно-субъектного подходов определила методологическую основу для актуальных направлений современной психологии.

⁵³ Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С.3-18.

⁵⁴ Степин В.С. От философии и методологии науки – к философской антропологии (траектории развития идей: 1950-1990-е гг.) / Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Редактор составитель Н.И.Кузнецова - М.: Ф.А.С.- медиа, 2004. С.131-169.

«Ортогональные» идеи Г.П.Щедровицкого и В.А.Лефевра порой развинули их в разные стороны, но талант и интуиция всегда задавали стратегичность выбранных направлений, что приводило к интеграции разработок на новых уровнях развития науки. Их имена тесно связаны со становлением неклассического и постнеклассического этапов развития науки, именно в ее рамках снова встречаются и взаимно обогащаются их идеи.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что ММК в лице Лефевра и Щедровицкого инициировал рефлексивное движение в России, которое имеет громадное значение как для науки, так и для практики.⁵⁵ Нельзя считать случайностью, что первые шаги в этом направлении были сделаны в России, где влияние бихевиоризма было неизмеримо слабее, чем в Америке.

Работы Лефевра оказали существенное влияние и на зарубежную мысль. Не случайно такие выдающиеся философы как Карл Поппер и Анатолий Рапопорт сочли необходимым принять участие в широкой дискуссии вокруг работ Лефевра, развернувшейся на Западе. В частности, Карл Поппер сказал Лефевру: «Я бы на вашем месте начал книгу словами: Я думаю, что я сделал крупное психологическое открытие, состоящее из нескольких ступеней. Говоря упрощенно, оно принадлежит психологии морали, понимаемой в новом смысле» [с.142]⁵⁶.

1.4. К философии естествознания как метафорической антропологии

В постнеклассической науке в центре внимания оказываются функции обеспечения взаимодействия субъектов научного познания:

- коммуникативная – обеспечение эффективной коммуникации субъектов
- репрезентативная – обеспечение рефлексии субъектов;
- онтологическая – связь субъекта познания с реальностями бытия;
- интегративная – интеграция пространства знания.

Реализация этих функций требует построения выходов субъекта знания из дисциплинарных в трансдисциплинарные пространства и оснащения его трансдисциплинарной позиции соответствующим трансдисциплинарным инструментарием.

Мы привыкли, что такую позицию науке дают философия и методология, которые берут на себя обеспечение указанных функций. Однако наиболее общим таким пространством является культура. Формальная логика научного знания и его точные определения создают образ кажущейся замкнутости и отделенности науки от широкой культуры.

⁵⁵ Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России. Материалы Круглого стола 5 марта 2001 г. Институт психологии РАН // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. Том 1. С.6-33. www.reflexion.ru

⁵⁶ Лефевр В.А. Рефлексия. - М., «Когито-Центр», 2003. – 496 с.

Если такая замкнутость системы научных истин и заложена в конструкцию науки, то для конкретного человека это совсем не так. Даже очень рафинированное и формализованное знание остается представленным словами, где почти каждое принадлежит культуре и является культурным посредником – медиатором, выводящим субъекта научного знания из замкнутой конструкции науки. Возвращаясь после такого выхода в пространство точного научного знания, субъект не оставляет это знание неизменным, а структурирует и реструктурирует его на основе открывшихся ему способов видения исследуемого предмета.

Культурные медиаторы, включенные в научное знание, создают поток креативности – порождения новых формальных схем, конструкций, определений. Эти же медиаторы позволяют разным субъектам научного познания, находящимся в разных научных дискурсах, найти общие точки для построения коммуникации через метафоры.

Сегодня уже существует практика конструирования культурных микросред, через которые возможна коммуникация разных научных дискурсов. И если для классической модели науки такие практики лежали вне научного знания и относились к индивидуальному коммуникативному мастерству ученого, то постнеклассическая наука переводит конструирование культурных микросред в поле науки.

Сложность такого конструирования заключается в том, что осуществлявшие его ученые всегда сами были вхожи в мир живописи, музыки, поэзии, театра – реального художественного творчества. Они чувствовали звук, слово, цвет и форму, ощущали жизнь и красоту. Для постнеклассики возникает ситуация, когда эта способность должна сознательно включаться в сложную коммуникативную научную ткань, обеспечивающую сшивку множества результатов человеческого познания. То есть наука для обеспечения реальной эффективности создаваемого ею пространства знаний должна вобрать в себя и развить как метод ранее отделенные от нее опыты конструирования коммутирующих целостное знание культурных медиаторов.

Высказанные здесь соображения подсказаны автору В.Е.Лепским и В.А.Буровым⁵⁷ и удачно совпали с тем, что последует далее. А далее последует вот что: культура как среда, в которой творилась вся моя исследовательская жизнь и что из этого получилось.

1. Тема, поставленная так, как она поставлена, вынуждает представить философию естествознания неотъемлемой частью философии науки как целого, а философские вопросы естествознания как частные спе-

⁵⁷ Буров В.А., Лепский В.Е., Рабинович В.Л. Культурные медиаторы в постнеклассической науке / Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VI Международного симпозиума 10-12 октября 2007г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2007. С.16-17.

циализации философии естествознания. Обозначенный контекст возможен лишь в том случае, если представить культуру в модусе гуманитарного знания, взаимодействующего со знанием естественнонаучным. И тогда философское осмысление этого комплекса могло бы подвинуть мысль к постижению оснований естественных наук как феноменов культуры в их историческом первородстве, творческих замыслах и прогностических возможностях.

2. В конкретных философско-исторических реконструкциях раритетные образцы предстают живыми образами культуры, актуальными и после их исторической исчерпанности. В качестве таковых взяты связанные между собой сюжеты, сущностно значимые в интеллектуальной летописи европейской культуры. Это: западная алхимия, учительско-ученическая культура раннего средневековья, корпус так называемых оккультных наук, *ars magiendi* в истории культуры, русский авангард. Изучение этих сюжетов – существенная часть моей многолетней работы как автора.

3. Историческая реконструкция западной алхимии как феномена средневековой культуры – этой синкретической полифункциональной деятельности – в ее одновременном оперировании с веществом и размышлении по поводу его природы «предвосхищает» образ и судьбу научной химии, осуществляющей средостение, казалось бы, всемогущей физики и, казалось бы, всеобещающей биологии в образе «жизненной смерти» (*vita mortua*), «моделирующей» образ новой науки, теоретического мышления и науки Нового времени.

4. Паракультурная, в сущности, алхимия как исторически определенный вид деятельности выявляет суть магистрального средневековья и, взаимодействуя с ним, сулит возрожденческое обновление. Но вместе с тем свидетельствует, загадывая наперед, возможные исторические формы взаимодействия науки и ее паранаучных антиподов. Отставание гносеологически безупречного статуса собственно науки от паранаучных посягательств в настоящее время особенно актуально. Исторический опыт, опыт всей европейской культуры в этом отношении сущностно необходим.

5. Историческая реконструкция книгочейской – учительско-ученической – учености раннего средневековья актуально и для реформирования нынешнего образования (не только гуманитарного, но естественнонаучного и технического). Преподавание знания как истории знания – надежный путь гуманитаризации образования. Опыт истории в модусе образования может быть представлен образованием–обучением и образованием–воспитанием, то есть образованием самого себя не только как знающего, но и как культурного человека.

6. Изучение проблемы жизни и смерти не только как проблемы гуманитарной, но и как естественнонаучной в исторической развертке позволяет по-иному представить знание о естестве и культуру – историей встреч

способов обдумывания предельного вопроса бытия: как свою конечную, ограниченную датой рождения и датой смерти, жизнь приобщить к вечности. Но смерть предстает метафорой, понятой как «дизайнер культуры», как формообразующий принцип культур в их единстве и единственности.

7. Реконструкции явлений русского авангарда воспроизводят еще один образ культуры – как творчества в его нескончаемых начинаниях. В этой связи уместен контекст пространственно-временных соотношений «другого» искусства и «другой» науки (физики) с ее принципиально иным пониманием времени и пространства.

8. Так представленные здесь исторические реконструкции, осуществленные на границе образа и понятия, складываются в новое и продуктивное направление современной философии естествознания в его ориентации на «метафорическую антропологию» по пути от массовой культуры к культурам индивидуальных миров с иными образами науки, воспринимаемыми в противовес мертвенным образцам живыми образами культуры.

9. Многолетний опыт автора запечатлен в проекте «Человек в культуре (Образы и образцы)», обобщающем основные идеи, изложенные в данных пролегоменах.

Глава 2 **К ЭВОЛЮЦИИ ФЕНОМЕНА СУБЪЕКТНОСТИ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ** (взгляд с позиции интегрального подхода)

В этом разделе мы вкратце рассмотрим основные этапы эволюции феномена субъектности в истории западной философии. Мы хотели бы попытаться представить эволюцию феномена субъекта в рамках многомерной и достаточно просторной концептуальной системы. С нашей точки зрения, в качестве таковой полезно было бы обратиться к концепции современного американского философа Кеннета Уилбера – к его так называемому «интегральному подходу» (*integral approach*)⁵⁸, в рамках которого выдвигается, пожалуй, одна из самых полных и объемлющих картин бытия, направленная на синтез философских традиций до-современности, современности («модернизма») и пост-современности. Ниже дана его краткая характеристика, затем мы попытаемся применить ее к анализу и интерпретации заданной темы.

⁵⁸ См. напр., Уилбер К. Интегральная психология. – М.:ООО «Изд-во АСТ», 2004; Уилбер К. Краткая история всего. – М.: АСТ: Астрель, 2006.

2.1. Интегральный подход Уилбера

Подход Уилбера предполагает конструкцию некоторого пространства возможностей, в котором выделяются вертикальные уровни и горизонтальные сектора, и самости-субъектности, которая проходит развитие в этом пространстве. Уилбер выделяет около 10 вертикальных уровней («Великое Гнездо Бытия», «Великая цепь»), соответствующих все более интегрированным состояниям сознания развивающейся самости, и 4 горизонтальных сектора (мы будем называть их «Большой Четверкой»), символизируемые местоимениями разного лица и числа: Я-МЫ-ЭТО-ЭТИ⁵⁹. Левые сектора Я-МЫ связаны с внутренним миром живых существ, правые сектора ЭТО-ЭТИ — с миром объектно-внешним. Верхние сектора Я-ЭТО выражают индивидуальное начало, нижние сектора МЫ-ЭТИ — коллективное начало. Часто Уилбер объединяет правые сектора под знаком неопределенно-безличного местоимения «Это» или «Оно» (It), и тогда 4 сектора сокращаются до трех («Большая Тройка»).

Самость не только растет по вертикальным уровням, но и дифференцируется по секторам. Подобная схема (Уилбер называет ее AQAL — «All Quadrants All Levels») создает своего рода когнитивную карту, в рамках которой получают свое топическое определение разнообразные подходы и теории в самых различных областях знания и практики. Обычно каждый подход ограничен частью либо вертикальных уровней, либо горизонтальных секторов. Уилбер ставит задачу интегрального подхода как новой практики синтеза всего положительного в разных областях и создания наиболее полного образа реальности.

Из основных исторических обобщений Уилбера можно упомянуть его представления о значении трех основных периодов мировой истории — до-современности, современности и пост-современности. Главная заслуга до-современности — это утверждение идей вертикальных уровней, модели Великого Гнезда Бытия. Однако до-современность еще не различала и смешивала между собой разные горизонтальные сектора. Заслуга современности (модерна) как раз состояла в дифференциации определений четырех основных сфер, в частности, в разделении сфер науки («Это»), искусства («Я») и морали («Мы») — Большой Тройки. Но и современность главным своим недостатком имела разрушение целостности Великого Гнезда, в частности, — отрицание всех трансперсональных уровней бытия, что в конечном итоге повело к развитию редукционизма-материализма и ограничению Большой Тройки только областью внешнего «Это» («Большой Единицей»). Подобное состояние современности Уилбер называет «флатландией» — царством материалистически-редукционистской поверхности бытия-Космоса.

⁵⁹ См., напр., Уилбер К. Интегральная психология. — М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004; Уилбер К. Краткая история всего. — М.: АСТ: Астрель, 2006.

Задача пост-современности, по мнению Уилбера, – синтез вертикальных и горизонтальных делений бытия, соединение Великого Гнезда Бытия и Большой Тройки⁶⁰. Постмодернизм попытался начать выполнение этой задачи, в частности, возродив идею *интерпретации* как основного герменевтического метода обоснования в области внутреннего. Уилбер считает важными идеи постмодернизма – конструктивизма, контекстуальности и интегрального аперспективизма⁶¹ – для преодоления флатландии и восстановления онтологической значимости внутреннего мира и трансперсональных уровней бытия. Однако и постмодернизм, с его точки зрения, не смог выполнить синтетические задачи пост-современности, скатившись в свою разновидность синтаксической флатландии («смерть автора» и утверждение бытия только внешних знаковых форм текстов).

2.2. Уровни Великого Гнезда Бытия

Из описанной модели вытекает, что главные дифференциации субъекта в эпоху до-современности вертикальны, а не горизонтальны, т.е. они связаны с уровнями развития Великой цепи. В связи с этим обратимся к более точным определениям уровней, которые развивает в своем подходе Уилбер.

Это следующие уровни:

1) *Физиоцентрический уровень*, на котором субъект отождествляет себя с простейшими соматическими ощущениями и не имеет разделения внешнего и внутреннего мира. В истории этому уровню соответствует архаическое мировоззрение самых ранних стадий развития человечества.

2) *Биоцентрический уровень*, для которого характерно уже первое разделение себя и внешнего мира в сфере восприятий, но слиянность того и другого в эмоциональном плане. Этому уровню соответствует магическое мировоззрение, в котором субъект рассматривает мир как свое эмоциональное продолжение, оперируя с определениями мира как со своими аффективно-ценностными структурами (идея магии).

3) *Эгоцентрический уровень*, на котором впервые я отождествляет себя с сознательным и концептуальным уровнем, начинает использовать образы, символы и понятия, овладевая «ноосферой» как сферой семиотического бытия (до-операциональное сознание, по Пиаже). Тип мировоззрения на

⁶⁰ Отметим близость этой схемы с моделью так называемого «Зигзага Европы», развитой автором в его книге «Логика всеединства» (см. Моисеев В.И. Логика всеединства. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С.22-27), если вертикальным уровням Великой цепи сопоставить степень интегральности философского знания, а дифференциации по горизонтальным секторам – степень строгости в модели Зигзага.

⁶¹ *Принцип конструктивизма* – утверждение того, что реальность не просто пассивно отражается субъектом, но и активно строится им в процессе познания; *принцип контекстуальности* утверждает, что понимание зависит от контекстов, и полное понимание смысла предполагает обращение в конечном итоге к бесконечному числу разного рода контекстов; *принцип интегрального аперспективизма* выражает идею существования

этом уровне является смешанным, магически-мифологическим (о мифологическом мировоззрении см. след. уровень).

Однако на всех трех описанных уровнях субъект еще не способен принимать на себя точку зрения другого, пребывая в преимущественно эго-центрическом и нарциссическом состоянии. Коренное преобразование в этом плане появляется на следующем уровне.

4) *Этноцентрический (социоцентрический, конвенциональный) уровень*, на котором субъект-самость отождествляет себя с коллективным сознанием некоторой социальной общности и во многом растворяет себя в коллективном сознании, еще не обретая подлинную индивидуальность. Но здесь впервые субъект оказывается в состоянии принимать на себя другие роли и позиции, что и делает его по-настоящему коллективным существом (в периодизации Пиаже этому уровню соответствует период конкретных операций). Здесь субъект формирует мифологическое мировоззрение, в котором собственное я уже вполне отделилось от внешнего мира и требуется помощь могущественных сил-богов для влияния на внешний мир.

Первые четыре типа сознания господствуют в истории (на уровне массового сознания) на протяжении всей до-современности. В эпоху современности формируется массовый тип сознания и мировоззрения следующего уровня.

5) *Космополитический (постконвенциональный) уровень*, на котором я субъекта впервые отрывается от тех или иных ограниченных социальных отождествлений и поднимается до осознания собственной универсальности, правда, выражающей себя еще в формально-логической общности (что соответствует стадии формальных операций в периодизации Пиаже). Именно этот тип сознания массово возникает во времена Возрождения и все более проявляет себя в эпоху современности, формируя новоевропейскую классически-рациональную науку и научную парадигму, порождая материалистический редукционизм флатландии и открывая стандарты научной строгости в дифференциации Большой Тройки.

6) *Постформальный (визуально-логический, холистический) уровень* развития сознания, на котором субъект преодолевает формально-логические ограничения и отождествляет себя с холистическим образом космоса, пронизанного взаимосвязями («паутина жизни», философия Геи, теория систем и т.д.), интегрирующего душевно-телесные определения (синтезируется кентавр «душа-тело»⁶²). На этом уровне сознанию присущ концептуальный интегратизм различных позиций и точек зрения в рамках системно-диалектического мировоззрения. Это уже более массовое мировоззрение

⁶² Постформальный синтез «душа-тело» отличен от еще нерасчлененного единства внутреннего и внешнего на ранних стадиях (до 5 уровня) уже оформленной дифференциацией синтезируемых полюсов.

пост-современности, разного рода постмодернистских и экзистенциально-феноменологических направлений в философии, протестных экологических и феминистских движений, парадигмы (пост)неклассической научной рациональности (синергетика, системный подход, холизм), релятивистской методологии.

Начиная с 7-го уровня, возникают трансперсональные стадии развития субъектности, обычно отрицаемые научно-ориентированными школами, но издавна развиваемые в разного рода религиозно-духовных традициях. В определенной мере возрождение этих уровней на более научной основе происходит сегодня в рамках трансперсональной психологии. Уилбер выделяет здесь следующие 4 уровня.

7) *Экстрасенсорный (природно-психический) уровень*, на котором сознание достигает своего отождествления с разного рода природными феноменами – Душой Мира. Этому уровню соответствует мировоззрение природной мистики (культ единства с Мировым Процессом и т.д.).

8) *Тонкий (архетипический) уровень*, на котором субъект прорывается в своем сознании в так называемый мир «архетипов» – чисел Пифагора, идей Платона, форм Аристотеля, сферу ума в философии Плотина и т.д. Архетипы лежат в основании бытия как некоторые его первообразы-коды. Этому уровню соответствует божественный мистицизм, единство тонкой сферы.

9) *Каузальный уровень*, на котором субъект отождествляет себя с так называемым «Свидетелем» – глубочайшей инстанцией сознания, которая позволяющей осознать все; сама она не осознается и предстает как буддийская Великая Пустота, которая на самом деле есть Высшая Полнота, содержащая и объективирующая в себе все, выступающая как высшее основание-причина всего. Этой стадии соответствует мировоззрение бесформенного мистицизма, единение с источником проявленной реальности.

10) *Недуальный уровень*, который по сути есть уже не отдельный уровень, но пронизывающий фон всех предшествующих уровней (по выражению Уилбера, это та бумага, на которой нарисованы все уровни). Здесь сознание достигает тождества Свидетеля и проявленных форм, сливая Пустоту и Форму в высшую недualность. Этот уровень характеризуется недвойственным мистицизмом (сознание бодхисатвы, в отличие от негативной нирваны каузального уровня), единство формы и бесформенности.

Ниже мы попытаемся применить интегральный подход Уилбера к реконструкции истории философии как эволюции своего рода философского субъекта-самости. В отличие от общепринятых «рефлексивных» подходов описания представлений о субъекте в истории философии, нам кажется более верным описание самой философии как философского субъекта, который уже вторично мог более или менее адекватно отражаться в собственном самосознании. Такой подход можно было бы обозначить как «дорефлексивный». Особенность его также в том, что он призван не просто повто-

речь ту или иную известную реконструкцию историко-философского процесса, но обязан в первую очередь увидеть в философском процессе эволюцию сознания, развитие философского субъекта. В связи с этим дорефлексивный подход прежде всего нуждается в некоторой схеме эволюции сознания — достаточно глобальной, чтобы соединить в ней онто- и филогенез, генезис индивидуального субъекта и исторический процесс. Вот почему в качестве подобной схемы мы здесь и обращаемся к философии Уилбера.

2.3. Образы философского субъекта до-современности

Рождение философии обычно связывается со следующим шагом развития духа после мифологии. Этому соответствует космополитический 5 уровень, на котором сознание впервые вступает в область рационально-логического мировоззрения. Период досократиков (от Фалеса до софистов включительно), по-видимому, представляет собой спектр состояний сознания от 3-го эгоцентрического уровня, где происходит прикосновение к миру образов-понятий, через 4-й социоцентрический уровень с мифологическим мировоззрением до 5-го уровня рациональной обработки материала опыта универсальными понятиями.

Софисты открывают проблему «другой точки зрения», множественности истин и диалектики, т.е. с них начинается, как представляется, рождение постформального сознания 6-го уровня. Платонизм и перипатетизм в своих высших проявлениях развивают представления 6-го уровня визуальной логики (античная диалектика), 7-го уровня природного мистицизма (Мировая душа), 8-го уровня архетипов (теория «идей» и форм) и 9-го каузального уровня (Высшая идея Блага-Единого, Перводвигатель).

Философия эллинизма, венчаемая неоплатонизмом, поднимается до 10-го недурального уровня (Всеединое, единство Единого и Многого).

Христианская и возрожденческая философия либо скатываются до более низких уровней (на что влияет выраженный этноцентризм 4 уровня исторического христианства с крестовыми походами против язычников и борьбой инквизиции с еретиками), либо вновь поднимаются к недуральному всеединому (христианский мистицизм, «ученое незнание» Николая Кузанского и т.д.).

Интересно, что Уилбер временами строит модель всего исторического процесса только в рамках движения по вертикальным уровням, т.е. в рамках модели вертикального развития. Тогда на Возрождение приходится переход от 4-го к 5-му уровню. По-видимому, такой подход также имеет смысл, если иметь в виду *средний* уровень развития сознания в каждую историческую эпоху. Развитие философии в рамках модели метаразвития предполагает оценку не среднего, но *высшего* уровня *философского сознания* в данное время. Тот факт, что в рамках массово-усредненного сознания вся Античность и Средневековье движутся от 1-2-го к 4-му уровню, несомненно накладывает

ваает «снижающий» отпечаток и на философские построения того времени (например, философские идеалы античности во многом сужаются только до сообщества свободных мужчин античного полиса, или христианский образ Бога не распространяет себя на «неверных», за которыми стоят представители просто иных религиозных практик).

Из описанной схемы мы получаем ключ к обнаружению множества образов субъекта в философии эпохи до-современности.

Например, у досократиков субъект будет представлен самостью, отождествляющей себя со спектром от 3-го до 5-го уровней. В высших проявлениях 5 уровня такой субъект будет впервые для себя открывать сферу всего Космоса как область собственного определения, использовать возможные миры и мышление «как если бы»; прописывать все пространство возможностей при решении любой задачи, например, все возможные комбинации стихий и первоэлементов в пространстве мировой калькуляции. Недаром, уже Фалесу приписывается первое использование метода доказательства. В то же время влияние более низкой части спектра сознания досократического субъекта облакает эти формально-логические и космологические схемы еще в густые тона мифологических образов (связь досократических архэ с мифологическими культами Матери, циклами рождения-смерти и т.д.).

Сознание софистического субъекта можно представить как достижение принципиальной полиперспективности (множественности точек зрения) на всякую проблему, что соответствует в высших своих проявлениях 6-го уровню визуальной логики. Однако софисты не справляются с открывшейся им многомерностью и скатываются в релятивизм, который просто уравнивает все позиции, не различая. В итоге диалектика вырождается в софистику, истина вообще отвергается, а ее место занимают личный произвол и польза. Тупик софистики был связан с отрицанием трансперсональных измерений бытия, которые открываются Сократом.

Субъект Сократа-Платона-Аристотеля выражает собой сознание, впервые прорывающееся в трансперсональные уровни Великой Цепи. Как уже отмечалось, в античном платонизме-перипатетизме особенно выражается 8 архетипический уровень, подчеркивающий значение идей-первообразов бытия. В аристотелевской версии происходит, по-видимому, некоторое снижение этих состояний до их более формально-логических и визуально-логических проекций 5-го и 6-го уровней. В этой же линии продолжается более позитивное развитие 6 уровня визуальной логики (программа синтеза предшествующих систем, понимание человека как единства души и тела), выражаются моменты природного мистицизма 7-го уровня (особенно в образах Мировой Души и ее единства с частными душами) и делаются прорывы на 9-й каузальный уровень сознания беспристрастного Свидетеля бытия, выступающего инстанцией Великой Пустоты-Полноты бытия (Идея Блага, Перводвигателя — источника всякого движения, самого остающегося неподвижным).

Эллинистический субъект, особенно в лице неоплатонистического субъекта, как уже отмечалось, впервые прорывается к 10-му недуральному уровню, в котором выражено единое второго порядка — единое единого и многого (всеединое), уже не находящее себя вне мира, но проникающее его до самой последней эманации. У стоиков же наряду с тенденцией к каузальному (атараксия) и недуральному (настроение универсального духа), выражен 7-й уровень природного мистицизма (сперматические логосы-души-порядки, прорастающие материю).

В средневековом субъекте эти великие озарения античности частью сохраняются, частью «оплотняются» до более формально- и визуально-логических представлений (феномен схоластики, этноцентризм исторического христианства), частью находят свое высшее развитие в традициях христианского мистицизма. Катафатическое богословие можно рассмотреть как проявление более архетипического 8-го уровня (совершенства Бога как архетипы-первообразы бытия), в то время как апофатика более негативно выражает природу Высшего Начала на 9-м каузальном уровне. Антиномизм христианского логоса — в лице антиномических догматов троичности, богочеловеческой природы Христа, теодицеи — в своих высших проявлениях дорастает до 10-го недурального уровня — идея тождества противоположностей (*coincidentia oppositorum*) у немецких христианских мистиков, Николая Кузанского и т.д.

Так вкратце может быть представлена эволюция философского субъекта в эпоху до-современности. Его состояниями сознания проходит Великое Гнездо Бытия — от 5 до 10 уровней, но в сфере донаучной строгости, при еще малой дифференцированности горизонтальных секторов Я-МЫ-ОН-ОНИ. Нет еще подлинного отделения внутреннего от внешнего, и до-современность не знает мучительной проблемы декартовского дуализма, разделения сфер индивидуального и коллективного; личность еще не обрела той же «весовой категории», что и государство (нет теории «общественного договора» личности и государства как двух равноправных партнеров).

2.4. К эволюции философского субъекта эпохи модерна

В эпоху современности, как уже отмечалось, происходят два глобальных процесса: 1) процесс горизонтальных дифференциаций сознания и 2) процесс его вертикального спуска от более высоких к более низким уровням Великого Гнезда Бытия. Эволюцию последнего можно проследить в ряду «теизм — пантеизм — деизм — атеизм», развертывающемуся от конца Средневековья через Возрождение к Новому времени и Просвещению.

Кроме того, все основные процессы современности находят свое воплощение в отмеченных двух линиях эволюции. Рассмотрим некоторые примеры.

Гуманизм Возрождения постепенно ставит светского человека на вершину мировой иерархии, совершая этим и работу свержения высших ду-

ховных (трансперсональных) планов, и освобождение человеческой Личности от пут разного рода коллективных начал. Ту же работу освобождения-оплотнения Личности выполняет светское искусство Ренессанса.

Реформация кладет начало разного рода протестным движениям современности и пост-современности (движение меньшинств, феминизм и т.д.). Личность – Я – постепенно освобождается от своего отождествления с МЫ культуры и ОНИ общества.

В том же направлении движется социально-политическая философия Возрождения: Макиавелли утверждает политику как светскую деятельность, Кампанелла выражает идею государства как естественного образования, которое можно изменять и улучшать. В дальнейшем развитие либерализма и учения о демократии поддержится и разовьется в английской философии Нового времени и Просвещения. Во Франции оно найдет свое первое воплощение. Права человека, общественный договор, принцип разделения властей, народное представительство, конституция, светское государство – вот великие вехи на пути отделения Я от МЫ-ОНИ, Личности от государства и общества и нахождения между этими равными силами некоторого равновесия. Личность просыпается и требует уважения своих прав. Общество-государство теряет свою сакральную силу и становится одной из сил человекобытия. В итоге отделяются друг от друга индивидуальное и коллективное (верхние и нижние сектора Великой Четверки) и движутся к установлению между собой наиболее оптимальных отношений.

Столь же глобальный процесс происходит и в сфере второй великой дихотомии – разделения внутреннего и внешнего (левых и правых горизонтальных секторов Великой Четверки).

С возникновением эпохи модерна внутренний мир личности резко углубляется и дифференцируется. Она начинает жить доселе невиданным внутренним напряжением и противостоянием к миру внешнему. С одной стороны, этому послужило разделение индивидуального и коллективного в самом внутреннем мире – личность стала отделять себя от культуры, обнаружила в себе индивидуальность, окончательно не растворимую в каких-либо ценностях и нормах.

Но шел, с другой стороны, и самостоятельный процесс поляризации внешнего-внутреннего. По-видимому, лучше всего он заметен в философии модернизма, достигая крайнего своего выражения в картезианском дуализме. Внутреннее и внешнее – это разные субстанции. Одна есть вещь мыслящая (*res cogitans*), другая – вещь протяженная (*res extensa*), и совершенно невозможно понять, как они могли бы где-то соприкоснуться. Ничего подобного до-современность не знала.

Наконец, феномен нарождающейся новой науки (Кеплер, Галилей, Ньютон) вызвал к жизни принцип объектной объективности, требующей элиминации из научного это-языка всего, относящегося к внутреннему миру (я- и

мы-языков). Одновременно научное мировоззрение утверждало новые стандарты познания, опирающиеся на эмпирически интерпретируемые математические структуры и описывающие их логические теории.

Общими усилиями сознание современности постепенно утверждает себя на 5 формально-логическом уровне. Все более высокие уровни постепенно падают жертвой великой светской революции, утверждающей бытие только той реальности, которая познается научным персонально очерченным разумом, замкнутом кругом индивидуальных органов чувств. Проявление горизонтальных дифференциаций Великой Четверки обнаруживает себя одновременно как все большее отрицание своих левых половин и движение к материалистической поверхности флатландии.

Таким образом, не просто 5 уровень, но только правая (right) половина горизонтальных делений этого уровня (кратко это можно обозначить как 5R-уровень), – итоговая характеристика сформированного субъекта эпохи модернизма.

Можно проиллюстрировать эту общую логику множеством частных примеров. Мы остановимся, как и ранее, лишь на некотором кратком обзоре отдельных философов и школ.

Галилей впервые формулирует научный метод познания, в основе которого лежат три компонента: 1) математические структуры (как единство множества элементов и предикатов-операций, заданных на элементах), 2) эмпирические реализации структур, т.е. возможность интерпретировать структуры на эмпирической реальности, и 3) логические теории, использующие специальный язык для описания структур⁶³. Эти моменты стали основой нового уровня научной строгости, к стандартам которого стала постепенно приближаться и философия. Новый уровень строгости также можно рассматривать как один из симптомов горизонтальной дифференциации Большой Тройки⁶⁴. Достаточно вспомнить здесь о философских установках Бэкона и Декарта строить философию подобно науке. Позднее тема философии как науки оказывается – в утвердительном или отрицательном смысле – значимой для всей философии модернизма и пост-современности. Так или иначе она ставится и решается в философии Лейбница (*Mathesis universalis*), Канта (критика разума), Фихте (наукоучение), Гуссерля (философия как строгая наука), (нео)позитивизма, аналитической философии и философской логике, в постмодернизме (критика логоцентризма), постструктурализме – (не)фундаментальность структур и т.д.

⁶³ О важности структур в феномене научного знания см. напр. нашу работу Моисеев В.И. Философия науки. Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во Воронежской государственной мед. академии, 2006.

⁶⁴ Эта идея представлена моделью «Зигзага Европы», которая, как отмечалось выше, может быть скоординирована с философией истории Уилбера.

В философиях Бэкона и Декарта продолжается развитие научного метода (Бэкон больше отмечает связь структур с эмпирическими реализациями, в то время как Декарт подчеркивает значение самих структур и их связи с логическими теориями). У Декарта, как уже неоднократно отмечалось, впервые достигается своего полного разделения дихотомия внешнего и внутреннего – левой и правой половин Большой Четверки.

В линии эволюции английского эмпиризма Гоббс-Локк-Беркли-Юм мы наблюдаем движение от принятия двух – внешней и внутренней - субстанций, затем к отрицанию одной из них (внешней), и, наконец, к отрицанию обеих субстанций. Так субъект современности продвигается ко все более жесткому редукционизму материалистической флатландии. В лице модели субъекта в философии Юма – как сенсомоторного потока с сопутствующими пучками концептуализаций – определения этого субъекта приближаются, возможно, даже к более низким уровням, чем третий, где впервые возникает идея Я.

В французском материализме Гольбаха и Ламетри мы находим, по-видимому, одну из самых жестких версий флатландии, которая знаменует собой нижний предел отката по вертикальным уровням Великого Гнезда с одновременным максимальным ослаблением левой половины Великой Четверки. Это крайняя версия 5R-уровня.

Со времени французского материализма начинается постепенное возвращение сознания европейского философского субъекта к попыткам более интегрирующего образа реальности, но и здесь его поджидает множество ловушек флатландии.

Для Уилбера линия модернистского идеализма Шеллинга-Гегеля была недолгой попыткой пойти по верному пути синтеза двух дифференцированных половин Великой Тройки с последующим восхождением за пределы 5 уровня. Это по сути получается момент пост-современности в самой современности. Однако немецким диалектикам не удалось подняться в выражении своей синтетической позиции выше 6 уровня визуальной логики.

Позднее, начиная с Фейрбаха и Маркса, разворачивает себя все более жесткий материализм флатландии, который вообще стремится отказаться от внутреннего мира, от средств я-мы-языка и свести все к это-языковым представлениям только внешней стороны бытия. Успехи науки лишь закрепляют эту базовую тенденцию современности.

Хотя часто полагают, что развитие неклассической науки в 20 веке знаменует собой отход от материализма, реальная ситуация остается по-прежнему правосторонней. На место более атомистической научной картины мира приходят образы сетевой, самоорганизующейся и холистической реальности, но это по-прежнему редукционизм, оперирующий более изощренной версией это-языка. Здесь есть упования, что «внутреннее» можно было бы объяснить как эмерджентный эффект более высоких материаль-

ных уровней организации, но реально это все то же внешнее, пускай и более высокоорганизованное состояние материи.

Итак, философский субъект эпохи модернизма проходит непростой путь эволюции, несущий в себе множество как положительных моментов (дифференциация Большой Тройки, выход на более высокий уровень строгости, идея эволюции Великой Цепи), так и ловушек-редукций более полного бытия (отрицание внутреннего мира, абсолютизация это-языка и 5 уровня формально-логического познания). Окончание модернизма – подлинный кризис в том числе и философского субъекта, впервые столь остро прочувствованный Ницше. Господство материалистического редукционизма, новая псевдорелигия атеизма и коммунизма, бездуховность и клетка флатландии, – основные итоги этого кризиса. Эпоха пост-современности во многом начинается благородным стремлением преодоления этих модернистских патологий.

2.5. Образы и потоки пост-современного философского субъекта

Как уже отмечалось, общей характеристикой эпохи пост-современности является синтез вертикальных и горизонтальных делений (Великого Гнезда Бытия и Большой Четверки), соединение растущей универсальности философского логоса и нового научного уровня строгости знания. Но, как и ранее, пост-современный субъект не избегает ловушек флатландии. Особо ярко это видно на примере философии постмодернизма.

Как мы уже говорили, постмодернизм выдвигает три новые идеи – конструктивизма, контекстуальности и интегрального аперспективизма. Важная заслуга постмодернистов состоит в систематическом восстановлении интерпретации как основного метода обоснования левосторонних секторов Большой Четверки. Субъект пост-современности устремлен к внимательному учету всех подходов и точек зрения, удержанию их в едином и открытом пространстве.

Но, как и античные софисты, постмодернисты попадают в ловушку релятивизма и внешнего смещения всех позиций. Одна из главных знаковых установок постмодернизма – отрицание иерархии, возможности оценки разных позиций как более и менее значимых. Уилбер отмечает внутреннее противоречие подобной позиции. «Нет никакой абсолютной иерархии» - подобное утверждение, как нетрудно заметить, само претендует на высшее иерархическое положение, тем самым молчаливо предполагая то, что явно отрицается. Отсюда можно сделать вывод, что *иерархии избежать невозможно*, и речь может идти лишь о проблеме выбора или обоснования того или иного вида иерархии.

Так позитивное сплетается в постмодернизме с явными отступлениями. Программа восстановления интерпретации и мира внутреннего бытия сменяется вскоре соскальзыванием во внешние определения флатландии и новой потерей субъектности в пресловутой «смерти автора (субъекта)».

Образы сознания постмодернистского субъекта размываются в смешении всех возможных интерпретаций, в гипертрофии синтаксических определений, превращении бытия в текст с бесконечно множющимися скользящими контекстами, в которых уже невозможно найти какую-либо осмысленность. Флатландия восстанавливается в правах на новом витке развития.

Пост-современные образы субъектности определяют себя в широком спектре разных подходов и практик, первично нацеливаясь на полиперспективизм и учет многогранности нашего образа реальности. За этой широтой, по мнению Уилбера, стоит позитивная направленность на самую глубокую доселе интеграцию до-современных (Великая цепь) и современных (Великая Тройка) подходов. В частности, пост-современный образ субъектности должен совмещать в себе открытость ко всем уровням развития и состояниям сознания — как до-, так и трансперсональным, высокую дифференцированность секторов Большой Четверки — сфер Я-МЫ-ОН-ОНИ и связанных с ними областей опыта. Такой субъект должен одинаково ценить и пытаться интегрировать области своего внутреннего мира и его внешнего выражения — как в индивидуальных, так и в коллективных формах культуры и социума.

Именно по небывалым ранее масштабам требуемой интеграции, включающей в себя впервые вертикальные и горизонтальные измерения бытия, сознание пост-современности столь напряженно и в высшей степени подвержено опасностям разного рода крайностей и патологий развития. Постмодернизм при всех своих положительных чертах — не смог избежать множества подобных ловушек, главная из которых, как уже было отмечено, — отрицание иерархии, отождествление ее с подавлением-насилием. Реально постмодернизм проводит свою иерархию, которая за фасадом смешения высокого и низкого на самом деле открывает путь к господству низкого, в том числе разного рода этно- и эгоцентрических состояний сознания. В душе пост-современного субъекта будятся и стимулируются ранние архаические слои, происходит безудержное скатывание в новую дикость и варварство, владеющую к тому же современными технологиями.

Вот почему столь важно, полагает Уилбер, сегодня более адекватны мировоззрение и тип сознания, не столь искаженные и деформированные ловушками флатландии. Возможен подлинный образ и пост-современной субъектности — интегральной, а также следующей принципам свободной иерархии (холархии).

Таков вызов нашего времени, уйти от ответа на который невозможно. Интегральный подход американского философа — жестко критикуемый, но и оказывающий сегодня все большее влияние — делает, с нашей точки зрения, существенное продвижение на пути передачи более адекватного образа европейской истории от до-современности к пост-современному типу сознания и субъектности.

Глава 3
**ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

Когда я говорю или когда я понимаю, я испытываю присутствие других во мне самом и присутствие меня самого в других, присутствие, которое является краеугольным камнем теории интерсубъективности ...и я , в конце концов, понимаю загадочную фразу Гуссерля: «Трансцендентальная субъективность –это интерсубъективность». Поскольку то, что я говорю, имеет смысл, постольку я, когда я говорю предстаю для себя как другой «другой» (un autre “autre”), и поскольку я внимаю, постольку я больше не знаю, кто говорит, а кто слушает.

Морис Мерло-Понти. «О феноменологии языка»

3.1. Вводные замечания

В некотором смысле текст настоящей главы можно рассматривать как своего рода комментарий к приведенным выше в качестве эпиграфа словам Мерло-Понти. Однако этот комментарий не в рамках дискурса «Феноменологического движения» как такового, а под углом иной перспективы, которую можно назвать перспективой постнеклассической междисциплинарности современной науки. Возможно, здесь было бы уместнее говорить о полиперспективности или «пучках перспектив», самоорганизующийся смысл единства которых нам еще предстоит постичь (или сконструировать). Возможно также, что здесь был бы более подходящ термин «трандисциплинарность» и сопряженный с ним термин «неотрансцендентализм». Так или иначе, для нас эти термины *интенционально (по смыслу)* эквивалентны концепту междисциплинарности в постнеклассическом ее понимании. Чтобы не увязнуть в обсуждении терминологических вопросов, будем иногда использовать ставший уже привычным, куновский термин «парадигма».

Выстроим дальнейшие рассуждения вокруг проблемы понимания интерсубъективности в контексте междисциплинарной парадигмы постнеклассической науки, постнеклассической рациональности. Иными словами, наша цель - обсудить парадигмальную специфику становления интерсубъективной коммуникации. Сразу же поясним, что для нас постнеклассическая парадигма –это прежде всего (и по преимуществу) парадигма коллективного сетевого разума, формируемого в процессах межличностной синергичной коммуникации. Что же касается синергетики, то она рассматривается нами в качестве инструмента (катализатора) становления сетевой постнеклассической парадигмы. В этом один из исходных пунктов круга рассуждений, пройдя который мы надеемся (хотя бы в некоторой степени) реп-

резентировать эвристический потенциал постнеклассической синергетики как узла сети становящейся практической философии 21 века.

Говоря о синергетике в контексте intersубъективной коммуникации, произведем различение смыслов классической, неклассической и постнеклассической компонент синергетического миропонимания. Мы различаем их в качестве отдельных (сепарабельных) миров-монад, или, если воспользоваться постнеклассической эволюционно-кибернетической концепцией Матураны и Варелы - автопоэтических единств, понимаемых в качестве операционально замкнутых на себя коммуникативных дискурсов. Мы это делаем для того, чтобы подойти к проблеме коммуникации между разными когнитивными дискурсами *иначе*, чем это имеет место в рамках постпозитивистского методологического контекста, изначально порождаемого констатацией их (лингвистической) несоизмеримости (Т.Кун, П.Фейрабенд, Н.Хэнсон).

Наша цель – выйти за рамки указанного контекста, опираясь на коммуникативно интерпретированное понятие *рекурсии*, *выводящее в конечном счете на понятие рекурсивного субъекта*. Такого рода *трансдискурсивная* коммуникация сама по себе может рассматриваться как автопоэзис второго или, даже третьего порядка. Трансдискурсивная коммуникация, находящаяся «поверх барьеров» логико-лингвистической несоизмеримости классики, неклассики и постнеклассики (несоизмеримости, являющейся, строго говоря, таковой лишь с точки зрения *асубъектной методологии классики*) и есть то, что рекурсивно объединяет классическую, неклассическую и постнеклассическую формы научной рациональности, если их рассматривать как отдельные автопоэтические дискурсы.

В наши намерения однако не входит (как могло бы показаться) сведение проблемы intersубъективности (пусть даже в контексте постнеклассики) к проблеме формирования некоего нового (транс)коммуникативного дискурса, пусть даже открытого, диалогического, трансдисциплинарного или трансрационального. Последнее означало бы утрату специфики самой проблемы постнеклассической intersубъективности, эта специфика вполне может быть удержана в контексте представлений об *трансдискурсивной* коммуникации, если последнюю соотносить с концептом рекурсии – понятии, первоначально сформировавшемся в теории множеств и конструктивной теории математических (алгоритмических) процессов.

Мы надеемся, что смысл этого соотнесения прояснится в конце. Но два момента заслуживают быть отмеченными сразу. Первый связан с указанием на генетическую связь понятия рекурсии с такими сугубо синергетическими понятиями как автомодельность, фрактал, странный аттрактор, циклическая причинность. Второй касается конструктивной природы рекурсии, особенно отчетливо проявляющейся в автопоэтической концепции эволюции Матураны. Как он сам пишет, «ответ на вопрос “*Что есть позна-*

ние?» должен возникнуть из понимания знания и познающего субъекта, возникающего из способности последнего к познанию»⁶⁵.

Таким образом, рекурсия для нас тоже есть инструмент восстановления субъекта постнеклассической науки, понимаемого как процесс преодоления в ней самой ее собственного автореферентного дискурса и формирования новых коммуникативных смыслов, новых познавательных стратегий, горизонтов и интуиций.

И именно в рамках представлений о рекурсивном субъекте важно обратиться к тем коммуникативным ресурсам, которые, условно, можно было бы называть пост-гусселевскими стратегиями философствования, а именно, к Мерло-Понти и Делезу.

3.2. О рекурсивном самоопределении синергетики как X-науки о сознании

Следуя Мандельштаму (физику, а не поэту), указывавшему на ненужность строгих определений в контексте методологии нелинейного мышления, введем «нестрогое» определение различия классической, неклассической и постнеклассической синергетик, индексировав их иногда для краткости соответственно номерами 1, 2, 3.

В известной статье Ю.А.Данилова и Б.Б.Кадошцева «Что такое синергетика?», впервые была сделана попытка дать общую (так же нестрогую) характеристику синергетики как нового междисциплинарного направления исследования процессов самоорганизации в системах самой разной природы, авторы, акцентируя внимание на междисциплинарном и математическом измерениях синергетики, не стремились провести «внутри» нее самой какие-либо разграничительные линии, хотя определенные основания для этого у них и были. Так, в принципе, уже тогда можно было бы разграничить «синергетику без наблюдателя» (синергетику 1) и синергетику сопряженную с наблюдателем (синергетику 2).

Это разграничение уместно, например, в случае фрактальной геометрии Мандельброта, которая именно в этом качестве сопряженности с наблюдателем и упоминается в эссе Данилова и Кадошцева. Далее, в «таксономии синергетик» Данилова и Кадошцева уже можно обнаружить и контуры фигуры постнеклассической синергетики 3. Здесь мы имеем ввиду прежде всего их ссылку на отмеченный С.Уламом *особый синергизм* взаимодействия человека и компьютера, который был осознан в практике создания и использования первых больших ЭВМ для расчетов в рамках проекта создания атомной бомбы. Говоря о синергизме взаимодействия человека и ЭВМ, С.Улам имел ввиду нечто большее, чем простое указание на очевидный факт многократного «механического» усиления способности человека произво-

⁶⁵ Матурана У. Биология познания//Язык и интеллект. Москва. «Прогресс». 1996. с. 95.

дить посредством ЭВМ «нечеловечески» огромный объем вычислений. Для таких математиков как Н. Винер, С. Улам, Дж. фон Нейман сотрудничество ЭВМ и человека было само по себе тем коммуникативным инструментом, который раскрывает глубинные интуиционистские предпосылки математического сознания, тем самым усиливая и обостряя присущую ему интуицию времени в смысле А. Бергсона и Л. Брауэра.

Тем самым постнеклассическая синергетика становилась трансдисциплинарным направлением в контексте процесса междисциплинарного «когнитивного резонанса» между *все более отчетливо различимыми* дискурсами классической, неклассической и собственно постнеклассической рациональности. Но о такого рода различимости можно осмысленно говорить лишь указав на *различающего субъекта*, который в качестве субъекта постнеклассической рациональности, существует для нас в процессе собственного становления, понимаемого нами опять-таки как рекурсивный порождающий процесс.

Не входя в общие рассуждения о влиянии общекультурного фона, становлении информационного общества, Интернет и процессах глобализации отметим, что трансрациональный субъект начал формироваться в условиях, когда «метафизика квантовой механики» после работ Х. Эверетта и Дж. Белла стала многомировой и полисубъектной. Тогда же в основном усилиями фон Ферстера, возникла кибернетика второго порядка, понимаемая в качестве кибернетики знания о знании как циклического рекурсивного вычислительного процесса, сопрягаемого с философией радикального конструктивизма, эволюционным обоснованием которого, в свою очередь, стала теория автопоэзиса Варелы и Матураны. Конечно, этот список можно продолжить.

Важно ее зафиксировать, что с позиций рекурсивного трансдисциплинарного субъекта, классической синергетикой можно называть синергетику, представленную в ее объектных формулировках — без явных ссылок на сопряженных с ней субъектов (или акторов сети) познавательной активности.

Соответственно, с неклассической синергетикой мы связываем «рефлексивно-коммуникативное» применение методов моделирования и самих моделей, первоначально сформировавшихся в «бессубъектной» классической синергетике и транслируемых за границы собственно «естественных наук» в сферу социогуманитарного знания. При этом процедура трансляции как перехода «междисциплинарной границы» предполагает операцию возвращения (или повторного вхождения) субъекта в тот циклический познавательный контур, который принято называть процедурой наблюдения.

Здесь имеется ввиду использование синергетических моделей и методов в области социологии, психологии, лингвистике, истории и т.п. Именно такое «рефлексивно-коммуникативное» применение синергетических моделей порождает или, скорее, делает осознаваемыми, те особого рода

философские проблемы, которые связаны с представлениями об уникальности (быть может, точнее, контингентности) исследуемого объекта. Это осознание влечет за собой и осознание необходимости учета истории объекта, его памяти, его эволюции, а также включения в процедуру наблюдения, помимо всего прочего, такие свойства наблюдателя как состояния его сознания. Добавим, что «рефлексивно-коммуникативное» применение означает, согласно Н.Луману, установку на «циркулярное отношение» к предмету и редукцию сложности. Это вовсе не означает слепого следования стратегиям редукционизма, в чем нередко упрекают синергетику критики ее социогуманитарных приложений.

Что же касается постнеклассического понимания синергетики (синергетики 3), то оно вырастает из процедуры рекурсивного связывания тех различных *состояний сознания*, которые в качестве базисных могут быть приписаны субъектам когнитивных контуров классической, неклассической и постнеклассической рациональности. Это понимание синергетики рекурсивно формируется в автореферентных ссылках на первые два этапа ее становления – классический и неклассический, каждый раз восстанавливая и переосмысливая сопряженных с ними субъектов. Тем самым, постнеклассическое понимание становится историческо-герменевтическим, предполагающим «рефлексивно-коммуникативное» отношение не только к концептуальному инструментарию научного познания, но и к сформированному в нем исследовательским интуициям, к «молчаливому» или личностному знанию в смысле М.Поляни.

Именно при таком транскомуникативном понимании постнеклассической синергетики появляется конструктивная возможность ее сопряжения с пока еще не оформившейся X-наукой о сознании, о которой в свое время говорил М.Мамардашвили. Он характеризовал ее как науку «занимающуюся теорией сознания, определенных идеализаций и абстракций, способных бросить свет на явление наблюдения в той его части, в какой оно, сам его феномен, уходит корнями вообще в положение чувствующих и познающих существ в системе природы».⁶⁶

Подчеркивая рабочий характер предложенного различения классической, неклассической и постнеклассической синергетик, отметим: оно есть также трансцендентально-прагматическое различение коммуникативно созидаемых позиций, автопоэзисов, точнее автопоэтических единств или дискурсов, связь между которыми, в конечном счете *становится коммуникативной*. Она осуществляется в этом качестве в форме некоторого обобщенного рекурсивного процесса. Отметим, что понятие рекурсивности (вместе с несколько более узким понятием фрактальности) по сути и есть то кон-

⁶⁶ Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности – М., Логос, 2004, с. 10.

структивно-коммуникативное понятие, в итоге порождающее сеть синергетических представлений и репрезентаций, в процессе становления которых и прорисовывается фигура самоорганизующегося постнеклассического субъекта.. Именно это обстоятельство дает основание говорить о том, что синергетика представляет собой некую трансдисциплинарную сетевую модель коммуникативной конструирующей деятельности. И именно в оптике этой модели фигура самоорганизующегося синергетического субъекта «расщепляется» на два автопоэтических единства «Я» и «Другой» – различных, однако рекурсивно связанных и образующих того интересубъекта, который, возможно, и есть тот загадочный трансцендентальный субъект X-науки самоорганизации и сознания.

По сути на этот же сюжет можно выйти и иначе, стартовав с утверждения, что человек рождается в среде, которая уже самоорганизована и подчинена параметрам порядка, образующим некий параллельный мир (возможно в смысле К.Поппера) идеальных коммуникативных сущностей и предопределенностей. Они обуславливают, в некотором смысле телеологически, гештальт-паттерны процессов, в которые мы так или иначе являемся вовлеченными. Субъект самоорганизации создает свою когнитивную карту не только на основе конкуренции внутренних параметров порядка данного набора деталей окружения, а уже будучи подчиненным одному или нескольким из этих параметров. Синергетическое представление когнитивных карт придает больший вес внешней среде и внешней когнитивной памяти, чем это традиционно признается в когнитивных науках. Правда у таких ученых как Выготский или Гибсон всегда занимала ведущее место идея о том, что когнитивная система человека есть внутренне-внешняя сеть, где некоторые из элементов представлены или хранятся внутри психики (мозга), а некоторые – во внешней среде.

Таким образом, наряду с традиционно объективированным представлением процесса (самоорганизации) паттерна (структуры), при котором параметры порядка подчиняют внешние по отношению к наблюдателю подсистемы (синергетика 1), и субъективированным представлением процесса распознавания образа, при котором параметр порядка подчиняет некоторые внутренние детали образа в сознании (синергетика 2 - синергетика наблюдения), имеет место и конструктивно-коммуникативный процесс – параметры порядка, которые подчиняют и внешне представленные подсистемы и внутренние особенности психических состояний.

Это синергетика процессов осознаваемого конструирования человеком окружающей среды в сопряжении с процессами самоорганизации космоса и его самого (вместе с сознанием и самосознанием) как неотъемлемой части. Полагаем, что взгляд синергетики 3 на назначение человека во вселенских процессах, трактуемых как совокупность процессов самоорганизации человекомерных, наделенных сознанием систем, которые подчинены своим параметрам порядка, позволяет подойти с более общих (на это раз уже -

мета-трансдисциплинарных позиций) к осмыслению intersubъективной коммуникации.

В середине 1970-х годов американский психолог Ч.Тарт показал, что сознание может быть эффективно осмыслено с точки зрения, которую можно назвать «квантово-синергетической». В частности, он утверждал: обычное, бодрствующее сознание и сопряженное с ним представление «обычной реальности» может быть рассмотрено не как отдельное состояние сознания, а как своеобразная суперпозиция возможных, альтернативных, виртуальных или «измененных» его состояний.

Здесь уместно вспомнить пророческое предположение У.Джемса: «Наше нормальное бодрствующее сознание - это один особый тип сознания, в то время как всюду вокруг него, отделенные от него пленками завес, находятся потенциальные формы полностью отличающегося сознания. Мы можем прожить всю жизнь не подозревая об их существовании; но примените необходимый стимул, и они предстанут во всей полноте». Можно также вспомнить Н.Бора, который в поисках понимания дополнительности описаний «волна-частица» в квантовой механике, апеллировал к работам Джемса и гештальт-психологов.

Состояния сознания по Джемсу-Бору включают в себя гармонический набор психических функций. Они включают память, познание, чувство «Я», внешнее восприятие, восприятие внутренних состояний тела, ценностей и т.д. Важно что вместе они образуют гештальтоподобное целое, которое, с точки зрения представлений синергетики (см. работы Г.Хакена), может быть охарактеризовано неким (вообще говоря, ценностным) параметром порядка и представлять собой по сути коммуникативную систему.

Обычное бодрствующее состояние сознания – это синергетическая (гештальтоподобная) коммуникативная система. Состояния сознания, вообще говоря, дискретны. Существенно, что они могут быть стабилизированы процессами разного типа, среди которых выделенными (с социально-эпистемологической точки зрения) являются повторяющиеся интенциональные процессы. В контексте синергетического дискурса они называются эквифинальными и описываются метафорой динамической системы, фазовый портрет которой характеризуется наличием аттрактора - области, в которую, так или иначе, попадают все траектории ее эволюции, независимо от конкретных начальных условий. В том же контексте синергетического дискурса существуют, однако, и аттракторы, именуемые странными. *Метафора* такого аттрактора оказывается как раз тем адекватным инструментом (с точки зрения синергетики 3), который позволяет осмыслить сознание не только как классический (в гуссерлевском понимании) интенциональный, но и как хаотический или странный аттрактор.

Коммуникативная метафора странного аттрактора применительно к сознанию оказывается весьма плодотворной, поскольку дает возможность

в контексте синергетики 3 понять такие его фундаментальные характеристики как рефлексивность и интенциональность. Они рассматриваются как взаимодополнительные стороны обобщенно-рекурсивного процесса, реализующегося и в ходе *становления* коммуникации трансцендентальных субъектов.

Для нас очевидно, что здесь предстоит работа, связанная с пониманием самого сознания как коммуникативной самореферентной (автопоэтической) системы. Она находится в процессе виртуального самосозидания, замкнутого в свою очередь посредством обратной связи на внешне-внутренней контур рекурсивно-коммуникативного становления самоорганизующегося субъекта. Этот субъект - система, формирующаяся в структурном сопряжении двух индивидуальных автопоэтических субъектов, находящихся в рекурсивном отношении между собой, которое само по себе является внутренне-внешним фактором становления конструктивного дискурса интересующей коммуникации.

Имеет смысл еще раз соотнести сказанное с разными типами рациональности. Так, классическая синергетика коррелятивна классическому типу научной рациональности, который сосредоточен на фигуре объекта, элиминируя субъекта как фон и рассматривая эту элиминацию в качестве необходимого условия получения объективно-истинного знания о мире. При этом сама историческая относительность данного «необходимого условия» в рамках классической науки не осознается. Относительно автономный уровень рефлексии в ней еще не сформировался, потому отсутствует и устойчиво воспроизводимая фигура методологического субъекта как такового с его собственным предметом, в качестве которого выступает междисциплинарная интересующая коммуникация.

Неклассическое понимание синергетики когерентно неклассическому типу научной рациональности, который, опираясь, прежде всего, на познавательный опыт квантовой механики и ее методологических принципов относительности, дополнительности и наблюдаемости, включает в «фигуру объекта» средства его конструирования как задающие инструментальную перспективу *возможности* его наблюдения. Вопрос о самой *возможности* такого рода инструментальной перспективы в качестве конструктивного момента эволюции научного познания как таковой не ставится, хотя «гештальт-коммуникативный» характер познания уже выступает в качестве предмета рефлексии (Н.Бор, В.Гейзенберг, В.Паули, Д.Бом). Тем не менее, субъект неклассического познания (за исключением функционально отделенной от него фигуры наблюдателя) остается частью фона его общего инструментально-понятийного контекста.

И, наконец, постнеклассическая интерпретация синергетики может быть сопоставлена с постнеклассическим типом научной рациональности, который возникает в процессе рекурсивного расширения рефлексии над

собственной деятельностью субъекта междисциплинарного познания, становящегося тем самым одновременно и трансдисциплинарным наблюдателем — участником того, что им наблюдается, а именно: коммуникативной частью динамически неоднозначного паттерна «фигура-фон». Для этого типа понимания синергетики характерно растущее рефлексивное осознание различных познавательных ситуаций как многообразия циклически самоорганизованных intersубъективных коммуникаций, рекурсивно (самоподобно) открытых для процесса восприятия трансдисциплинарного коммуникативного субъекта, автопоэтически сопряженного с субъектами-носителями социокультурных ценностей.

Еще раз подчеркнем: поскольку «три типа синергетики» предполагают некую рекурсивно организованную процессуальную целостность, постольку и различие типов рациональности видится на разных уровнях осознания той «кругообразной» коммуникативно-рекурсивной структуры, которая связывает субъект познания и его объект, а в некотором смысле *порождает* их в качестве своих противоположных полюсов. То есть, все три «типа синергетики», как и три типа «научной рациональности» находятся между собой в коммуникативной связи не только в ее историческом, диахронном измерении, но и в ее понимании «здесь и теперь».

Уместно сослаться на обобщенные регулятивно-методологические принципы соответствия, наблюдаемости и дополнительности Н.Бора, согласно которым неклассическая наука не заменила собой классическую рациональность, а лишь обозначила те границы, в которых последняя эффективна. Это особенно справедливо в отношении постнеклассической синергетики, осознающей себя не столько в качестве открывающей, сколько конструирующей реальность посредством процессов ее наблюдения - конструирующей реальность в качестве человекомерной коммуникативной *истины*, рекурсивно соотносимой как с человеком, так и с самоорганизующейся Вселенной, частью которой он является.

* * *

Сопоставление способов истолкования синергетики и типов рациональности уже ставит вопрос о существовании методологического субъекта, его сущности и статусе. Отметим, что если фигуру такого рода субъекта может кто-то наблюдать, то, скорее всего, она будет прорисовываться как находящаяся «между» полюсами объекта и субъекта, территории формирования активного познавательного фона постнеклассической науки. Тогда, предполагаемый нами субъекта-методолог нового типа выступит в качестве субъекта синергетического познания, наделенного медиативной функцией коммуникации, функцией *рекурсивного* связывания разных уровней дискурса научной рациональности, осуществляемой вполне устойчиво и рефлексивно в процессе формирования ее постнеклассического этапа. Однако *ста-*

тус существования этого коммуникативного субъекта остается проблематичным, поскольку проблематична онтология реальности самой коммуникации. Последняя же проблематична потому, что здесь мы имеем дело с особой онтологией динамической реальности *процессов становления*, имеющей скорее субъектный, а не объектный характер.

Мы не случайно использовали здесь слово «скорее», а также множественное число, говоря о «процессах становления». Ибо одна из главных проблем — это проблема единства, которая в постнеклассической рациональности осознается уже иначе, чем в классической и даже неклассической рациональности, где она полагается в качестве могущей быть принципиально решенной посредством (метафизических по сути) ссылок на «единую объективную реальность». Но, коль скоро речь идет о становлении, эта проблема не может удовлетворительно решаться и посредством рефлексивных ссылок на единство сознания.

Здесь мы не можем пройти мимо трансцендентального субъекта Э. Гуссерля, пытавшегося восстановить единое информационно-коммуникативное пространство человеческого познания на основе данности трансцендентального опыта и особой науки о «конкретной трансцендентальной субъективности, данной в действительном и возможном трансцендентальном опыте»; науки, образующей «крайнюю противоположность по отношению к наукам в прежнем смысле слова, к *объективным* наукам». Как отмечает Б.В. Марков, «вынося объективный мир, реальность за скобки, Гуссерль не собирался отбрасывать науку. Он только хотел показать, что ее основанием является не «действительность, как она существует сама по себе», выступающая критерием истинности любых сообщений, а данности трансцендентального опыта. Наукой об этом опыте и выступает феноменология».⁶⁷ Таким образом, подчеркивает Б.В. Марков, «трансцендентальный субъект становится новым медиумом коммуникативной системы». Но эта коммуникативная система, пытающаяся (помимо прочего) решить проблему единства наук о природе и наук о духе посредством ориентации на субъектно-ориентированный опыт сознания, сама сталкивается с трудностями коммуникации в сферах науки, культуры, «здесь—и—теперь» человеческого бытия. В синергетическом дискурсе, где метафора странного аттрактора играет центральную роль, являясь синонимом понятия детерминированного хаоса, эти трудности трансформируются в проблему субъекта интересубъективной коммуникации.

Тем самым, конструируемый образ синергетического субъекта, лежащего в основании интересубъективной коммуникации, приобретает рекурсивно

⁶⁷ Б.В. Марков. Трансцендентальная феноменология с телекоммуникативной точки зрения. // Я.А. Слинин и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. (Серия «Мыслители». Выпуск 10)

самоорганизующийся (контингентно меняющийся в самом себе) характер. Попробуем более конкретно обрисовать возможную эволюцию, или становление, такого коммуникативно-рекурсивного субъекта-наблюдателя.

Термин «рекурсия» заимствуется из математической логики и теории множеств. Согласно А.В. Анисимову, «под рекурсией, в общем смысле, понимают такой способ организации системы, при котором она в отдельные моменты своего развития, определяемые ее правилами, может создавать (вызывать) собственные измененные копии, взаимодействовать с ними и включать их в свою структуру. Законы изменения копий при вызове также включаются в правила системы и могут зависеть от многих параметров: от состояния системы и других подсистем в момент вызова копии, от информационного наполнения заданных параметров, от правил самой системы. Возможно отсутствие изменения при вызове копии — чистая рекурсия (это частный случай). Существует многообразие вариантов поведения копий; они могут существовать и развиваться параллельно с главной системой, исчезать после окончания своего этапа функционирования, по-разному взаимодействовать между собой. Все определяется правилами системы».⁶⁸ Рекурсию можно определить и в более общем виде: как контингентный (то есть, и не случайный, и не необходимый) процесс, в котором и посредством которого формируется структурно-коммуникативное сопряжение автопоэтических единств. При этом в онтологическом контексте рекурсия выступает как предпосылка принципа аналогии, обобщенной фрактальности, лежащей в основе динамики эволюционных процессов.

В эпистемологическом плане именно рекурсия может служить основой модели автопоэтической intersубъективной коммуникации, а тем самым и принципом разворачивания коммуникативно-рекурсивной модели постнеклассического субъекта⁶⁹ как контингентно связанной множественности психосоциальных самовозобновляющихся единств. Одно из достоинств указанной модели состоит так же и в том, что в ней классическая рефлексивность и интенциональность естественно объединяются как разные стороны единого коммуникативного процесса, единого со-знания, освобождающего мысль от принуждения дискурса классической рациональности.⁷⁰

Именно здесь рекурсивная модель формирования структурного сопряжения автопоэтических единств встречается с синергетикой, оказывающейся когнитивным катализатором самоорганизующегося процесса становления того трансперсонального сознания; последнее является тем фоном, на

⁶⁸ Анисимов А.В. Информатика. Творчество. Рекурсия, — Киев: Наукова думка, 1998 г.

⁶⁹ Заслуживающая внимания попытка предложить рекурсивную модель субъекта была сделана В.А.Дмитриевским. См. Дмитриевский. Рекурсивная модель функционирования психики. — Нижний Тагил, 2002. — 93 с.

⁷⁰ См. Ячин С.Е. Слово и феномен. Москва. 2006.

котором формируется новый уровень intersubъективной коммуникации. Именно синергетика, ориентированная на контекст становящейся междисциплинарности делает наблюдаемым и узнаваемым то, что ненаблюдаемо и неузнаваемо с позиций онтологии статичного бытия.

* * *

Итак, коммуникативная методология постнеклассической синергетики и интенционально и рефлексивно предполагает эволюционное преодоление декартовской традиции, а потому, в философском отношении она является постфеноменологической. Действительно, с одной стороны, синергетика имеет глубокие естественно-научные корни, а с другой, она питалась философскими идеями, среди которых важное место занимали идеи философии процесса, и гештальта. Так, в текстах Пригожина всегда присутствовали А. Бергсон, Хайдеггер, А. Уайтхед. Одновременно, синергетика, отсылает к проблемам квантовой механики, а именно к проблеме наблюдателя и наблюдения как замкнутого на теоретический язык кругообразного антропоцентрического процесса, а также к кибернетике, и основанной на конструктивной методологии фон Ферстера. И так же, как в свое время внутри самой науки имели место сюжеты, связанные, например, с построением философии кибернетики, сегодня, на наш взгляд, имеет смысл говорить о формировании философии синергетики. Попробуем, хотя бы фрагментарно, наметить ключевые моменты, которые, как нам кажется, следовало бы учитывать при построении такой философии.

Ключевая идея состоит в том, что синергетический способ видения мира предполагает сопряжение интенциональности Гуссерля и рефлексивности Декарта. И такое сопряжение, как уже говорилось, осуществляется в синергетике через рекурсию, выступающей здесь как синергетическое понятие.

Прежде всего, следует учитывать, что рекурсия, с одной стороны, является математической процедурой-процессом, а с другой, выступает как концепт, обладающий высоким интегративным потенциалом (не даром к ней постоянно апеллирует Д. Хофштадтер)⁷¹. Именно благодаря синергетике появляется возможность воспринять этот потенциал как порожденный методологией естественно-научного познания, что позволяет подойти к новому пониманию целостности как своего рода intersubъективному коммуникативному процессу трансформации хаоса в порядок.

Синергетическая целостность, понятая через субъектную рекурсию, вовсе не сопрягается с представлениями о Едином или с представлениями о некоем центре, обеспечивающим понимание данного целого. Целостность не сводима к Единому и центрированности. Безусловно, подобия и сход-

⁷¹ Хофштадтер Д., Гедель, Эшер, Бах: Эта бесконечная гирлянда. Издательский Дом «Бахрах-М». 2001.

ства тут остаются, мимесис продолжает свою работу, но они не предполагают классического тождества, к которому хотелось бы апеллировать. И как раз рекурсия играет роль того фактора, благодаря которому осуществляются процессы сборки автопоэзисов, онтологически (по Лейбницу) сопряженных друг другу, но сохраняющих при этом собственную индивидуальность. Такая сопряченность (без отсылки к тождеству) удерживается через непрерывные рекурсивные связи или отношения между объектами-автопоэзисами — объектами-процессами, ибо, как мы уже говорили, сам автопоэтический объект процессуален.

В принципе можно говорить о рекурсии рекурсии, коль скоро осознается, что объекты-автопоэзисы являются по сути устойчиво (гомеостатически) воспроизводимыми субъект-объект единствами с точки зрения классической и неклассической форм рациональности отношения человека к миру. Опять-таки, существенен акцент на открытом и эмоциональном компоненте постнеклассической рациональности, как рациональности коммуникативной и интесубъективной, смысловым инвариантом которой является обмен состояниями сознания. В основе обмена лежит, как мы стремимся показать, некий чувственно-сверхчувственный рекурсивный процесс, в котором сопрягаются интенциональность Гуссерля и рефлексия Гегеля.

Тем самым мы выходим на проблему коммуникативной интуиции, в рамках которой можно уйти от истолкования синергетики в области гуманитарного знания как некоей метафоры, пусть даже «математической метафоры». В данном случае (опять-таки, в духе синергетики) более симпатичен симметричный подход, когда и естествознание, и гуманитарное знание рассматриваются в определенном смысле как метафоры, в которых мы живем и которыми мы живем.

Следует, хотя бы на время заключить в скобки саму дихотомию «метафоричное-неметафоричное». Ибо классическое естествознание (и, как ни парадоксально, классическая синергетика) занимается процессами в уже сложившемся мире, а мы, следуя феноменологической традиции, (как она истолковывается М. Мамардашвили), хотели бы удерживать различие между содержанием знания и явлением знания. Постнеклассическая синергетика призвана ухватить тот «мир», где учитывается явление знания, ибо «явление знания» имеет квантор существования не меньший (а то и больший), чем квантор существования содержания этого знания.

Именно в этом смысле речь идет о построении своего рода синергетической онтологии. Если вслед за Мамардашвили отождествлять классическую рациональность с определенной онтологией ума, то онтология постнеклассической синергетики могла бы быть названа «онтологией машины», причем машины производящей (термин отсылает, в том числе, и к философским штудиям Делеза и Гваттари) — однако иного типа нежели обычные

машины-станки. Ее можно сопоставить с телами мысли, или телами, производящими мысль, о которых говорил Мамардашвили. В самом деле, с одной стороны, мысль производится особого вида «устройством» — мозгом, но, с другой стороны, сам мозг — «устройство» особого типа, в котором стираются дихотомии, типа внешнее-внутреннее, живое-неживое и соответственно искусственное-естественное.

* * *

Чтобы развернуть ресурсы постфеноменологической стратегии философствования в рекурсивно-синергетическом ключе, попробуем, хотя бы кратко и конспективно изложить то, как постструктурализм (в лице Делеза) позиционирует себя в отношении феноменологии. Есть основания надеяться, что специфика такого позиционирования, окажется конструктивной для прояснения понимания рекурсивного субъекта, лежащего в основе становящейся синергетической intersubjectивности.⁷²

Объединяет феноменологию и постструктурализм, прежде всего, атака на традиционную метафизику, а именно: против разделения бытия на трансцендентное и имманентное. Согласно Делезу, бытие «высказывается» только одним способом, и сущность вовсе не находится вне явления. То есть, любая трансценденция устраняется, и вся аргументация ведется в пользу имманентного, или «плана имманенции». Феноменологи также отказывают в существовании трансцендентному: эпохе, собственно, и является той процедурой, благодаря которой отключается вера в вещи в себе ради достижения плана имманенции. Бытие выступает в качестве феномена, но проблемы начинаются тогда, когда речь заходит о статусе субъекта, традиционно соединяющего в себе и трансцендентное, и имманентное.

Разводя трансцендентальную и эмпирическую критику Делез пишет: «Мы прибегаем к трансцендентальной критике, когда — расположившись на методологически ограниченном плане, который дает нам сущностную уверенность или достоверность сущности, — мы спрашиваем: откуда может взяться какое-то данное, как что-то может быть дано субъекту и как субъект может приписывать нечто самому себе? ... Критика является эмпирической, когда мы, расположившись в чисто имманентной точке зрения, ... задаемся вопросом о субъекте: как он устанавливается в данном?»⁷³ То есть, речь идет о самоорганизации, становлении субъекта, и примат имманентности соответствует «радикальному» эмпиризму.

⁷² Вспомним, что говорил М.Фуко о главных произведениях Мерло-Понти и Делеза в своей работе *Theatrum philosophicum*: «Логика смысла можно рассматривать как наиболее чуждую книгу, какую только можно себе представить, *Феноменологии восприятия*»// см. Делез Ж. Логика смысла — М., Раритер, 1998, с.446.

⁷³ Жиль Делез, Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Москва. 2001, с.88.

Внутри такого эмпиризма (= имманентности) имеет место свое различие, но такое, крайне отличное от различия между имманентным и трансцендентным. Как говорит Делез: «Необходимо, ... чтобы различие само по себе было расчленением и связью, чтобы оно соотносило различное с различным без всякого опосредования тождественным или подобным, аналогичным или противоположным. Нужно, чтобы было дифференцирование различия в себе, вроде некоего различителя, *Sich-unterscheidende*, посредством которого различное одновременно собирается воедино, а не представляется лишь при условии предварительного подобия, тождества, аналогии или противопоставления».⁷⁴ То есть, это различие без тождества, тогда как различие трансцендентного и имманентного апеллировало, в конечном счете, к тождеству, выраженному, например, в предустановленной гармонии, благодаря которой обосновываемое (эмпирия, объект) совпадает с основанием, или восходит к последнему (трансцендентное или трансцендентальное, субъект). Различие же, присутствующее в имманентном, говорит: основание никогда не походит на то, что оно обосновывает. Между основанием и обосновываемым всегда присутствует зияние, некая неоднородность.

Что же касается феноменологии, то она, согласно Делезу, возвращает имманентное субъекту, о чем свидетельствует постоянная апелляция к первичной вере, к *Urdoxa*, пребывающей за спиной естественной установки или здравого смысла и являющейся, в конце концов, результатом феноменологической редукции. «Феноменология стремилась обновить наши концепты, дав нам такие восприятия и переживания, которые заставят нас родиться для мира — не как младенцы или человекообразные приматы, но как правовые существа, чьи первоначения станут основой этого мира. Но нельзя бороться с перцептивно-аффективными клише, не борясь с производящей их машиной. Обращаясь к первичному жизненному опыту, превращая имманентность в имманентное субъекту, феноменология не могла помешать субъекту формировать лишь такие мнения, в которых тиражируются клише новообетованных восприятий и переживаний».⁷⁵ Если в феноменологии и может идти речь о становлении субъекта, то такое становление обнаруживает себя в движении к «первичному жизненному опыту», выполняющему роль трансцендентального условия для всякого опыта вообще («тиражированные клише»). Поэтому, когда Делез наделяет свой радикальный эмпиризм термином «трансцендентальный», он переинтерпретирует концепт субъекта так, что последний лишается фундирующих его оснований типа *Cogito* или «Я». Сартровское «трансцендентальное поле без Я» оказывается для данной стратегии решающим понятием.

⁷⁴ Жиль Делез, *Различие и повторение*. Спб. 1998, с. 149.

⁷⁵ Делез и Гваттари, *Что такое философия* Спб. 1998 с. 191.

Если для феноменологии план имманенции приурочен сознанию (состоящему в *Urdoxa*, которое производит разные виды веры), то Делез, обращаясь к безличному трансцендентальному полю, стремится к тому, чтобы имманентность оставалась имманентной только самой себе, а не чему-то иному. В этом и состоит *радикальность* «трансцендентального эмпиризма».

Действительно, согласно Сартру, «трансцендентальное Я» вовсе не является необходимым условием для синтеза объектов и индивидуализации сознания. Более того, оно само выступает как некий конституированный объект и потому должно быть понято как абсолютно безличное сознание (сфера сознания, как сказал бы Мамардашвили). При этом такое поле сознания («они», «все», «das Man»), по Делезу, будучи не эквивалентным здравому смыслу или мнению, существенным образом содержит в себе чувственную составляющую.

Делез подчеркивает, что есть «глубинное чувственное сознание, предположительно подводющее итоги. ... Чувственное сознание ... упорствует»⁷⁶. Такое чувственное сознание выступает в качестве неких «чувствительных точек», включая «поворотные пункты и точки сгибов; узкие места, узлы, преддверия и центры; точки плавления, конденсации и кипения; точки слез и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния, точки чувствительности»⁷⁷. Трансцендентальное поле как раз и состоит из таких точек - того, что Делез называет «сингулярностями»⁷⁸. И не случайно поэтому, что сингулярности могут быть только выражены, они — то, что выражается в выражении; или то, что воспринимается в восприятии; они — суть смысл⁷⁹. И различие между основанием и обоснованным обретает здесь форму различия между выражением и выраженным, где имеется некая неоднородность, зазор (хотя выраженное не существует вне своего выражения так же, как и обусловленное не существует вне своего условия).

Конечно же, Делез не смог бы ввести концепт «поверхности», вбирающий в себя и некую форму чувственности, без отсылки к редукции. Обращаясь к последней он вводит в трансцендентальный план явления, феномены, благодаря чему такой план и становится планом имманенции. А значит, здесь вовсе не имеется в виду полное устранение различия между явлением и сущностью; они — как условие и обусловленное, или выражение и выраженное — скрепляются тем, что Делез называет смыслом: внутри чув-

⁷⁶ Жиль Делез, *Различие и повторение*. с.74

⁷⁷ Жиль Делез, *Логика смысла*. Москва 1998. с.80.

⁷⁸ Напомним, что Гуссерль также говорит об «эйдетических единичностях» - материальных сущностях, которые имеют вид и род (и таким образом общность) над собой, но не имеют никаких частных под собой (см. *Идеи I*, §12).

⁷⁹ «Смысл - *выражаемое*, в предложении - это бестелесная, сложная и нередуцируемая ни к чему иному сущность на поверхности вещей; чистое событие, присущее предложению и обитающее в нем» - *Логика смысла*, с.38.

ственного существует смысл. Недаром, отдавая должное классике, Делез пишет: «Верно, что смысл — это, собственно, открытие трансцендентальной философии, и что он приходит на смену прежним метафизическим Сущностям».⁸⁰ Проект Делеза состоит в том, чтобы выяснить, как происходит возникновение, самоорганизация, дарование смысла.

Говоря о постфеноменологической стратегии философствования, сопряженной с процессом становления синергетической философии, мы не отбрасываем феноменологию. Творчество Делеза показывает, как феноменология выходит за свои собственные границы. Постфеноменологическое движение — то движение, которое совершает сама феноменология; оно доходит до окончательного отказа от того, от чего феноменология намеревалась отказаться и что фиксируется в пунктах «Я», маркирующих наличие сознания. В самом деле, «Я» — это коммуникативный центр интенциональности, фиксированный в специальном субъективном опыте его рефлексивно эмоционального переживания. Именно в этом пункте, вслед за Мамардашвили и Пятигорским, уместно говорить, что «сознание вообще можно было бы ввести как динамическое условие перевода каких-то структур, явлений, событий, не относящихся к сознанию, в план действия интеллектуальных структур, тоже не относящихся к сознанию... Интеллектуальные структуры (можно) рассматривать как нечто, куда сознание привело человека, и где оно его оставило, или где оно вышло из него».⁸¹ Тогда можно говорить об особом синергетическом сознании, осуществляемом не в головах и даже не между двумя головами. Здесь нет робинзонады вдвоем,⁸² а присутствует множественность коммуницирующих инстанций, которые — в результате такой коммуникации — могут идентифицировать себя как «Я».

* * *

Итак, с «Я» можно работать по-разному, для нас важно обратить внимание на коммуникативно-синергичную его функцию. С этой точки зрения «Я» может рассматриваться как синергичный параметр порядка, возникающий в некоторых коллективных психофизических состояниях (ансамблях микро-состояний), подчиняющий их себе так, что они когерентизируются, образуя новое качество. Оно иногда может быть интерпретированно как становление «Я» через состояния психики; это параметр, возникающий в процессе самоорганизации, когерентизации, слияния: произошла какая-

⁸⁰ Ж. Делез, *Логика смысла* — с. 147.

⁸¹ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. *Символ и сознание* - Иерусалим, 1982, с. 37.

⁸² Хотя Делез, порой, и говорит, что «мыслитель поверхности [то есть тот, кто мыслит в имманентном режиме — Авт.] женат и размышляет о «проблеме» супружеской пары» - *Логика смысла*, с.287. Можно сказать, что феноменология — это последний крик холостяка. Следующий шаг — размножение, популирование.

то сборка, и неизвестно почему она произошла, а также почему она с завидной регулярностью исчезает. Причем она появляется в разных сборках психики: телесно, эмоционально, интеллектуально и т.д.

Мы по собственному внутреннему опыту ощущаем, что это Я в нас иногда появляется. Но в нем есть еще некая ориентированность, открытая Брентано и Гуссерлем и названная ими интенциональностью сознания. У них интенциональность детерминирована гештальтом восприятия некой предметной фигуры – вещи. И тогда интенциональное «Я» сохраняет все функции декартовского «Я», то есть, некую обезличенность, несводимость ни к каким психическим составляющим. Его можно рассматривать как некую поляроидную пленку, во многом независимую от изображения, от материала, из которого она изготовлена, – пленку, которая действует скорее не как фильтр (что-то отсеивая), а пропускает все, что через него проходит – пропускает определенным образом, ориентируя (выстраивая) все проходящее через него. Например, если пропустить через сито воду, то она уже будет не некой «недифференцированной массой», а совокупностью струек, которые, тем не менее, остаются той же самой водой. «Я» можно понимать как такую, каждый раз возникающую, сборку психических состояний сознания, которая имеет некую векторность, направленность, ориентацию. И что прежде всего ориентация во времени, связанная, с одной стороны, с различением прошлого, настоящего и будущего, а с другой – с их связыванием. Причем такая поляризация самим этим «Я» не ухватывается, ибо оно возникает как некая устойчивость... Есть некое ощущение (декартовского типа), что я сегодня такой же, как был вчера, или такой же, как после выхода из комы. Я действительно удерживает некую стабильность, которая позволяет говорить о непрерывности опыта и пространства.

Так в чем же состоит постфеноменология? В том, что мы пытаемся объединить рефлексию и интенциональность. Первую можно рассматривать как некую обращенность на себя, а вторую как обращенность вовне. В принципе можно говорить, что это тождественные вещи. Но если мы их сначала разведем, а потом пытаемся снова соединить, то поймем: между ними сидит рекурсия.

То есть, наличествует пространство рекурсии. Иногда оно мимолетно, моментально проходит. Весь процесс рекурсии совершается как нечто самоорганизующееся. Но главное, что здесь приходится постулировать – опираясь либо на математику, либо на психический опыт, – эти рекурсии всегда как бы сходятся и протекают очень быстро.

Тайна искусства, по-видимому, и состоит в том, что художник умеет удерживать себя в этом зазоре. Говорят, что он остановил мгновение. А какое мгновение? Где он его остановил? Внутри себя или вовне? Я испытываю какое-то странное чувство, или чувство странности, что, да, это во мне было. То, что иногда называют вспышками интуиции (по Бергсону) либо вдохно-

вением. Мы, как в кино, растягиваем это пространство. А некоторые художники растягивали его с опорой на особое видение.

* * *

В книге, специально посвященной рассмотрению возможностей синергетического подхода к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности, Г.Хакен (вместе с Ю.Португали) выдвинул интересную гипотезу по поводу самоорганизации коллективных когнитивных процессов. Он показал, что базовая для развиваемого им синергетического подхода «лазерная модель» самоорганизации — отбор нестабильных мод, возникновение одного или нескольких параметров порядка, подчиняющихся себе остальные моды по принципу самоотбора и «круговой» причинности — обладает высоким эвристическим потенциалом для объяснения процессов научения, распознавания образов, принятия решений, процессов достижения конструктивного согласия в человеческих сообществах и т. д.

Важное место в рассуждениях Хакена (и Ю.Португали) занимает ссылка на так называемые сценарии Бартлетта, введенные этим исследователем в 1932 году в качестве составной части его работ по изучению *запоминания*. Отметим, что Хакен использовал сценарии запоминания Бартлетта как пример, иллюстрирующий динамику коллективных межличностных когнитивных процессов и роль внешней репрезентации в таких процессах. «В рамках проводимого нами анализа, — пишет Г.Хакен, — необходимо подчеркнуть, что полученные результаты показывают, каким образом вследствие взаимодействия между внутренними и внешними представлениями отдельных личностей достигается коллективное согласие между многими индивидами, причем сами они могут не осознавать, что они вовлечены в процесс коллективного согласия. Таким образом, параметр порядка, который, в конечном счете, подчиняет себе систему, становится коллективным параметром порядка».⁸³ Далее Хакен рассматривает возможность придания математической формы описываемым процессам, ссылаясь на итеративные процессы; по сути же речь у него идет об обобщенно рекурсивных процессах.

Смысл рождающегося рекурсивно-фрактального паттерна обнаруживается или, точнее, самоорганизуется в свете замечания Хакена о близости развиваемого им синергетического подхода к мозгу и психике, к идеям и представлениям гештальт-психологии. Рождающийся в такого рода процессах смысл имеет по своему генезису не только (и не столько) имманентный, но, скорее трансцендентный статус.

Так замыкается круг переоткрытия синергетикой ее собственной фрактально-сетевой пространственности на пути следования ее предметности. Но

⁸³ Г. Хакен. Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. Москва, 2001, с. 298.

это лишь один из возможных кругов. Другой круг — путь «неклассической» синергетики процессов познания как самоорганизующихся наблюдений-коммуникаций, который в этом локусе подобен первому. Чтобы различие подобий «имело место», можно прибегнуть к сюжету сетевого развития методологических принципов синергетики, отправляясь первоначально от субъектно-объектно интерпретируемых принципов наблюдаемости, соответствия, дополнительности, затем переинтерпретируя их как интересубъективные принципы рекурсивно формируемой автопоэтической коммуникации.

Сегодня эта программа имеет перспективы развития в рамках постнеклассического представления реальности как конструирования сети коммуникативно связанных субъектов в саморазвивающейся антропокосмической Вселенной. В этом пункте стоит обратиться к исследовательской стратегии Г.Бэйтсона и его сетевой модели. С другой исходной точки зрения и исходя из иных интуиций обстоятельство, что разумная, духовная составляющая мироздания не ограничивается только лишь человеческим телом, обосновывал в своих теоретических построениях Грегори Бейтсон.

Он как и Бом отстаивал коммуникативный взгляд на мир, противопоставляя последний господствующей в науке картезианско-кантовской стратегии мышления. Делая в своих изысканиях акцент не на вещах, а на отношениях между ними, Бейтсон указывал пути для преодоления картезианского дуализма сознания и материи. Для описания физических, биологических, социальных систем и комплексов он использовал кибернетическое представление об *обратной связи*: любое природное образование представляет собой совокупность кольцевых причинно-следственных цепей, когда первое звено цепи испытывает воздействие со стороны последнего звена. В результате такая кибернетическая система обретет способности к саморегуляции, самокоррекции и оптимизации собственного поведения.

Бейтсон полагал, что чем сложнее природное образование, тем из большего числа колец обратной связи оно состоит. В пределе все мироздание может быть представлено как некая коммуникативная система или сеть, в которой посредством обратных связей осуществляются метаболические процессы обмена веществом, энергией и информацией. Если предположить, что разумное поведение как раз и состоит в способности к саморегуляции, а шире — к самообучению посредством оптимизации поведения в разнообразных условиях существования, то его носителем будет выступать не только мозг, но и все человеческое тело, а также окружающая это тело среда, поскольку обратные связи выходят за пределы любой ограниченной телесности. Более того, в таких сложных системах с обратной связью не существует выделенных центров управления (типа инстанции «Я»), поскольку последние сами являются элементами кольцевых цепей.

Любое центрирование, любое приписывание какому-либо локусу сети выделенных управляющих функций является иллюзорным и свидетельству-

ет, согласно Бейтсону, об отсутствии системной мудрости. Поскольку во главу угла здесь ставятся не вещи, а отношения, то все, чему приписывается выделенный статус управляющей инстанции, в конечном счете выступает лишь как некий системный эффект. Разум, превратившись в показатель сложности системы, приурочивается здесь не только человеку, но и любой сложноорганизованной структуре, а в пределе всему мирозданию.

Бейтсон полагал (и демонстрировал это в своих этнографических, экологических, социальных и психологических исследованиях), что мироздание, организованное как сеть коммуницирующих обратных связей, иерархизировано: каждая сложная система вместе со своими метаболизмами существует в контексте (или окружении) более сложной системы, с которой она также обменивается веществом и информацией, и так далее. Причем такой контекст качественно определяет поведение системы. Такая иерархия контекстов может интерпретироваться как иерархия миров и, соответственно, иерархия разумов, имманентных этим мирам, — сетевых разумов, приписываемых уже не только человеческому существу и структурно сопряженных друг с другом. Причем термин «разум» имеет здесь расширенное значение, выходящее за границы картезианско-кантовского истолкования разумно-рассудочной деятельности субъекта. Под этот термин уже подпадают и бессознательное, и эмоционально-чувственная жизнь человека.

В итоге «есть больший Разум, в котором индивидуальный разум — только подсистема. Этот больший Разум можно сравнить с Богом, и он, возможно, и есть то, что некоторые люди понимают под «Богом», однако он по-прежнему имманентен совокупной взаимосвязанной социальной системе и планетарной экологии».⁸⁴

Исследуя коллективные когнитивные процессы с позиций синергетического подхода как рекурсивной встречи внешнего и внутреннего Г. Хакен и Дж. Португалии особо подчеркивают: «человек рождается в среде, которая уже самоорганизована и подчинена некоторым параметрам порядка. Следовательно, некоторые из особенностей, формирующих когнитивную карту, появляются уже как подчиненные параметрам порядка, и очень вероятно, что индивидуум создает когнитивную карту не только на основе борьбы внутренних параметров данного набора деталей окружения, а уже будучи подчиненным одному или нескольким из этих параметров, или более глобальным представлениям».⁸⁵ Они образуют некий имманентно-трансцендентный и как мы видели рекурсивно организованный мир идеальных духовных сущностей и предопределенностей. Этот мир *креатуры* (по Г. Бейтсону и К. Юнгу) иерархически-сетевым рекурсивным образом обусловли-

⁸⁴ Бейтсон Г. Экология разума. С. 426.

⁸⁵ Г. Хакен, Дж. Португалии, Синергетика, межуровневые нейронные сети и когнитивные карты // Синергетика и психология. Выпуск 3. Москва, 2004.

вает паттерны событийных процессов, в которые мы, так или иначе, являемся вовлеченными. Субъект самоорганизации создает свою когнитивную карту «не только на основе конкуренции внутренних параметров порядка данного набора деталей окружения, а уже будучи подчиненным одному или нескольким из этих параметров или более глобальным представлениям». Такое синергетическое представление когнитивных карт придает намного больший вес внешней среде и внешней когнитивной памяти, чем это традиционно признается в когнитивных науках, правда у таких ученых как Выготский или Гибсон всегда занимала ведущее место идея о том, что когнитивная система человека есть внутренне-внешняя сеть, где некоторые из элементов представлены или хранятся внутри психики (мозга), а некоторые во внешней среде.

Таким образом, наряду с традиционно объективированным представлением процесса (самоорганизации) паттерна (структуры), при котором параметры порядка подчиняют некоторые внешние по отношению к наблюдателю подсистемы (классическая синергетика), а также субъективированным представлением процесса распознавания образа, при котором параметр порядка подчиняет некоторые внутренние детали образа в сознании (неклассическая синергетика — синергетика наблюдения), мы получаем конструктивно-интеграционный процесс, «в ходе которого один или несколько параметров порядка, которые подчиняют себе и внешне представленные подсистемы и внутренне репрезентированные свойства».⁸⁶ Здесь мы имеем дело с тем, что можно назвать постнеклассической синергетикой процессов управляемого конструирования человеком окружающей среды на основе общих (фрактально-рекурсивных) закономерностей самоорганизации космоса — и его самого (вместе с сознанием и самосознанием) в качестве неотъемлемой части космоса.

Взгляд постнеклассической синергетики на назначение человека во всемирных процессах как совокупности процессов самоорганизации человека, наделенных сознанием систем, подчиненных своим параметрам порядка, позволяет подойти с более общих (мета-методологических) позиций к осмыслению практики создания современной концепции синергетического управления. Здесь предстоит еще большая работа, в частности, связанная с пониманием самого сознания как самопорождающей (автопоэтической) системы, находящейся в процессе создания самой себя и замкнутой кольцевой стабилизированной обратной связью или нагрузкой — некоторой продуктивной деятельности, создающей «внешний контур» распределенного управления целенаправленным становлением самоорганизующегося «космического субъекта» (В. А. Лефевр).

²⁹ Г. Хакен, Дж. Португалии, Там же.

Глава 4
**ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА
В ФИЛОСОФСКОМ КОНСТРУКТИВИЗМЕ***

**4.1. Конструирование реальности и проблема множественности
реальностей**

Конструктивизм – философская, прежде всего эпистемологическая, позиция. В соответствии с ней то, с чем имеет дело человек в процессе познания и освоения мира, – не какая-то реальность, существующая сама по себе, которую он пытается постичь, а в каком-то смысле продукт его собственной деятельности (коллективной познавательной деятельности, или деятельности трансцендентального субъекта, по Канту). Конструктивисты считают, что человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его.

В философии конструктивизм восходит к воззрениям Вико, Беркли, Канта. Имя Вико вошло в философию прежде всего благодаря тому, что он ввел идею историзма, исторического прогресса и циклов в истории, занимая теоретико-познавательную позицию, близкую конструктивизму. Человеческому сознанию, считал Вико, доступно только то, что создано самим человеком. Поэтому и изучать следует лишь то, как создана вещь – будь то произведение искусства, идея как порождение его сознания, языковая форма. Рациональное знание не затрагивает существующее в реальном мире, но ограничивается только миром опыта, который создается человеком.

Субъект имеет дело в процессе познания и деятельности с самим собой. От себя ему никуда не уйти. Он постигает мир через идеализации, абстракции, модели, которые определяются его возможностями познания здесь и сейчас. В конечном счете, и осчастливить себя человек может только сам.

Отсюда вытекает ряд следствий. Во-первых, проблема множественности реальностей, а также их соизмеримости, а также переводимости и понимания субъектов, живущих, вообще говоря, в разных перцептивных и концептуальных мирах. Во-вторых, проблема телесных и ситуационных детерминант познания, которые делают реальности различных субъектов принципиально иными, несоизмеримыми. В-третьих, если субъект не отражает, а создает реальность, то по каким законам он ее создает?

4.2. Гераклит как первый конструктивист

Но конструктивистов можно найти и до Вико, Беркли и Канта. Древнегреческого философа Гераклита можно, по-видимому, рассматривать в качестве одного из первых конструктивистов. По свидетельствам Гисдо-

* Работа выполнена по проекту РГНФ (07-03-00254).

са Схоластика, он дал прекрасное сравнение, уподобив душу пауку, а тело паутине. «Подобно тому, как паук, говорит он, стоя в середине паутины, чувствует, как только муха порвет какую-либо его нить, и быстро бежит туда, как бы испытывая боль от порыва нити, так и душа человека в случае повреждения какой-либо части тела, торопливо несется туда, словно не вынося повреждений тела, с которым она прочно и соразмерно соединена»⁸⁷.

Этот замечательный образ паука и паутины можно распространить на отношение человека и его окружения, познающего и действующего субъекта и познаваемого и конструируемого им объекта. Как говорил Гераклит, ничто никогда не есть, но все становится. Человек обустроивает, строит свое окружение и изменяется сам. Психолог, вступая в диалог с испытуемым, творит новую реальность, открывает двери в иные миры для испытуемого и стимулирует рост собственной личности. Писатель пишет книгу, но и книга «пишет», создает, конструирует его: написав хорошую книгу, он становится другим, оттачивает свой стиль письма, обретает определенный образ в глазах общественности. Субъект и объект находятся в отношениях взаимной детерминации, взаимного становления и самообновляются друг от друга и друг за счет друга.

Кроме того, в Гераклитовом образе поиска повреждений и ремонте тела можно усмотреть предугадывание синергетической идеи самодостраивания, автопоэзиса, самопроизводства в отношении души и тела, организма и его окружения, субъекта и объекта. Автопоэзис является сущностью жизни, а также сложных самоорганизующихся систем, уподобляемых синергетикой живым организмам.

Процесс вечного и повсеместного становления охватывает и различные состояния человеческого существа, которые перетекают и взаимно обуславливают друг друга. Одно и то же в нас есть смерть и жизнь, бодрствование и сон, граница между ними размывается. «Всё, что мы видим наяву, - смерть; всё, что во сне, - сон; всё, что по смерти, - жизнь»⁸⁸. Активное бодрствование сводится к одной реальности, а сон творит новые реальности, обогащающие мир наяву. Смерть низводит все к одному и самому простому, чтобы открыть веер новых возможностей бытия. Мир в процессе становления множит реальности, нагромождает их и предоставляет нам возможность выбора, открывая двери для выхода в иные миры.

Конструктивистски Гераклит относился и к самому себе. По его собственному признанию, он всю жизнь сам себя строил. Он смотрел на мир широко открытыми, полными любопытства глазами, но все, что знал, выпытывал у самого себя. «Я искал самого себя», - говорит Гераклит.

⁸⁷ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. М.: Наука, 1989. С. 251.

⁸⁸ Там же. С. 217.

3. Развитие философского конструктивизма. Гуманитарное крыло кибернетики 1950-70-х годов

Идеи философского конструктивизма развивались достаточно глубоко и в несколько ином плане ведущими специалистами в области кибернетики, особенно ее гуманитарного крыла (Х. фон Фёрстером, Г. Бейтсоном, П. Ватцлавиком).

Кибернетика кибернетики фон Фёрстера. Для всего течения философского конструктивизма Хайнц фон Фёрстер (1911-2002) является, пожалуй, центральной фигурой. Кроме того, он — один из родоначальников кибернетики кибернетики, т.е. кибернетики как эпистемологии.

Фундаментальной идеей кибернетического мышления является идея цикличности, обратной связи, самоотнесенности, самоструктурирования. Ключевым словом в его трудах, судя по всему, является немецкое слово *Eigen*, соответствующее английскому *self* или русскому «собственный», «само», «Я» (*eigenbehavior, eigenelement, eigenfunction, eigenprocess, eigenvalue*). Ни одна система не смогла бы выжить без способности поддерживать и воспроизводить собственное поведение и свою организацию. В самоорганизации всегда есть момент цикличности: это, — по сути, организация организации. Сознание сознания есть самосознание, а понимание понимания есть самопонимание. Окружающий мир в том виде, в котором мы его воспринимаем, является нашим изобретением. Вместо того, чтобы беспокоиться о недоступной нам внешней реальности, разумнее сфокусировать внимание на мире, который мы строим в процессе взаимодействия и коммуникации с другими людьми, на мире нашего опыта.

Согласно фон Фёрстеру, всякое сказанное сказано наблюдателем (ибо нет наблюдения без наблюдателя). Описания всегда являются самоописаниями. А вопрос, который ставят, как правило, уже содержит ответ, который может быть на него получен. Поэтому легитимными он признает лишь те вопросы, которые являются чистыми: для них не существует готового ответа.

Фон Фёрстер перефразирует известное изречение Гераклита: «Человек не может войти в одну и ту же реку дважды», считающееся одним из первых наглядных представлений становления природного бытия. «Человек не может видеть одного и того же лица дважды, — говорит фон Фёрстер. — Однажды увиденное лицо невозможно увидеть снова, ибо оно — как и все иное — навсегда утрачено»⁸⁹. Меняется не только мир, но и человек и его когнитивными способностями; изменяя мир, человек изменяется сам.

В 1968 г. фон Фёрстеру предложили прочитать курс кибернетики как эвристики, стратегии решения математических проблем. Это логично приве-

⁸⁹ Foerster von H., Purksen B. Wahrheit ist die Erfindung eines Lygners: Gespräche für Skeptiker. 2. Aufl. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 1998. S. 121.

ло его к разработке кибернетики второго порядка, изложенной в книге «Кибернетика кибернетики», которая вышла в свет в 1974 г. Ведь кибернетика — это такая область научных исследований, которая в отличие от традиционных дисциплинарных областей обретает свойство самоприменимости: сама кибернетика является предметом исследований методами кибернетики. «Кибернетика первого порядка разделяет субъект и объект, она указывает на предполагаемый независимый мир «там, вне нас». Кибернетика второго порядка сама является циклической: человек научается понимать себя частью мира, того мира, который он намеревается наблюдать. Вся ситуация описания сдвигается в другую область, в которой человек внезапно вынужден принять на себя ответственность за свои собственные наблюдения»⁹⁰.

Согласно фон Фёрстеру, мы не отражаем, а изобретаем, конструируем мир. Мы не в состоянии узнать, какой является реальность. Мы по своей природе таковы, что постоянно вновь изобретаем, конструируем нашу реальность и наше настоящее. Поскольку мир есть наше изобретение, то каждый из нас когнитивно одинок⁹¹, причем безнадежно, ибо воспринимает и осмысливает мир в меру своих собственных когнитивных возможностей.

Каждый осваивает, инактивирует для себя собственный мир, конструирует свою реальность. Поэтому понятие истины является настоящим хамелеоном в истории науки и философии, который окрашивается — в соответствии с позицией того, кто использует его использует — всегда в разные цвета. Поэтому цель познания — это сам процесс познания, подобно тому как танец возникает в процессе танца и включает в себе свою собственную цель. Правы буддисты, которые говорят, что «ты прокладываешь свой путь при движении по нему», ибо путь не есть нечто вечное и наперед заданное, путь возникает в момент движения, дорога прокладывается в ходе движения по ней. Конструктивная теория познания определяется любопытством человека к миру, она является учением о любопытстве (*Neugierologie*).

Двойной приказ Бейтсона. Развивая своего рода кибернетическую эпистемологию, англо-американский психолог Грегори Бейтсон (1904-1980) ввел представление о закольцованности, петлевых структурах, т.е., по сути, о нелинейной циклической причинности, неоднозначности и ретроактивности отношений, устанавливающихся между индивидуальным разумом и средой его активности и коммуникации, другими индивидами. Применительно к смыслу посланий он говорил о «двойной связи» (*double bind*), о «двойном приказе», т.е. о тексте и контексте посланий, которые могут быть прямо противоположными друг другу. Индивидуальный разум выходит за пределы своей телесной определенности и растворяется в его экологическом окружении, в сетях коллективного разума. «Индивидуальный разум имманентен, но не

⁹⁰ Foerster von H., Pürksen B. Op.cit. S.114-115.

⁹¹ См.: Foerster von H., Pürksen B. Op.cit. S.26.

только телу, а также контурам и сообщениям вне тела. Также есть большой Разум, в котором индивидуальный разум — только подсистема»⁹².

Реальность реальности и реальность как если бы (as if) Ватцлавика. Пауль Ватцлавик (1921-2007) — пионер семейной терапии, теории систем и философии конструктивизма. Как и фон Фёрстер, он родился и провел свое детство в Австрии. В 1950-х годах работал в Институте аналитической психологии К.Г. Юнга в Цюрихе. С 1960-х годов до своей кончины он осуществлял свою научную деятельность в Институте ментальных исследований Пало Альто (Калифорния, США), где основал научную школу психотерапии и теории коммуникации, краеугольным камнем мировоззрения которой является конструктивизм.

В качестве основополагающих положений конструктивизма Ватцлавика, изложенного в его работе «Реальность реальности» (1978), обычно приводятся слова: Мы конструируем реальность, в то время как мы полагаем, что мы ее воспринимаем. То, что мы называем реальностью (индивидуальной, социальной, идеологической), есть интерпретация, сконструированная посредством коммуникации и через нее. Пациент заключен в системную конструкцию, которая составляет его мир. Поэтому терапия должна заключаться в том, чтобы разрушить эту конструкцию.

Видоизменяя тот способ, каким больной видит мир, других людей и самого себя, мы пробуждаем его силы побороть болезнь (его психотерапевтическая практика была связана с лечением шизофрении, депрессии, социально агрессивного поведения). На коллоквиуме по проблемам коммуникации Ватцлавик говорил: Невозможно не манипулировать. Лечащий врач тоже манипулирует, разрушает конструкции больного, изобретает реальность, которая может стать новой позитивной реальностью, в которой произойдет улучшение его здоровья.

С точки зрения Ватцлавика, не существует единственной реальности. Но то, что существует, — различные версии реальности, которые могут даже противоречить друг другу. Предлагаемый им психотерапевтический метод «Будь спонтанным!» означает призыв к игре с реальностью (реальностью *als ob*), к мягкой взаимной подгонке к окружающему миру, к сотворению себя и мира с целью лучшей адаптации к нему.

4.4. Эдгар Морен. Полувоображаемая реальность

Французский философ и социолог Эдгар Морен (р. 1921) широко известен ныне в мире как создатель эпистемологии сложного, принципов сложного мышления, позволяющих понять сложность мира⁹³.

⁹² Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. С. 426.

⁹³ См. об этом: Морен Э. Метод. Природа Природы. Перевод с французского Е.Н. Князевой. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Один из их принципов — принцип повторного введения познающего и действующего субъекта во всякий процесс познания и действия, который восстанавливает субъекта и отводит ему подобающее место в процессе познания. По мнению Морена, не существует «зеркального» познания объективного мира. Познание есть всегда перевод и конструкция. Всякое наблюдение и всякое понятийное представление включают в себя знания наблюдателя, воспринимающего и мыслящего существа. Нет познания без самопознания, наблюдения без самонаблюдения. Нет действия без ответного отклика окружающего мира (объекта воздействия), заставляющего субъекта корректировать свое действие, а потому он вводит представление об экологии действия.

Эпистемология сложного, т.е. эпистемологические принципы, надлежащие для познания сложного мира, обретает свою форму в ходе познания познания, которое включает в себя и познание пределов познания. Обнаружение противоречий и антиномий является для нас сигналом того, что мы сталкиваемся с глубинами реального. Познание познания свидетельствует о том, что мы познали всего лишь тончайшую пленку реальности. Единственная реальность, которая доступна нашему познанию, со-производится человеческим сознанием, силой его воображения. Реальное и воображаемое сотканы, сплетены воедино, образуют сложный комплекс нашего бытия, нашей жизни.

Представление о полувоображаемой реальности Морен предложил еще в ранний период своей исследовательской деятельности, когда занимался социологией кино. Реальность, которая предстает перед зрителем в кинокартине, — это «мир на расстоянии вытянутой руки». Эта реальность дана зрителю через отношение партиципации и ангажированности. Это мир творимый и творящий нас. Просматривая картину, зритель сопереживает героям и попадает в иную реальность. Он может сопереживать даже преступнику, находя в нем позитивные качества.

Как говорит Морен, мы всегда «пробуждены» лишь частично, ибо обитаем в воображаемой, созданной нами самими реальности. Но мы не можем и полностью заснуть, ибо погрузиться в глубокий сон — значит растворить свое Я во вселенной, полностью отдаться реальности, что невыносимо для человеческой личности. Дело в том, что, как справедливо говорил англо-американский поэт Т.С.Элиот, «человеческий ум не может выдержать слишком много реального». Человеческая реальность сама по себе является полу-воображаемой. Эта реальность строится человеком, и она является лишь частично реальной. Тайна мира — в нас самих, мы не придаем этому значения, и поэтому она остается для нас непостижимой.

4.5. Кибернетические основания философского конструктивизма. Циклическая причинность и структурное сопряжение

Конструктивизм встроен во внутреннее ядро кибернетических теоретических представлений. Кибернетика рождает конструктивизм как свое родное дитя. С самого начала своего существования, с 1940-1950-х годов (концепции Н. Винера, У. Р. Эшби, Х. фон Фёрстера) одними из центральных были представления об обратной связи и циклической причинности.

Циклической организации присуще свойство самоотнесенности, само-референтности. Любая самоорганизующаяся система неживой или живой природы, природы или общества организует себя, будучи отделенной от окружающего мира (поддержание своей целостности) и встроенной в него, открытой на него (открытость как условие для самоорганизации). Живое существо (живая организация) реализует себя как живая система через производство своих собственных операций. Живая система продуцирует саму себя (автопоэзис). А равным образом и структуры неживой природы, например структуры в плазме, как показывает С.П. Курдюмов, способны к самодостраиванию, т.е. проявляют свойства, подобные свойствам живого.

Логика рассуждений ведет к соответствующему пониманию человека как наблюдающего и теоретизирующего существа. Наблюдая мир, наблюдатель создает самого себя. Наблюдение создает наблюдателя. Наблюдатель, наблюдаемый процесс и процесс наблюдения образуют неразложимое единство. Нет наблюдения без наблюдателя. Нет языка без носителя языка: язык – и продукт говорящего, и его создатель. Язык творится людьми и творит их. Язык говорит в нас и через нас, строит нас, будучи нашим порождением. Конструируя мир, человек конструирует самого себя. А, конструируя самого себя, создавая конструкты в своем сознании, человек конструирует мир. Это – креативный цикл. Это, как говорит фон Фёрстер, изогнутое пространство, в котором человек, удаляясь от себя, возвращается к самому себе.

Еще одно важное представление, получившее существенное развитие в теории автопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, – представление о структурном сопряжении организма и среды его активности, субъекта и объекта познания и деятельности. В циклическом процессе взаимной детерминации субъект и объект познания оказываются взаимно подогнанными, адаптированными друг к другу. Субъект не просто открыт к окружению, но и операционально замкнут, что дает ему возможность поддерживать свою идентичность.

4.6. Сила и слабость позиции философского конструктивизма

Позиция философского конструктивизма, безусловно, имеет свои преимущества. Во-первых, она позволяет свободно играть с реальностью; мир представляется как *если бы (als ob)*, в свободном, подвешенном состоянии,

его мы можем перестраивать по своему усмотрению, пробовать, испытывать и ждать от него отклика. Во-вторых, конструктивизм подчеркивает важность создания метареальности в процессе коммуникации, в которой отношение играет большую роль, чем содержание передаваемого. В-третьих, конструктивизм акцентирует внимание на возможности постоянного и активного создания реальности и самого себя, индивидуальной эмерджентности, растворения Я субъекта в окружающем его мире, в деятельности, в сетях коммуникации, которые он создает и которые создают, творят самого его.

Слабость позиции конструктивизма заключается в том, что субъект деятельности, активно создавая реальность и строя самого себя во взаимодействии с ней, не встречает никакого сопротивления от реальности. Он буквально залипает в реальности, не чувствует границ между собственным опытом и реальностью как таковой. Липкой становится не только реальность, но и человеческий опыт. Человек не может снять шубу, в которую он укутан, даже летом, он не может вырваться из самого себя, выйти за границы своего опыта, своих восприятий и мыслей. Он смотрит в мир, а видит в нем, как в зеркале, самого себя. Его ноги начинают вязнуть в реальности, как у героя романа Стругацких «Пикник на обочине». Всё есть Я и всё есть не-Я, Я-другой, все есть продукт моего творчества и воображения. Всё есть сон или же я все-таки бодрствую — мучительный вопрос, обсуждаемый многими философами, в частности А. Шопенгауэром в сочинении «Мир как воля и представление».

Критика радикального конструктивизма идет, с одной стороны, с позиции эволюционной эпистемологии, а с другой — с позиции нелинейной динамики и синергетики.

Примеры эволюционной эпистемологии (К. Лоренц и его ученики и последователи Р. Ридль, Э. Эзер, Г.Фолльмер и Ф. Вукетич) показали, что познание и знание не есть результат произвольного конструирования мира. Это форма приспособления живого организма к окружающему миру, выработанная долгим эволюционным путем. Окружающий мир человека — так называемый мезокосм, мир средних размерностей, к которому он эволюционно приспособлен (Г. Фолльмер). Онтогенетически априорные категории являются филогенетически апостериорными, т.е. выработанными у живого организма, в том числе и человеке, в ходе его эволюции.

В самих когнитивных механизмах живых существ заложен вектор на максимально возможную очищенность результатов восприятия от привнесенных, в том числе и конкретно-телесных факторов, а сознания — от произвольных, субъективных его конструкторов. Этот важный феномен подробно разобрал К. Лоренц, назвав его *объективацией*. Возможность объективации — это выход из бесконечного круга рекурсии и взаимной детерминации «субъект-объект». Наглядный пример, который он приводит, касается цветков с нектаром. Ведь для того, чтобы высмотреть свою маленькую «поса-

дочную площадку» при каком-нибудь чрезвычайно красочном закате или в хаосе цветных бликов под буйной сенью окружающих растений, пчеле нужно выделить исходный, нужный ей цвет, что она и делает с помощью сложного зрительного механизма. Поэтому свою позицию эволюционные эпистемологи называют «гипотетический реализм» (Г. Фолльмер).

С точки зрения философии синергетики конструктивистская, творческая деятельность человека имеет естественные ограничения в виде собственных путей эволюции сложных систем, спектров их структур-аттракторов, которые определяются внутренними свойствами самих сложных систем, самого окружающего мира. Не все что угодно можно осуществить, сконструировать, построить, а только то, что согласовано с внутренними тенденциями.

Синергетическое видение связи субъект – объект таково, что субъект познания с определенными установками и конструктами сознания конструирует окружающий природный и социальных мир отнюдь не наобум, а «ударяет по клавишам возможного». Игра не по клавишам – это либо хаотизация мира, либо оставление его нечувствительным, «равнодушным» к воздействиям, ибо они ниже его порога чувствительности или нерезонансны. Удары по клавишам – высечение новых форм, пробуждение мира к новой и его собственной жизни, спусковой механизм для начала процессов самоорганизации.

Глава 5

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ОНТОЛОГИЙ И СУБЪЕКТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕАЛЬНОСТИ

В модернизации российского общества, становлении его новых культурных образцов образа жизни и образа мысли следует выделить аспект проблематизации онтологий реальности – пересмотра выделяемых объектов и событий, в системе которых осознаются и строятся новые картины мира.

Проблематизация онтологий – способов выделения объектов и событий в картине мира – является обязательным элементом развития способа осознания действительности. Такая перестройка видения мира неизбежно происходит наряду с процессами репродукции способов видения, но что здесь модернизируется, а что репродуцируется, связано не только с изменениями действительности мира, а и с социальной инфраструктурой этих процессов.

В инфраструктуру коллективного сознания входят образование и наука. Как невозможно говорить об индивидуальном сознании вне реальности организации мозга, так нельзя представить коллективных форм сознания

вне реальности их социальных инфраструктур. Последние являются эволюционирующим «мозгом» коллективного сознания, детерминирующим возможности схватывания им действительности. Развивая социальные инфраструктуры коллективного сознания, мы создаем предпосылки к его саморазвитию, но содержание сознания этих инфраструктур будет детерминировано доступными ему культурными достижениями цивилизации, пространствами доверия общества. Такие пространства во многом зависят от основных культурных установок, продуцируемых и репродуцируемых институционализированным образованием общества и его институционализированной наукой.

Постнеклассическая наука – это проблематизация структуры изучаемой реальности и субъектной структуры знания об этой реальности. И здесь мы должны учесть, что знание сопрягается с собственной онтологией канала реальности субъекта

В результате более чем 20 лет исследований В.С.Степиным была осуществлена проблематизация современных научных онтологий и предложен новый постнеклассический тип научной рациональности, который он назвал глобальной научной революцией.⁹⁴ Ряд отечественных философов восприняли эти работы как приход на российскую почву идей постмодерна.

Конечно, и постмодерн, и концепция постнеклассической науки проблематизируют современные научные онтологии. Но это основной закон развития оснований науки: ее основания сначала проблематизируются, а затем происходит их развитие через разрешение поставленных проблем. Концепция В.С.Степина была выражена им в простой формуле расстановки скобок для периодизации процесса становления современного типа научной рациональности. В этой формуле по мере развития научного знания в его скобки попадают объект исследования (O), средства исследования (Ср.), субъект знания (S):

Классическая модель: **S – Ср. – (O)**.

В скобках научного знания находится только объект исследования, а субъект и средства исследования вынесены за эти скобки.

Неклассическая модель: **S – (Ср. –O)**.

В скобки научного знания кроме объекта исследования включаются средства исследования, а субъект знания все еще остается за скобками.

Постнеклассическая модель: **(S – Ср. –O)**.

В этой модели субъект знания вносится в скобки научного знания.

Основными понятиями здесь являются не только выделенная В.С.Степиным рациональность – разумность научного знания, но и детерминизм – определенность: научные знания должны быть разумными и относиться к вещам, имеющим достаточную определенность.

⁹⁴ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Наука, 2000.

Может показаться, что последнее требование излишне — мы и так всегда получаем знания о вполне определенных вещах. Но определенность мира — это классическое заблуждение. Оно связано с неосознаваемым принятием в образовании первой степинской формулы, когда в скобки знания включен только исследуемый объект — классическое знание о мире, «каков он есть на самом деле». Такая формула знания своими корнями уходит в исходное для возникновения новоевропейской науки представление о познании законов сотворенного Богом мира. Понятно, что в этой постановке ни средства исследования, ни субъект исследования не имеют никакого отношения к открываемым универсальным законам и универсальной онтологии знания.

Но что же тогда означают вторая и третья формулы В.С.Степина?

Во второй формуле научная определенность мира возникает только после включения в этот мир средств его исследования, в третьей еще и субъекта знания. И тогда получается что мира, «такого, как он есть на самом деле», не существует, без включенных в него субъекта знания и его средств исследования мир оказывается неопределенным. А это значит, что существуют связанные с субъектом знания и его средствами исследования факторы определенности мира — субъектные детерминанты реальности, только при действии которых мир обретает определенность. При действии различных таких факторов мы будем иметь дело с различными актуальными (существующими здесь и теперь) мирами и их различными актуализирующимися под действием этих факторов законами.

Вот с этой проблематизацией как хаоса определяемых вне сферы субъектных детерминант классических реальностей мы и начали наши исследования.

Но что же это за миры, обретающие определенность только под действием факторов включенности в них субъекта знания, и существуют ли они вообще? Такими, во всяком случае, являются рассматриваемые в психологии миры активности и деятельности субъекта.

При этом мы пока еще плохо знаем многообразие сфер и форм активности человека. Если сосредоточиться на социально значимых сферах и формах активности, то Е.А.Климов⁹⁵ в психологии труда определил, что деятельность таких субъектов осуществляется не в одном объективном мире, а в разных субъектных мирах. Н.А.Носов⁹⁶, изучая миры активности операторов и исходя из того, что та или иная реальность мира проявляется в ее актуальном развертывании «здесь и теперь», определил их как виртуальные.

Каждый из нас остро чувствует неопределенность мира — неопределенность настоящего, будущего и прошлого. Когда-то казалось, что точная на-

⁹⁵ Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. Учебное пособие. М.: Издательство МГУ, 1995. 224с.

⁹⁶ Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.

ука устранил эту неопределенность, и мир, подобно механическим шарикам, покатится по известным нам траекториям. Но сегодня мы все более понимаем, что это состояние неопределенности — не результат отсутствия точных знаний, а фундаментальное свойство действительности.

Первой парадоксальной детерминацией реальности, дающей возможность переструктурировать мир для решения проблем субъекта, стал психоанализ З.Фрейда. Предлагая клиенту представление о том, что все его проблемы связаны с «детской сексуальностью», психоаналитику удается выстроить эффективную терапевтическую коммуникацию и помочь клиенту изменить его проблемные невротические реакции.

После открытия З.Фрейда были созданы тысячи других детерминирующих схем психотерапии и целительства, не менее парадоксальных и достаточно эффективных. Соответствующая коммуникация, построенная на каждой парадоксально простой схеме реальности, оказывается достаточной для того, чтобы клиент в коммуникации с терапевтом или целителем мог взять под контроль и переструктурировать создаваемую им проблемную реальность своего мира. Здесь возникла ситуация, когда множество конструируемых в психотерапии и целительстве картин мира, убедительно подтверждаемых успешной практикой действия на их основании, явно не могли быть признаны научными в том смысле, как это было принято в классической науке.

Создатели схем психотерапевтической и целительской детерминации реальности, не имея другой модели знания, кроме научной, репрезентировали свою практику именно в этой классической модели и оказывались в конфликте с теми, кто не работал с такими практиками.

Расхождение научного и практического знания при использовании классической модели становилось все более заметным не только в психологии, но и в других отраслях — педагогике, креативной экономике, политологии, праве и т.д. Возникла необходимость в пересмотре классической модели научного знания для введения в сферу компетенции науки значительных объемов практического опыта. И, прежде всего, надо было пересмотреть классическую задачу познания мира, «каков он есть на самом деле».

Опыт развития практики показал, что научное знание нужно не столько для того, чтобы узнать, «каков мир на самом деле», что стало планом классической науки XVII века, сколько для более скромной и прагматичной задачи — сделать этот мир определеннее при построении нами своих действий. Возникла необходимость в признании существования фундаментальной неопределенности мира.

Классически развивавшаяся наука постепенно приняла существование неопределенности будущего, но удерживала представление об определенности прошлого и настоящего. Практика же показывала: действительно неопределенными по отношению к используемым нами точным научным

средствам представления реальности являются не только будущее, но и прошлое, и настоящее. Ведь даже в мелочах каждый классический научный исследователь при обнаружении чего-то нового сразу перестраивает и прошлое, и настоящее. Это является этической нормой научного сообщества. Исследователь, следуя этой норме, обращается к множеству предыдущих авторов, переструктурирует их работы, внося в них структуру своего открытия. И так, в очередной раз, изменив и прошлое, и настоящее, ссылается на них как на (до этого его переструктурирования отсутствовавшую и вдруг теперь объявившуюся) толпу своих единомышленников от древних греков до сегодняшнего дня. В системе классического научного знания практически равноправными оказывается множество вариантов картины мира – различных, порой до противоположности. И все эти картины мира репрезентируют действительность научными методами познания.

Собираемое человеком как его позиция для руководства действиями конкретное знание позволяет ему не представить мир, «каков он на самом деле», а сделать его определеннее – детерминировать мир, изначально слишком неопределенный и непрогнозируемый для его выборов. Вместо широкой универсальной определенности мира, искомой в классической модели науки XVII века, на практике получают узкие определенности реальности по отношению к определенным способам действия.

Дело здесь в необходимости разделить открытую наукой XVII века реальность классического мира и используемые практикой открываемые наукой XXI века реальности миров деятельности – субъектные реальности. Мы в своей практике имеем дело не с отделенными от нас универсалиями, а с мирами нашей деятельности. Большинство реальностей, с которыми мы сталкиваемся на практике, не являются исходно полностью определенными (это относится и к постоянно всеми переструктурируемой реальности философских и научных трактатов от Древней Греции до дня сегодняшнего). Они требуют действий по их детерминации и включают в себя детерминирующего их субъекта. Каждая такая реальность – это нечто, вроде маленького, постоянно самовоссоздающегося мира, связанного с определенным способом действия и существующего лишь актуально – здесь и теперь.

Е.А.Климов ввел для реальности мира деятельности субъекта термин – субъектные миры. Такие, лишь актуально существующие реальности Н.А.Носов определил как виртуальные. У.Матурана и Ф.Варела⁹⁷ для постоянно самовоссоздающихся систем ввели термин – автопоэзис, автопоэтические системы. Воспользовавшись этими терминами, будем называть такие реальности автопоэтическими субъектными виртуальными реальностями или просто – субъектными реальностями. С субъектными ре-

⁹⁷ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

альностями имеют дело многие практики – в экономике, праве, педагогике, психологии, медицине и других областях. Именно в них мы принимаем важнейшие для нас решения и осуществляем определяющие наш мир проекты.

Классическая модель науки, основываясь на определившихся в XVII веке исходных установках на познание мира, «каков он есть на самом деле», стремилась к максимальной общности, точности и универсальности результатов, вынося за скобки науки все виртуальное. Но была и еще одна потеря: устремившись к точным определениям, эта модель вывела за скобки науки использование медиаторов – посредников для использования другого опыта. Классическая модель науки отказалась и от использования метафор для представления реальности, что является важнейшим, опирающимся на тысячелетия культуры способом познания мира.

Потеряв связь с субъектными мирами и культурой, классическая модель научной теории потеряла и многие важнейшие свойства знания – компетентность в практической жизни, гуманизм, духовность, нравственность. Уникальные субъектные миры, в которых и осуществляется реальная деятельность человека, с их виртуальными законами остались за скобками этой модели в сфере ненаучного практического знания.

Предполагалось, что отказ от рассмотрения субъектных реальностей в рамках научного знания обеспечивает рафинированную универсальную истинность последнего. Но случилось совсем наоборот – этот отказ привел в XX веке к порой катастрофической ложности выводов такого ограниченного редуцированного знания. Возникла ситуация, когда уже не практическое знание этих реальностей оказалось вынесено за скобки науки, а наука, в силу редуccionистской ложности используемых установок, оказалась вынесена за скобки актуального практического знания. В становящемся мире XXI века виртуальные автопоэтические субъектные реальности и их знание становятся определяющими детерминантами продуктивной деятельности. И в России практики относятся к науке все с большим скепсисом.

Факт актуальной необходимости изменения расстановки скобок, ограничивающих поле научного знания, был определен В.С.Степиным как постнеклассическая научная революция. Это современное изменение мы видим и как включение в поле компетенции науки, не рассматриваемых до того ее классической моделью субъектных реальностей с их виртуальными законами. И, хотя в астрономическом времени мы уже находимся в веке XXI, наука, не перейдя выделенного В.С.Степиным постнеклассического рубежа, все еще живет в историческом времени века XX.

Следуя опыту З.Фрейда введения новых субъектных детерминант реальности как неких теоретических конструкций, построим несколько моделей самых общих детерминант, выделив их в социальной инфраструктуре научного знания.

5.1. Модель постнеклассической науки как субъектная детерминанта реальности

В.С.Степин, выделяя для XXI века постнеклассический тип научной рациональности, подчеркнул то, что здесь происходит перенос в скобки научного знания целей и ценностей его субъекта, ранее вынесенные за эти скобки. Т.е. в предыдущих определениях научности знания то, что открыто детерминировалось целями и ценностями субъекта знания, не считалось научным и объективным, а относилось к выносимым за скобки науки проявлениям субъективности конкретных людей, работающих с научным знанием. Так как практика не могла игнорировать эти реальности, они были отнесены к сфере обслуживающего знания практического. Неся большой заряд субъективности, оно тогда не могло быть в классическом смысле научным с вытекающими последствиями непринятия в таком качестве и проверенных практикой его результатов.

Надо сказать, что определяющими факторами – детерминантами – субъектных реальностей, конечно, являются не только цели и ценности субъекта, и мы имеем дело с очень широкой сферой таких детерминант. И, если на предыдущем этапе развития науки они определялись с целью вынесения тех или иных знаний за скобки науки, то теперь наука должна перейти к рассмотрению реальностей, определенность которых вне этой системы детерминант оказывается потеряна. Знание, не учитывающее таких детерминант, оказывается не просто бесполезным, но и ложным, неверно ориентирующим человека в его выборах. Актуальное – виртуальное – знание субъектных реальностей является одной из предпосылок для принятия компетентных решений.

Попытки ухода от определения актуальных детерминант основных действующих реальностей ради «универсальности и объективности» часто оказывались лукавыми и предназначенными для манипуляции сознанием других людей. Развилась ситуация, когда классическая объективистская модель научности знания на практике постепенно стала, как и ранее такая же, устранившая субъекта ради всеобщности своих утверждений, модель религии, оружием многих недобросовестных манипуляций. Сегодня отсутствие в науке развитых средств работы со сферой детерминант субъектных реальностей постепенно выводит ее из пространства доверия все большего числа людей.

Решаемая нами задача постнеклассического развития научного знания состоит в изменении расстановки скобок в общей системе знания и формировании позиции работы с детерминантами субъектных реальностей теперь уже в каждой научной отрасли.

Классическая модель научного знания разделяет «внешнюю» реальность и «действующего в ней» субъекта. Знание в этой модели относится к пред-

ставлению «внешней» реальности. В постнеклассической модели это разделение менее категорично и более осторожно, и в субъектную реальность оказывается включенным субъект и его деятельность. Возникает совершенно новая для науки ситуация виртуальности такого порождающего сущности структурирования реальности и обнаруживается необходимость рассмотрения ее дополнительных детерминант. Теперь рассматриваемая (уже субъектная) реальность обладает большой степенью неопределенности, которая должна быть устранена действиями субъекта. В зависимости от задействованной субъектом системы детерминант будет актуализироваться та или иная виртуальная определенность субъектной реальности.

Обеспечивающих определенность субъектной реальности детерминант, можно выделить много, их разные комплексы будут порождать и различные варианты действительности мира. В качестве таких детерминант рассматривается знание субъекта, самосборка субъекта, создаваемый им для своей деятельности канал реальности и др.

Мы говорим не о том, чем детерминируется знание – предметным миром или научными сообществами, а о знании как детерминанте реальности, – о том, как знание детерминирует представляемые им реальности. Это невозможно для классического научного знания, но возможно в постнеклассике потому, что здесь между реальностью и знанием находится активно действующий и творящий их субъект. Его основанные на знании действия образуют связанную с субъектом структуру реальности, и главное – порождают собственные объекты и события этой структуры – онтологию субъектной реальности. Уже в этой, порожденной им онтологии (объектах и событиях) субъект и строит свои действия, и относительно этой онтологии (структурировавшихся в мире его деятельности объектов и событий) он развивает знание, позволяющее ему эффективно направлять эту деятельность, чтобы затем опять, уже на новых витках, формировать новые онтологии реальности.

5.2. Постнеклассическая модернизация образования как субъектная детерминанта реальности

С какими же детерминантами субъектных реальностей имеет дело практика?

В.Е.Лепский в качестве важнейшей используемой на практике субъектной детерминанты реальности выделяет проект – и сам предлагает проект поддержки процессов субъектообразования, как средство выхода из российского и цивилизационного кризиса. При этом его структурировании реальности проблемы России и цивилизации оказываются связаны с биполярным конструктом «развитое субъектообразование – бессубъектность».⁹⁸

⁹⁸ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 1, 2002. С. 5-23. (www.reflexion.ru)

Попробуем по аналогии с опытом субъектной детерминации психоанализа построить проект постнеклассической детерминации в образовании как проект «преодоления бессубъектности».

Что же является основанием для предложенной позиции? За него можно принять то, что в XXI веке завершается многовековой этап преимущественно социоценозного развития мира и происходит глобальная актуализация его субъектной структуры. Определяющими становятся онтологические процессы создания новых культурных образцов жизни, процессы субъектообразования и субъектной детерминации реальностей. Возникает задача познания и освоения сферы субъектных детерминант реальности. Актуальность решения этой задачи определяется тем, что без работы с этой сферой картина мира оказывается недостаточной для принятия решений с прогнозируемыми результатами, что в частности показало крушение в конце XX века системы социализма и распад СССР. В связи с ее решением актуализируются коммуникативная, репрезентативная, онтологическая и интегративная функции научного знания.

Обсуждая ситуацию с введением З.Фрейдом новой психотерапевтической детерминанты реальности при сохранении им полученных при обучении позиций классической науки, мы пришли к выводу о необходимости модернизации модели науки. Но первым проектом здесь должен быть проект модернизации образования, осуществляющего репродукцию указанной модели в образе мысли каждого получающего образование человека. Это онтологический проект, затрагивающий сам способ человеческого бытия — требующий перехода от жизни в исходно данной онтологии к жизни в постоянно творимой онтологии. Именно в силу его онтологического характера проект З.Фрейда оказал столь значительное влияние на всю современную культуру.

Инновационные проекты постнеклассической модернизации образования могут строиться в разных форматах: от международного или российского онтологического проекта, с участием университетов, научных институтов и управленческих структур, до московского, университетского или локального онтологического проекта в одном университете без участия в нем даже факультетских и кафедральных структур. Это могут быть и онтологические проекты школ и учителей. Здесь нами определяется область социального проектирования в освоении человеком субъектных детерминант реальности.

Для подготовки и осуществления проектов в каждом из таких форматов необходимо создание рабочей группы, участники которой входят в проект со своими образующими этот проект технологиями — учебными, научными, управленческими, и определяют свои интересы и характер участия в проекте.

Именно сумма их интересов и развитие технологического обеспечения каждого проекта определяют место и содержательное лидерство его участников в иницируемой глобальной постнеклассической модернизации образования.

Определившаяся в XVII веке классическая модель институционализованного научного знания развивалась в условиях социоценозной реальности общества и не учитывала субъектных детерминант, актуализация которых началась во второй половине XX века. Их введение было предпринято постмодерном. Становящаяся следом за постмодерном новая – постнеклассическая – модернизация научного знания в XXI веке была выделена в России более 15 лет назад В.С.Степиным. В российском образовании с этим связана пока только осуществляемая с 2008 года по его инициативе замена кандидатского экзамена по философии кандидатским экзаменом по истории и философии науки.

Содержание происходящих в XX и XXI веке процессов модернизации науки и образования (постмодернистских и постнеклассических) определяется по предложенной В.С.Степиным рабочей метафоре внесением в скобки научного знания детерминант реальности, ранее вынесенных за эти скобки. Овладение специалистом работой с этими детерминантами как раз и составляет необходимое содержание современной модернизации образования. Такое дополнение рассматриваемых сегодня наукой и образованием детерминант необходимо в современных условиях для получения достаточной определенности картины мира и обеспечения построения действий с прогнозируемым результатом.

То, что модели XX века, работающие без этих детерминант, недостаточны, показала хотя бы катастрофическая неэффективность науки в СССР, оказавшейся не способной предвидеть его крушение, и дальнейшая судьба уже российской науки.

Фундаментальные результаты, определяющие недостаточность классического детерминизма – неполнота формальных систем, неустойчивость решений нелинейных дифференциальных уравнений, и др. – были получены в математике. Происходившие во второй половине XX века поиски новых определяющих детерминизмов привели к представлениям о социальных реальностях, обретающих определенность в их социальном конструировании, и к представлениям о субъектных реальностях, обретающих определенность в их сборке субъектом.

По отношению к образованию эти фундаментальные результаты, вводящие человека как фактор детерминизма реальности, означают необходимость осознания им ответственности за те вполне объективные законы, которые начинают действовать при детерминации реальности его выборами. Это реальность современного мира человека, фундаментально неустойчивой и противоречивой без указанных его выборов. Осознание и принятие такой ответственности предполагает соответствующее вооружение средствами конструирования и сборки реальности, в которой специалист и человек планирует и осуществляет свои действия. Классическая модель знания оказывается для этого недостаточной в силу фундаментальных редукций ре-

альности «нелинейного» мира, при которых теряется ряд определяющих детерминант. Эти редукции теряют и онтологию действительности, реализующейся в результате детерминирующей активности субъекта.

В практике образования хорошо известен разрыв целостности знания, выносящий субъекта за свои скобки — «научное» знание и принимающее субъектные факторы — «практическое» знание является тем продуктом образовательных программ, который приводит к недостаткам в адаптивности, компетентности и ответственности модели специалиста.

Хотя сегодня мы и находимся в астрономическом времени XXI века, переход в его историческое время требует многих усилий, включающих модернизацию образования и работу с выносимыми ранее за скобки научного знания и стандартов научного образования социальными и субъектными детерминантами реальности. Без этого образование останется на уровне очевидно проявивших свою недостаточность компетенций XX века.

Разрыв целостности знания при использовании его классических моделей в той или иной степени преодолевается элитными университетами, за счет того, что там дается не только формальное знание, но и осваиваются детерминирующие реальность культурные образцы образа жизни и образцы мысли формируемой там модели специалиста. Именно эта дающая важнейшие детерминанты бытийная (онтологическая) составляющая во многом определяет многократное повышение эффективности знания в таких моделях образования. В элитном образовании формируемый специалист не замыкается на некоторый стандартный набор формальных схем классической бессубъектной модели знания, а приучается работать с теми же моделями, но уже не замкнутыми в их формальной логике, а открытыми для дополнительных детерминаций из опыта и культуры. Это на несколько порядков повышает креативность специалиста в применении им тех же формальных «линейных» конструкций к «нелинейной» действительности. Культурные образцы необходимых для такого применения дополнительных детерминаций он получает в непосредственном общении с лучшими мировыми специалистами.

Элитные старейшие университеты запада и московские вузы типа Высшей школы экономики, Физико-технического института, лучших творческих вузов по существу реализуют не только общий образовательный стандарт, но и собственные онтологические проекты. Это достигается работой студентов со специалистами, являющимися носителями определенных соответствующих этим учебным заведениям культурных образцов, и за счет предъявления студентам неформальных требований соответствия духу университета — освоения этих культурных образцов.

Сегодня онтологическое проектирование образования, преодолевающее разрыв целостного знания и фундаментальную потерю знания важнейших детерминант реальности, должно быть осознано и переведено в русло постклассической модернизации, вводящей субъекта в скобки научного знания.

Глава 6
ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТОВ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ

6.1. Проблемы субъектов российского развития

Сегодня Россия встает на путь выхода из глубокого кризиса, проникшего в политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. В центре внимания всех ветвей власти и общества оказываются «Проекты» и традиционный вопрос «Что делать?» Вместе с тем в тени остается более важный вопрос «Кто будет делать?». Актуальность этого вопроса связана с тем, что в большинстве случаев предлагаемые проекты носят ярко выраженный характер бизнес-проектов. В них слабо представлена социальная ориентация в интересах граждан России, кому по закону принадлежат основные ресурсы, используемые в этих проектах. Более того, увлеченность прибылью при постановке инфраструктурных проектов может стать источником серьезных угроз национальной безопасности.

Без консолидации всех ветвей власти и интеллектуально-духовной элиты общества проектная деятельность по развитию России обречена на провал. Нужны новые высокие гуманитарные технологии и проекты формирования и организации стратегических субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов интеллектуальным силам России.⁹⁹

**6.1.1. Были ли среди участников перестройки субъекты
российского развития?**

Чтобы понять, кто сегодня берется за проекты российского развития необходимо начать с анализа участников перестройки. И честно ответить на вопрос: А были ли среди субъектов перестройки субъекты российского развития? Или участники перестройки преследовали какие-то другие цели, не связанные с развитием России.

На наш взгляд, сегодня можно смело утверждать, что в период перестройки не было социально ответственных субъектов, ориентированных на российское развитие.¹⁰⁰ Убедительное обоснование отсутствия у них критериев и прогнозов последствий от принимаемых на уровне руководства решений приведено в работе С.Г. Кара-Мурзы¹⁰¹. Он стремится ответить на вопрос, чем объясняются гигантские человеческие и материальные потери, которые сопоставимы с потерями в период гражданской войны. Организаторы и продолжатели перестройки разрушили экономически слабо эффек-

⁹⁹ Лепский В.Е. Проблемы субъектов российского развития // Рефлексивные процессы и управление. № 2, том 6, 2006. С. 5-20

¹⁰⁰ Лепский В. Субъекты перестройки и перестройка субъектов / Перестройка: Двадцать лет спустя / Сост. В.И. Толстых. – М.: Русский путь, 2005. С.81-88. (www.reflexion.ru)

¹⁰¹ Кара-Мурза С.Г. Подрыв рационального мышления и рефлексивное управление // Рефлексивные процессы и управление. Том 3, № 2, 2003. С. 16_34. (www.reflexion.ru)

тивную, но работающую систему управления страной, даже не задумываясь о том, как создать новую. Методом проб и ошибок они привели страну к анархии, а не к демократии.

На наш взгляд, можно выделить пять основных субъектов перестройки: «менялы», «идеалисты», «разрушители», «ТНК» и «мародеры-мифологи».

«*Менялы*» были главными действующими лицами перестройки, вместе с тем, как правило, находящимися в тени. Они осуществляли обмен «номенклатурного ресурса» бывшей властной элиты на «материальный ресурс» будущей. И вполне успешно справились с этой задачей: сегодня они и их помощники — главные действующие лица в стране.

Для «*идеалистов*» перестройка представлялась как культ идеи установления демократии. Установления любой ценой. Без оглядки и четкого осознания последствий. К этому типу «субъектов», возможно, следует отнести основную массу советской интеллигенции, впавшей в состояние эйфории от «глотка свободы».

Для «*разрушителей*» перестройка явилась долгожданным актом завершения «холодной войны». И не случайно З.Бжезинский, комментируя факт поражения СССР в «холодной войне» и переживаемое Россией «смутное время», довольно точно охарактеризовал их как следствие разрушения «концепции бытия» русского народа.

Для *транснациональных корпораций* (ТНК) интерес к перестройке связан, прежде всего, с интересом к ослаблению государства, контролирующего территории с гигантскими запасами энергетических и других ресурсов, а также с ослаблением конкурента в области высоких технологий. Интересы этого субъекта также были достигнуты.

К внешним субъектам «разрушителям» и ТНК примкнул наш внутренний подвид «субъектов» — «*мародеры-мифологи*», которые стали продвигать систему разрушительных мифов: рынок сам себя регулирует; начальный капитал всегда образуется преступным путем; административная система управления — это наш враг; все западные товары лучше отечественных и т.п. Они же при этом не упустили случая обогатиться в процессе разрушения страны.

Были ли другие субъекты перестройки? Возможно, и были, но их влияние не заметно.

Общий вывод таков: среди участников перестройки не было субъектов российского развития. В итоге Россия оказалась жертвой очередного культа — культа светлой идеи «демократии». Естественно, демократия тут ни при чем. Она сама стала жертвой процесса, по сути своей разрушительного, прикрываемого красивыми лозунгами.

А сегодня мы получили новый культ: культ денег, культ обогащения и наживы, который, похоже, будет самым тяжелым испытанием для России.

6.1.2. Диагноз: бессубъектность российского развития

В начале века удалось добиться относительной социальной стабильности, укрепления «властной вертикали», сравнительно скромного и весьма неустойчивого экономического роста. Однако из системного кризиса страна не вышла. Нарастающий поток угроз безопасности России при наличии богатейших запасов природных ресурсов, относительно высокого уровня технологий и высочайшего интеллектуального потенциала обусловлен «системной дезорганизацией» государства и общества в целом.

Отметим отдельные ее признаки:

– *государство не является четко выраженным субъектом управления и развития*, не сформировало стратегию развития (понимаемую и принимаемую большей частью населения), не обеспечило нормальных условий жизни своим гражданам и соблюдения основных конституционных прав;

– *существенную роль* в управлении всеми сферами общественной жизни играют коррумпированные чиновники, криминал и другие *асоциальные элементы*;

– *«средний класс» атрофирован*, дезорганизован, не включен в реальные механизмы управления и развития;

– *политические партии и движения* в основной своей массе имеют *булгарский характер*;

– *общественные* (не политические) *образования слабо организованы* и практически не влияют на социальные процессы;

– *граждане* в подавляющем большинстве *социально пассивны*, имеют трудноразрешимые проблемы с самоидентификацией (государственной, этнической, семейной и др.).

Необходимы экстренные меры по повышению степени организованности государства и одновременно становлению гражданского общества в России. Такого рода процессы надо планировать и организовывать, а не надеяться на естественное их развертывание, как это было с рыночной экономикой.

Самый трудный и драматический вопрос — о *субъектах* исторического действия, готовых взять на себя бремя и ответственность за осуществление намечаемых целей и задач. Имеется в виду наличие и реальное состояние тех общественных и политических субъектов (или претендентов на статус таковых), которые выражают не только желание, но и обладают *волей*, чтобы осуществить проект на практике.

Надо лечить главную болезнь России — *бессубъектность*¹⁰². Эта болезнь, поразила в той или иной степени всех основных участников реформацион-

¹⁰² Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, №1, 2002. С.5-23. (www.reflexion.ru)

Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. Том 3. №1. 2003. С.5-27 (www.reflexion.ru)

ного процесса (государство, общественные и политические сообщества, институты). Главные симптомы этой болезни: блокировка рефлексии, неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться, отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Эти симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками.

Уже исследованы и обозначены механизмы появления этой болезни и разрушения государственности. Это — внешний перехват инициатив в формировании отечественной экономики путем некритического использования западных моделей (неадекватных российским условиям); доминирование сырьевой ориентации; создание режима благоприятствования для бурного роста коррупции в системе государственного управления, проникновения в него финансово-промышленных группировок и криминальных структур; ангажирование отдельных лидеров российской системы управления и их использование для управления страной «извне»; навязывание либерального императива «невмешательства» государства в социальное строительство в качестве гаранта неотвратимости подлинно демократических преобразований, и другие.

Приходится констатировать, что после развала КПСС и разрушения, хоть не самых эффективных, но работавших механизмов принятия и реализации государственных решений, новых действенных механизмов управления страной, сложным общественным хозяйством создано не было.

Бессубъектность многолика и по-своему отражается на деятельности всех участников процесса российской трансформации.

Несмотря на огромные полномочия, весьма ограничены управленческие возможности у Президента Российской Федерации. В своей активности и инициативности он явно стеснен высочайшим уровнем коррупции во всех ветвях власти, а также очевидной неопределенностью поддержки его реформаторских усилий со стороны властных элит. Сформировано устойчивое мнение, что у В.В.Путина нет управленческой команды единомышленников, поэтому он вынужден часто идти за ходом событий, а не формировать и менять ситуацию в соответствии со своим видением и пониманием происходящего в стране. По этой же причине Президент вынужден большую часть своих сил тратить не на управление страной, а на регулирование отношений группировок во властной элите, конфликтующих за различные виды ресурсов. «Политическая вертикаль», созданная при «вертикали власти», в большей степени является инструментом чиновников, а не Президента. Основным его властным ресурсом остается относительно высокий рейтинг среди населения — ресурс важный и мощный, но, увы, переменчивый.

Российская бюрократия, бесспорно, могущественна и почти бесконтрольна. В этих условиях чиновничий аппарат, осознав свою автономность и независимость от общества, присвоил себе права и функции господствующего класса и правящей партии. Фактически снова сформирована новая несменяемая «номенклатура». Она более защищена от первого лица государства и общества, чем при Сталине, Хрущеве и Брежневе. О такой райской жизни советские чиновники только мечтали. Любой из них, самый некомпетентный и проваливший порученные дела, остается в «номенклатуре». Примеров очень много, они у всех на слуху.

Ротация кадров из общества блокирована, что приводит к возрастающей некомпетентности чиновников. Но такое положение не может длиться вечно. Оно опасно не только для общества, но и для самого государства, так как в силу бесконтрольности чиновничий аппарат стремительно криминализируется и подвержен широкой и глубокой коррупции. Это в сочетании с организованной преступностью и мощной «теневой» экономикой создает угрозу окончательной криминализации и государственных, и общественных ключевых структур

Многие чиновники, используя административный ресурс, попали в клан «новых богатых»; они охотно поддерживают союз крупного бизнеса и власти — как в центре, так и на местах. Отсюда утрата чувства социальной ответственности за судьбу реформ и страны

Бюрократия и сотрудничающие с нею властные элиты не заинтересованы в серьезных изменениях и переменах в стране. Для них, выросших в условиях полузакрытой экономики режима «мутной воды», любые изменения «вправо» или «влево» — угроза нынешнему привилегированному положению. Это хорошо чувствуют и выражают в своей деятельности так называемые «партии власти», вчера цепко державшиеся за Ельцина, сегодня — за Путина. Пагубность их имитации «бурной деятельности» — по сути на пустом месте (никакой стратегии развития они предложить не могут) — заключается, в частности, в дискредитации и без того малопопулярного понятия «центризм», которому в данном случае придается явно негативный смысл.

В полной мере признаками бессубъектности в контексте российского развития обладают и другие акторы социально-политической сферы трансформационных изменений в России.

Отдельно остановимся на населении, на поддержку которого опирается В.В. Путин. Бессубъектность населения в значительной степени сформировалась под воздействием государства в лице коррумпированных чиновников, а в конечном счете — под воздействием той самой «вертикали власти».

Во-первых, наблюдается последовательное принципиальное расхождение реальных действий исполнительной власти с целевыми стратегическими ориентирами, выдвигаемыми Президентом Российской Федерации. Причем имен-

но с теми, которые ожидает и которые одобряет большая часть населения страны: забота о наименее защищенных слоях населения, стимулирование и поддержка становления гражданского общества, возрождение российской науки, перевод России с сырьевого на инновационный путь развития и др.

Во-вторых, государство убедительно доказало населению, что последовательно действует в интересах узкой группы лиц, оно решает свои задачи в основном за счет населения. Эта политика проводилась и проводится планомерно, начиная с первых акций по фактической ликвидации личных накоплений и до сегодняшних дней: государство постепенно перекладывает на плечи населения плату за основные виды социальных услуг, при этом крайне бережно относясь к присвоенным узким кругом лиц национальным богатствам. Обществу вызывающе демонстрируется неприкосновенность лиц, совершивших преступления перед народом, и незащищенность населения перед государством.

В-третьих, в государственной машине доминирует официально отвергнутая населением идеология неолиберализма, чуждая традиционным российским ценностям, которая проповедует насаждение индивидуализма и культа денег.

В-четвертых, через манипулятивные механизмы политического PR и СМИ планомерно осуществляется оболванивание населения, превращение избирателей в бездумные «голосовательные автоматы» за кандидатов и партии, как правило, не имеющих обоснованных программ и стратегий.

В-пятых, спорадически происходит организация разовых (для галочки) мероприятий по стимулированию механизмов построения гражданского общества, которые приносят намного больше вреда, чем пользы, формируя у населения адекватные представления об истинных целях организаторов этих мероприятий.

Для преодоления болезни бессубъектности необходима организация всех созидательных сил общества, готовых принять активное и конструктивное участие в осуществлении Проекта создания процветающей России.

6.1.3. Готова ли интеллигенция стать субъектом российского развития?

Почему сегодня интеллигенция находится не на переднем плане социальных преобразований России? Ответ на этот вопрос можно найти, анализируя наиболее распространенные точки зрения на роль интеллигенции в жизни современного общества¹⁰³.

1. *Интеллигенция в роли «транслятора западных шаблонов».* Наиболее распространенная версия этой позиции связана с попытками внедрения в

¹⁰³ Лепский В.Е. Коллективный психотерапевт. Пробуждение рефлексии народа основная задача российской интеллигенции // Независимая газета. 24.11.2000 (Карт-бланш, стр. 3).

России западных образцов жизни. «Интеллигенты-прозападники», в частности к ним могут быть отнесены идеологи осуществленных форм перевода страны в рыночную экономику и приватизации, пытаются затянуть Россию в общество потребления. Идеалы подобного общества сомнительны и прогнозы такого образа жизни весьма плачевны. Последствия воздействий «черной культуры» общества потребления на российскую культуру уже сегодня ужасающие. И эти воздействия через культурную матрицу переносятся на психику россиян.

2. *Интеллигенция в роли формирователя «образа врага».* Казалось бы, этот прием мобилизации общества канул в Лету, как противоречащий духу построения гражданского общества. Но нет! Эта позиция отвлекает общество от истинных причин кризисных явлений, от постановки актуальных проблем социальных преобразований.

3. *Интеллигенция в роли постоянной оппозиции к власти.* Перед обществом остро встала проблема консолидации всех сил и ресурсов для выживания России. В этих условиях стремление к «оппозиции ради оппозиции» может возникнуть только у людей, безразличных к судьбе России, тех, кто пытается любой ценой найти личный «плацдарм» для самовыражения.

4. *Интеллигенция в роли «судьи и пророка».* В этой позиции интеллигенция берет на себя ответственность отвечать на классические вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» Такая позиция предполагает возложение на интеллигенцию роли ведущего субъекта социального проектирования. Все было бы неплохо, но при этом народ лишается права быть субъектом и, как в советский период, предстает в роли объекта по отношению к обществу и социальным преобразованиям в России. Роль субъекта отводится какой-то части общества (группе, классу и др.); в данном случае подразумевается, что это интеллигенция. Такая позиция противоречит идеям построения гражданского общества.

5. *Интеллигенция в роли диагноста.* Эта позиция опирается на взгляды В.О.Ключевского, который высказал мысль о том, что интеллигенция не лекарь народа, а диагност. Народ сам вылечит свою рану, если только вовремя ему указать на нее. Эта позиция вызывает симпатию ориентацией на народ как на субъекта социальных преобразований, она созвучна с идеями построения гражданского общества. Однако проведенные в последние годы психологические и социологические исследования показали, что значительная часть населения России не воспринимает себя в роли субъекта по отношению к обществу. Сегодня «интеллигента-диагноста» народ едва ли услышит.

В целом же российская интеллигенция сегодня не готова, да и не имеет возможности, самостоятельно стать субъектом российского развития. Сегодня у России, возможно, еще есть шанс пойти другим путем, и хотелось бы этот шанс не упустить, в чем и заключается миссия интеллигенции. Од-

нако, набирают темпы процессы ее самоорганизации, интеграции и самоопределения в качестве такого субъекта. При этом важно отметить чрезвычайную важность междисциплинарного характера интеграции, в которой носителями проектной культуры выступают в первую очередь специалисты естественнонаучного профиля.

6.1.4. Готова ли «вертикаль власти» стать субъектом российского развития?

В последние годы властная элита внушает обществу, что она занята решением задачи, самой актуальной для России – построением «вертикали власти».

Задумка хорошая, «никто не против», все за то, чтобы государственная машина была хорошо управляема, чтобы были сильными государство и общество. Поступают рапорты об успехах укрепления «вертикали власти», но настроение отнюдь не оптимистическое. Почему? Нет реальных изменений в лучшую сторону! Ни во внешней политике: Югославия, Ирак, Грузия, Украина и далее. Ни во внутренней политике: наблюдаются продолжающееся вымирание россиян, дальнейший развал образования и науки, отсутствуют яркие успехи в инновационной сфере, продолжается последовательный курс на превращение России в сырьевой придаток развитых стран.

Одни политтехнологи все чаще утверждают, что именно они превратили Государственную думу в послушную пристройку «вертикали власти», создали «политическую вертикаль». Другие пытаются успокоить общество «каплями демократии», сдувая пыль с реквизитов спектакля под названием «Общественная палата». Но в итоге создается «общественная вертикаль» как очередная пристройка к «вертикали власти».

А глубинные причины лежат в том, что сегодня Россия стоит перед необходимостью преодолеть тяжелый комплексный кризис, глубоко проникший в политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Выход из него возможен, если Россия, несмотря на все трудности, препятствия и риски, найдет модель своего развития, специфичную ровно в той мере, в какой специфичной является она сама. Чтобы это произошло, требуется разработать «концепцию бытия» и стратегию развития, понятную и приемлемую для большинства граждан современной России

Способна ли создаваемая «вертикаль власти» решить эту проблему: разработать стратегию российского развития, обеспечивающую достойную жизнь населению и могущество государства Российского? Способна ли она мобилизовать общество на ее реализацию? К сожалению, ответ на эти вопросы пока отрицательный. Создаваемая «вертикаль власти» задумывалась для решения тактических задач и поэтому не способна решать стратегические проблемы.

Причины таковы:

Во-первых, созданная «вертикаль власти» в значительной своей части – это вертикаль не власти, а преклонение перед «силой» денег. И пока этот культ не будет преодолен, «вертикаль власти» будет действовать в его интересах.

Зачем что-то менять коррумпированному чиновнику? Зачем, лишаться сложившихся персональных финансовых потоков от нефти, газа, металла, леса и других источников «доходов»? Ведь развитие потребует высококвалифицированных управленцев, а подавляющую часть действующих некомпетентных чиновников сдует ветром перемен с насиженных мест. И неизбежно встанет вопрос: кто незаконно обогатился на развале могущественной страны, обнищании и вымирании народа.

Во-вторых, созданная «вертикаль власти» в принципе не способна к разработке стратегии российского развития. В ней просто отсутствуют стратегические субъекты. Они в ней и не предусмотрены, так как неминуемо порождают ту «прозрачность», которая совсем не нужна коррумпированным чиновникам.

Поэтому не должны удивляться радеющие за интересы России идеалисты тому, что наука полностью отстранена от реальных механизмов управления. Прикормленные же политехнологи – это тактики, а не стратеги, они нужны для ситуационного манипулирования общественным сознанием.

В-третьих, «вертикаль власти» только кажется управляемой по вертикали.

Это иллюзии: в принципе высокая управляемость при высоком уровне коррупции чиновников невозможна, ибо в этом случае финансовые интересы отдельных групп и ведомств доминируют над интересами государства и общества. То же самое распространяется и на координацию по горизонтали, что мы наблюдаем, например, в никак не выходящей из «тени» экономике.

6.1.5. Есть ли в России стратегические центры развития?

Сегодня в России существует множество разнообразных по форме и ориентации интеллектуальных центров, но их влияние на жизнь страны близко к нулю. Почему?

Во-первых, государство, в лице коррумпированных чиновников, не заинтересовано в разработке стратегии развития России, а, следовательно, в создании стратегических центров. Между тем в мировой практике государственного управления негосударственные (общественные, некоммерческие и коммерческие) структуры активно привлекаются к разработке стратегических проблем.

Так, в США существуют многочисленные «фабрики мысли» (включая RAND), допущенные к решению самых важных государственных стратегических проблем; в некоторых европейских странах привлечение негосудар-

ственных организаций к экспертизе и проработке стратегических проектов обусловлено законодательно.

Во-вторых, отсутствие государственной идеологии и стратегии развития России затрудняет процессы формирования и самоопределения стратегических центров, координацию их работы, а также адекватную оценку их деятельности, провоцирует создание в стране альтернативных центров, финансируемых из-за рубежа и действующих в интересах стратегий других государств и международных групп.

В-третьих, скрыто насаждается неолиберальная идеология, противоречащая базовым российским цивилизационным ценностям, что способствует появлению «придворных» стратегических центров, нацеленных на манипулирование общественным сознанием в интересах коррумпированных чиновников и финансовых группировок. Такого рода «стратегические центры», руководствующиеся стремлением к наживе, легко переключаются на решение любых проблем – лишь бы платили.

В-четвертых, так называемая «советская интеллигенция» оказалась неспособной к самоопределению и самоорганизации. Одна ее часть организовала перестройку и приватизацию. Эти люди купаются в роскоши, в то время как население страны вымирает. Другую ее часть, не обогатившуюся, но мечтающую что-нибудь получить с «господского стола», также мало волнует судьба страны. Ее основная забота – приобщение к перераспределению национальных богатств.

В-пятых, развал науки и образования обусловил дефицит кадров для стратегических центров.

С целью выявления основных типов стратегических центров России нами была осуществлена экспертная оценка ряда центров. Анализ полученных данных позволяет выделить три основных типа центров: целеустремленные стратегические центры; проектно-технологические стратегические центры; интеллектуальные стратегические клубы¹⁰⁴.

Целеустремленные стратегические центры постоянно ищут общие устойчивые стратегические цели, наличие которых позволяет успешно защищаться от внешних влияний и попыток перехвата управления. Они стремятся к достижению поставленных целей через организацию проектной деятельности, выступая в качестве инициаторов и стимуляторов проектов, претендуют на роль центров социального развития.

Проектно-технологические стратегические центры напоминают западные «фабрики мысли». Отсутствие четко осознанных стратегических целей не позволяет им строго придерживаться пророссийской позиции. Они главным образом занимаются выполнением заказных работ в соответствии с

¹⁰⁴ Лепский В.Е. Стратегические центры России // Экономические стратегии. N7, 2004. С.66-68. (www.reflexion.ru).

принципом «Кто платит, тот и заказывает музыку!». Цель, сформулированная заказчиком, оправдывает используемые для ее достижения средства. Выражаясь в терминологии этических систем (предложенной В.А.Лефевром)¹⁰⁵ эти центры обладают второй этической системой. Совмещение добра и зла оценивается как добро. В современной России такой стиль обеспечивает портфель заказов и широкие возможности для лоббирования интересов. Как следствие, такие центры крайне слабо защищены от внешних манипулятивных воздействий. Их позитивная черта – концентрация сил на технологии решения разнообразных социальных задач, более широкая ресурсная база, чем у центров других типов.

Интеллектуальные стратегические клубы концентрируются на рассмотрении наиболее сложных проблем, в том числе и стратегических проблем общества и государства. Как правило, они не занимаются проектной деятельностью. Основная цель их работы – стимулировать рефлексивные процессы в общественном сознании и способствовать становлению консолидированной позиции новой российской элиты. Их позитивная черта – коллегиальное рассмотрение проблем с разных точек зрения.

Разнообразие стратегических центров делает актуальной проблему их сетевой организации. Целеустремленные стратегические центры могут рассматриваться как системообразующие в ней; это разработчики стратегических ориентиров и проектов, главные функциональные единицы сетевой организации. Проектно-технологические стратегические центры могли бы выступить в качестве ведущих интеграторов социальных технологий, а интеллектуальные стратегические клубы – в качестве независимых аналитических структур, генераторов нестандартных идей, а также как проводники воздействия на общественное сознание.

Пока неясно, кто займется координацией, стимулированием и поддержкой механизмов сетевой самоорганизации. Видимо, для решения этих проблем нужны стратегические центры нового типа.

6.1.6. На пути к становлению субъектности российского развития

Особая ответственность падает на интеллектуалов, которые проиграли в прошлом и явно проигрывают сегодня государственной бюрократии. Все более актуальной становится задача формирования и консолидации новой элиты, ядро которой могли бы составить те, кто не оторвался от народа, не утратил государственной, гражданской, культурной и этнической идентичности. Это представители научных сообществ, сферы культуры, образования и здравоохранения, малого и среднего бизнеса, работники ВПК, военные и др. Именно они призваны сформировать идеологию новой России, наметить ориентиры ее развития с учетом лучших традиций прошлого. Та-

¹⁰⁵ Лефевр В.А. Алгебра совести / Пер. с англ. – М., «Когито-Центр», 2003. – 426 с.

кая интеллектуальная работа уже сегодня ведется. Залогом ее успешности является создание негосударственной стратегической сетевой структуры, основу которой составили бы стратегические центры (площадки, клубы, лаборатории, журналы, институты, «фабрики мысли» и др.).

Для морального возрождения нации нужен великий лидер, ибо оно начинается с безупречной нравственности руководства. Президент Российской Федерации В.В.Путин в своем первом Послании Федеральному собранию (июнь 2000 года) отметил: «Развитие общества немислимо без согласия по общим целям. И эти цели не только материальные. Не менее важны духовные и нравственные цели... *Главное — понять, в какую Россию мы ведем и какой хотим мы эту Россию видеть*». Со времени постановки этой задачи прошло много лет, однако в происходящих и в настоящее время изменениях тактические задачи и цели явно доминируют над стратегическими.

Несмотря на тяжелый диагноз бессубъектности российского общества и государства, в стране имеется пока плохо организованный, но высоко интеллектуальный и духовный потенциал, который нуждается в поддержке и действовании со стороны *государства и власти*, отвечающих «персонально» за определение целевых ориентиров и принятие стратегических решений.

Главная задача в сложившихся кризисных условиях должна быть связана с построением такой власти, которая способна перейти от стихийных действий по развалу страны к стратегической проектной работе по ее развитию. Необходимо объединить усилия государства и общества, прекратить их противостояние и дальнейшее дистанцирование. Для этого нужны специальные технологии и проекты формирования и организации стратегических субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов и интеллектуальным силам России, требуя от них научного обеспечения адекватных технологий социального управления и развития.

Российская наука имеет опыт успешной мобилизации для решения стратегических проблем в трудные для страны времена. Однако тогда наука и государство были союзниками, а сегодня имеет место планомерное разрушение отечественной науки и в первую очередь Российской академии наук. Все же неуместны ссылки на объективные и субъективные трудности, надо брать на себя ответственность, разрабатывать и внедрять научно обоснованные технологии консолидации всех сил общества для возрождения России.

Страна располагает относительно небольшим ресурсом времени для продолжения поисков выхода из кризисного состояния. В этой связи нельзя рассчитывать на стихийное формирование механизмов развития. Необходимо срочно найти или сформировать субъектов, которые взяли бы на себя эти функции и смогли бы продуктивно их реализовать.

Нами была выдвинута идея создания сетевой структуры стратегической элиты России, которая могла бы взять на себя функцию консолидации государства и общества в решении проблем российского развития. Такой под-

ход позволит осуществить мобилизацию всех структур общества для решения проблем, которые сегодня в России кажутся неразрешимыми. Президент Российской Федерации получит мощнейший механизм стратегического управления, при соответствующем использовании которого в качестве параллельного государственно-общественного стратегического контура управления страной возможно в короткие сроки решить проблему борьбы с коррупцией, обеспечить подготовку национального кадрового резерва, ротацию кадров в государственном управлении и многие другие задачи.

В последние годы предпринималась попытка создания в регионах (а по большому счету и в стране в целом) параллельных контуров управления на основе создания федеральных округов. Однако конструктивная с позиций управления идея не была в достаточной степени эффективно реализована, поскольку «второй субъект» оказался так же, как и «первый», элементом государственной машины. К сожалению, недостаточно были использованы благоприятные условия для «выращивания» в рамках федеральных округов нового типа субъектов управления, что позволило бы сделать шаг к построению гражданского общества в России.

Для того чтобы стартовали мощные процессы консолидации российского общества, в интересах развития страны Президенту РФ предстоит не только провозгласить приоритет прав и интересов общества, но и взять на себя ответственность за развитие страны, наконец, приступить к созданию условий для достойной жизни ее граждан. В противном случае Президент РФ останется один в противостоянии с коррумпированными группировками чиновников и «вертикалью безвластия», которую сметёт какая-нибудь «оранжево-берёзовая» или феодальная революция.

6.2. Преодоление бессубъектности российского развития через совершенствование системы национальной безопасности

Бурные изменения современного мира бросили вызов сложившимся в XX веке концепциям безопасности социальных систем. Эти изменения в первую очередь связаны с формированием постиндустриального общества, процессами глобализации, снижением роли государств и увеличением роли «скрытых» субъектов социального управления. Указанные изменения в XXI веке становятся фундаментальными, поэтому и *способность систем к изменениям* должна быть все более глубокой и масштабной. Очевидна при этом постоянно возникающая необходимость «выхода» за рамки нормативного подхода, фактически нормой становится выход за пределы нормы. Отсюда актуальность проблемы динамичной самоорганизации социальных систем – формирования адекватных форм и типов виртуальной субъектности.

В эпоху глобализации философия социальных систем должна быть ориентирована на ценности и смыслы, включенные в широкий социальный контекст, предопределяющие деятельность социальных систем с целью ус-

становления гармонизации мирового сообщества. Это должно проявляться в решительном отказе от культы самости и исключительной заботы о себе, в ведущей ориентации на обращение к миру, к «чужому» к другому, и, тем самым – к самому себе, в философии ненасилия¹⁰⁶. В обобщенном виде это должно проявляться в формировании культуры стратегических субъектов¹⁰⁷. Именно данные соображения должны быть положены в основу организации жизнедеятельности социальных систем XXI века и соответственно организации их безопасности¹⁰⁸.

В России концепции и доктрины национальной и отдельных направлений безопасности базируются на законе РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-1 «О безопасности» (с изменениями от 25 декабря 1992 г.). Безопасность понимается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Этот закон отражает культуру обеспечения безопасности социальных систем сложившуюся в нашей стране в середине прошлого века, для которой характерны следующие установки:

- Авторитарность подхода к безопасности, доминанта самодостаточности государства для решения любых проблем безопасности.
- Установка на дистанцирование личности, общества и государства, игнорирование механизмов сборки (субъектообразования).
- Установка на статичность интересов личности, общества и государства.
- Игнорирование проблем легитимности власти.
- Игнорирование проблем идентификации граждан.
- «Окопная логика», фокусировка внимания на состоянии защищенности от угроз, а не на способности адекватно действовать в динамично изменяющихся условиях.
- Игнорирование проблем безопасности инновационного развития (инновационной безопасности).

Очевидно, что в начале XXI века эти установки архаичны, в связи с чем остро встает проблема формирования современного методологического обеспечения национальной безопасности России, ориентированного на курс интенсивного развития России.

Встает вопрос: Почему не бьют тревогу соответствующие структуры по поводу неадекватности концепций безопасности? Ответ очевиден: Сложив-

¹⁰⁶ Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль. - Ежегодник-М.: ИФ РАН. 2000.

¹⁰⁷ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 1, 2002. С. 5-23. (www.reflexion.ru).

¹⁰⁸ Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. Подходы к формированию концепции и доктрин национальной безопасности России // Мир и безопасность. № 6. 2002. С.24-27. (www.reflexion.ru).

шийся подход к безопасности выгоден коррумпированным чиновникам и представителям сырьевого бизнеса, он обеспечивает устойчивость того состояния, в котором находится Россия и, соответственно, устойчивость финансовых потоков поступающих к коррупционерам. Этот подход обречет Россию на роль сырьевого придатка развивающихся стран и в конечном итоге на потерю суверенитета¹⁰⁹.

Плодотворны в этом плане попытки в контексте субъектно-ориентированного подхода рассмотреть исходные посылки для разработки методологии совершенствования системы национальной безопасности России, адекватной современному состоянию и тенденциям развития нашей страны и мирового сообщества в целом. Они призваны стимулировать специалистов к коллективному поиску концептуальных основ национальной безопасности страны и созданию соответствующей законодательной базы.

На наш взгляд, в контексте субъектно-ориентированного подхода, исходными ключевыми проблемами для осмысления путей развития системы национальной безопасности могут рассматриваться две взаимосвязанные проблемы: безопасности легитимности субъектов власти и безопасности системы национальных проектов.

6.2.1. Проблема безопасности легитимности субъектов власти

С конца 1960-х гг. во всем мире наблюдается кризис механизма легитимации власти, характерного для современных обществ¹¹⁰. Это связано в значительной степени со снижением роли государства в связи с процессами глобализации, а также с дискредитацией демократических процедур делегирования властных полномочий гражданами через традиционную систему выборов.

В России с середины 1980-х годов эти тенденции резко усилились в связи с социальными и экономическими изменениями, которые повлекли за собой крайне важные социально-психологические последствия. Для большей части населения все происходящее стало бессмысленным и непонятным. Деидеологизация, распад социальных отношений привели к «атомизации» общества, к разрыву социальных связей между обществом и индивидуумами. Как следствие – массовая потеря позиции человека как субъекта жизни.

Осознание индивидом себя как субъекта или объекта сопряжено и с интерпретацией общества в категориях субъекта и объекта. Большая часть населения стала воспринимать себя как объект по отношению к обществу и

¹⁰⁹ Лепский В.Е. Проблема субъектов российского развития // Рефлексивные процессы и управление. Том 6, №2, 2006. С.5-20. (www.reflexion.ru)

¹¹⁰ Марков М.С., Царик Ю.Ю. Концептуальная схема механизма легитимации – основа проектно-идентификационного подхода к идеологии и политическому консалтингу // Рефлексивные процессы и управление. Том 7, №1, 2007. С.22-33.

государству, которые в свою очередь оказались подвержены «болезни бес- субъектности».

В условиях, когда значительная часть населения оказалась в «пассивной» позиции по отношению к своей роли быть носителем суверенитета и источником власти, создаются благоприятные возможности для осуществления различного рода манипуляций по управлению свободным волеизъявлением народа. А это, в свою очередь, провоцирует к нарушению Конституции Российской Федерации (Статья 3): *“Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону”*.

Наибольшее влияние на эти процессы оказали снижение роли государства как субъекта власти, массовое использование политических технологий, бурное развитие СМИ.

Снижение роли государства как фактор снижения легитимности субъектов власти. Процессы глобализации неразрывно связаны с интеграцией мировых процессов производства и потребления, следствием чего является повышение роли негосударственных субъектов мировой экономики и мировой политики. Имеет место тенденция нарастающего ограничения функциональных возможностей государства.

В конце прошлого столетия эти тенденции в России были существенно усилены под влиянием доминирования неолиберализма в политике, способствующего необоснованному по масштабам и деструктивному по способам выводу государства из экономики. Всемирный банк опубликовал результаты исследования эффективности государственного управления за последние 10 лет в 212 странах и территориях мира. Как оказалось, Россия сегодня сравнима лишь с африканскими или островными государствами, причем по всем показателям ситуация продолжает стремительно ухудшаться¹¹¹.

В новых условиях снижения легитимности государства как ключевого субъекта власти гражданин теряет доверие к институтам легального государства, не обеспечивающим минимум инфраструктуры развития. По данным Левада-Центр, оценка гражданами России степени своего влияния на то, что происходит в стране: 62% – никакого влияния; 35% – крайне слабое; 3% – довольно большое. Одновременно примерно половина граждан ощущает хоть какую-то ответственность за все то, что происходит в стране¹¹². Они начинают искать пути сохранения своей созидательной жизненной позиции и новые ориентиры для идентификации.

Субъектом власти в эпоху рефлексивного модерна¹¹³ становится тот, кто оказывается способным адекватно осмыслить (либо конструировать) реаль-

¹¹¹ <http://www.dialog-21.ru/news/digest.asp?id=136317>

¹¹² Агеев А.И. Зов истории // Экономические стратегии. 2007, №1. С. 7.

¹¹³ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. С. 239-441.

ность, определять свое место в мире, ставить цели деятельности и развития, формулировать кооперативный проект действия в мире. Сегодня в мире уже зарождаются новые технологии и формы власти, например, нетократия¹¹⁴. Это видение концептуализируется и получает самоназвание, на базе чего выстраивается «*проектная идентичность*»¹¹⁵.

Как следствие для субъекта власти становится крайне актуальной проблема механизма обеспечения собственной легитимности и, соответственно, функционирования системы национальной безопасности в целом. Ведь ситуация «позднего модерна» специфична тем, что разрушены все тотальные комплексы норм, на основе которых мог бы выстраиваться механизм легитимации. В этих условиях и национальная безопасность может быть обеспечена лишь эффективным социальным действием власти на основе тех или иных мировоззренческих проектов.

Роль политического PR в дискредитации демократических процедур делегирования властных полномочий гражданами. Важная психологическая проблема в изменяющемся обществе – стимулирование и поддержка рефлексивного способа существования человека (группы) как субъекта жизни – должным образом не ставится и не решается, что наглядно проявляется в политическом PR.

Оказывать воздействия на свободное волеизъявление граждан можно различными способами. Что касается психологических воздействий, то базовым критерием их «чистоты», а, соответственно, и «чистоты» избирательных технологий в целом, может выступить их ориентация на один из двух способов существования человека как субъекта жизнедеятельности: реактивный и рефлексивный, а также и использование этой ориентации при выборе или конструировании конкретных программ и процедур выборов.

Ориентация на стимулирование, поддержку и использование «реактивного» способа жизнедеятельности граждан в избирательных технологиях определяется, прежде всего, намерениями организаторов управлять поведением избирателей, их выбором. Основные методы, как правило, базируются на формировании «щелевого» сознания, различного рода манипулятивных воздействиях, в том числе на широком использовании воздействий на эмоциональную сферу, провокациях импульсивных действий и др.

Ориентация на стимулирование, поддержку и использование «рефлексивного» способа жизнедеятельности граждан определяется, главным образом, намерениями организаторов сформировать представление избира-

¹¹⁴ Денисов А.А. Нетократия и рефлексия // Рефлексивные процессы и управление. Том 7, № 1, 2007. С. 33-49.

¹¹⁵ Castells M. The power of identity / by Manuel Castells. – 2nd ed. – Information age, economy, society and culture, v.2. Blackwell Publishing. 2004. P. 8-12.

телей о целях, программах, механизмах их реализации, последствиях для различных типов субъектов, в том числе и для избирателя. Этот способ призван помочь в осуществлении сравнительного анализа альтернативных предложений, способствовать повышению «избирательной культуры» граждан и т.п. Основные методы избирательных кампаний базируются на расширении «сферы сознания», осознании персональной ответственности, что поддерживает свободное волеизъявление. Такая ориентация создает предпосылки для использования психологически корректных избирательных технологий. Однако и здесь возможно использование «грязных» избирательных технологий. Требуются дополнительные критерии, выявляющие намерения и конкретные действия организаторов по осуществлению методов рефлексивного управления избирателями, опирающихся на заранее сформированные их представления, на «избирательную культуру», которая была сформирована с целью повышения управляемости избирателей со стороны организаторов избирательных кампаний. Хотя до многих изолированных политических технологий PR-щики еще не додумались. Сегодня нужна другая культура, пронизанная рефлексивной ответственностью.

Анализ политического PR в России позволяет утверждать, что ведущей является ориентация на «реактивного избирателя», фактически на превращение избирателя из субъекта свободного выбора в объект манипуляций¹¹⁶, однако намечаются и некоторые сдвиги в ориентации на рефлексивного избирателя¹¹⁷.

Роль манипуляционного компонента. Образ современных СМИ в России дает убедительные основания для оценки их роли в дискредитации демократических выборных процедур¹¹⁸. Сегодня отечественные СМИ:

- в целом не являются субъектом процессов, ориентированных на обеспечение безопасности и развития России; их концепция в значительной степени базируется на теориях западной журналистики и не соответствует цивилизационной специфике России, а также реально сложившимся механизмам управления;
- могут рассматриваться как самодостаточный субъект рыночной экономики, формирующий в своих коммерческих интересах потреб-

¹¹⁶ Лепский В.Е. Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний – стратегия оздоровления общества / Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний / Под ред. А.В.Брушлинского и В.Е.Лепского. -М.: Институт психологии РАН. 1999. С. 6-23.

¹¹⁷ Третьяков В. Казахстанский синдром // Московские новости. 24-30 августа 2007. С.3.

¹¹⁸ Лепский В.Е. Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России / Информационная и психологическая безопасность в СМИ / Под ред. А.И.Донцова, Я.Н.Засурского, Л.В.Матвеевой, А.И.Подольского. – М.: Аспект Пресс, 2002. С. 19-29.

ности населения; пассивное же общество становится объектом манипуляций СМИ, а также других субъектов, осуществляющих через них воздействия в своих интересах;

- являются мощным инструментом, и их возможности более возрастают с развитием информационных технологий; при этом они превращаются, прежде всего, в инструмент в руках тех, у кого есть деньги, рычаги административного управления или иные рычаги воздействия.

Односторонняя критика СМИ и поиск в их лице врагов общества и государства – неконструктивный путь: они отражают состояние общества и государства в целом, являясь его порождением; они также поражены болезнью бессубъектности. Надо выявлять ключевые причины этой болезни и сформировать новые социальные задачи для СМИ, адекватные специфике организации жизнедеятельности в XXI веке. Общество и государство должны учиться организовывать, поддерживать и контролировать СМИ.

Сегодня актуальной задачей отечественных СМИ является инициирование и поддержка процессов направленных на становление легитимных субъектов общества, ориентированных на решение стратегических задач обеспечения безопасности и развития России. Пока у нас не образуется «стратегический вектор развития» и субъекты, консолидирующиеся вокруг него, нами будут управлять в интересах чужих стратегий развития.

6.2.2. Проблема безопасности системы национальных проектов

Начало XXI века ознаменовалось позитивными для России действиями власти – государство стало инициатором и организатором проектной деятельности по развитию страны. Этим шагом был явно засвидетельствован кризис нелиберального подхода и высокая неопределенность для власти в выборе стратегических ориентиров развития России. Однако недооценка значения рассмотренных выше механизмов «проектной идентификации» граждан, а также отсутствие у власти четких представлений об адекватных для России мировоззренческих проектах привело к бессистемному набору принятых национальных проектов. Системно не связанный набор национальных проектов сам может стать источником различного рода угроз национальной безопасности, в частности создать благоприятные условия для дальнейшего укрепления коррупции.

Системные и обеспечивающие национальные проекты. В системном проектировании различают задачи (проекты) систем основные и вспомогательные (обеспечивающие). Основные задачи связаны с реализацией целей, для которых создана система (миссия системы). Обеспечивающие задачи связаны с обеспечением ресурсами и средствами, требуемыми для решения основных задач.

Культура системного проектирования предполагает, что все обеспечивающие задачи решаются в интересах основных задач. При отсутствии их

формулировки решать одни обеспечивающие задачи абсурдно: теряется системообразующий фактор.

По аналогии в контексте рассмотрения национальных проектов России имеет смысл различать основные (назовем их стратегическими) и обеспечивающие проекты. Сегодня, когда говорят о национальных проектах России, подразумеваются исключительно обеспечивающие проекты. При этом остается загадкой, какие стратегические национальные проекты они обеспечивают, поскольку таковые четко не сформулированы и не доведены до граждан. Как следствие мы имеем абсурдную ситуацию: мобилизация сил на неизвестно что обеспечивающие «национальные обеспечивающие проекты».

Имеет место естественная несогласованность «национальных обеспечивающих проектов» между собой, более того - порой их явное противоречие с выдвигаемыми Президентом РФ ориентирами развития страны.

Приведем несколько примеров.

1) В то время как Президент РФ последовательно призывает к переходу на инновационный путь развития, что предполагает повышение креативного потенциала страны, реализуемые проектом «Образование» отдельные мероприятия (в частности, ЕГЭ) снижают его.

«Оукливание» проекта «Образование» убедительно демонстрирует мнение экспертов о том, что по специальности, записанной в дипломе, может трудоустроиться только каждый пятый молодой специалист¹¹⁹.

2) Проекты «Образование» и «Здоровье» явно не состыкованы, поскольку в них доминируют интересы реализующих эти проекты акторов, а не стратегические системные цели. Эти же проекты, локально решая свои задачи материального стимулирования их участников, создают многочисленные конфликты на низовых уровнях, повышая социальную напряженность. Одновременно происходит перевод конструктивных конфликтов, ориентированных на развитие страны, на уровень межличностных конфликтов рядовых участников проектов.

3) Проект «Жилье» при отсутствии стратегических национальных проектов не может автономно определить приоритетные направления развития. Продолжают бурными темпами развиваться мегаполисы, которые неперспективны с позиций как инновационного пути развития России, так и решения демографической проблемы. В то же время без должного внимания остается вопрос создания инфраструктуры малоэтажного строительства, в том числе современных автономных поселений для регионов страны.

4) Формируемый проект «Нанотехнологии» также следует отнести к обеспечивающим проектам. Намечающийся перекоп российской науки исключительно в интересах этого проекта – может привести к разрушению

¹¹⁹ <http://www.dialog-21.ru/news/digest.asp?id=136643>

целого ряда научных школ и направлений. Позднее их восстановление обойдется крайне дорого (в первую очередь это касается гуманитарных направлений).

Таким образом, при отсутствии стратегических национальных проектов набор обеспечивающих проектов потенциально становится источником угроз национальной безопасности - за счет как естественной несогласованности проектных действий, так и создания благоприятных условий для проведения рефлексивного управления (манипуляций) со стороны внешних акторов и представителей отечественных коррумпированных группировок.

В качестве предложения к обсуждению рассмотрим эскизные варианты двух взаимосвязанных стратегических национальных проектов:

- «Россия – духовный лидер мирового сообщества».
- «Россия – лидер мировых процессов инновационного развития».

«Россия - духовный (мировоззренческий) лидер мирового сообщества». Человечество находится в системном кризисе. Назревают грандиозные межкультурные конфликты. Безнадёжно устарели несправедливые механизмы обмена между экономически сильными и слабыми субъектами. Фактически в новых более изощренных формах на планете процветает колониальная политика. Кажется незыблемым представление об «обществе потребления» как безальтернативной и прогрессивной модели развития. Куда приведет эта гонка в условиях ограниченных ресурсов планеты? Все ли хотят обменять духовное богатство и свободу на избыточное материальное благополучие?

Если человечество не сконцентрирует свой интеллект и ресурсы для перехода на ноосферную организацию всех сторон жизнедеятельности общества, то оно может оказаться перед лицом глобальной духовно-нравственной катастрофы.

Наш цивилизационный потенциал дает основания утверждать, что Россия может стать духовным лидером мирового сообщества в созидании новых форм жизнедеятельности на планете, которые обеспечат гармонизацию межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных, межрегиональных и межкультурных отношений.

Культовый культ денег, вера во всемогущую силу богатства определяет духовный мир представителя западной цивилизации, его мироощущение, отношение к обществу, взгляд на государство, право, мораль и нравственность. Оправдывается отсутствие моральной ответственности личности перед обществом, а такая категория, как справедливость, просто исчезает из отношений за ненадобностью¹²⁰.

¹²⁰ Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. Духовность и стратегии российского развития // Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е.Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. С. 77-81.

И мы, находясь на стадии первоначального накопления капитала, когда совершается грандиозный передел собственности, в том числе и неправедными методами, неизбежно должны будем прийти (и во многом уже пришли) к утверждению в обществе культa денег. И нас уже принуждают признать права сильного и богатого. Деньги при такой идеологии превращаются из необходимой составляющей материальной культуры любой нации в ее символ веры. Исключается вся иерархия духовных ценностей. Жажда наживы становится нормой для общества.

По-иному формировался духовный мир русских, наибольшего народа России. Общинный уклад с давних пор был необходимым требованием для отпора захватчикам, взаимопомощи при выживании в трудных климатических и географических условиях. Наши предки осознавали, что сама возможность существования и личного благополучия зависит от защиты и реализации ими общих интересов. Личные интересы соотносились с интересами общества. Эта зависимость от общества наполняла мировоззрение отдельного человека значительным общественным содержанием, в определенных критических обстоятельствах ставила личность перед необходимостью жертвовать личным ради общего.

Если обратиться к истории России, мы обнаружим, что страна ни один раз распадалась, исчезала как единое государство (1237, 1612, 1918 гг.) или же стояла на краю гибели (1709, 1812, 1941 гг.), но всякий раз восставала и становилась могущественнее (1480, 1612, 1920, 1945 гг.). Во всех этих испытаниях соотечественникам удавалось выстоять благодаря чувству национального самосознания, их патриотизму, их верности чувству общинности. И до тех пор, пока в народе сохраняется национальный дух, самоуважение, вера в свои ценности, чувство родины – страна жива.

Вера в социальную справедливость является мировоззренческим стержнем нации. Социальная справедливость, благополучие большинства должны быть главными целями любых государственных программ, государственной политики, если мы не хотим, чтобы их постигла участь тех «реформ», которые последние годы проносятся по России.

Важнейшей отличительной чертой русского народа является терпимость, как проявление развитого чувства общинности, стремления к дружеским, равноправным отношениям между людьми, где ради общего дела мира, согласия и успеха подавляются частные настроения. Русская терпимость может рассматриваться как основа философии ненасилия.

Истина ненасилия с трудом внедряется в сознание и опыт. Если брать намеренно культивируемые формы жизни, она все еще остается маленьким оазисом в пустыне заблуждений. Однако важно, что она твердо заявлена и, по крайней мере, трижды продемонстрировала свою действенность в качестве силы исторического масштаба. В первом случае – как заложенное Л.Н. Толстым начало духовного обновления, отзвуки которого были услышаны

во всем мире. Во втором случае - в ходе борьбы за национальную независимость Индии под руководством М. Ганди. В третьем - в борьбе чернокожих американцев за гражданское равноправие под руководством М.Л. Кинга. Здесь мы имеем дело с движением, единым и в идейных основаниях и в исторических проявлениях: М. Ганди испытал сильное влияние Л.Н. Толстого, М.Л. Кинг был последователем М. Ганди¹²¹.

«Россия - лидер мировых процессов инновационного развития». Сегодня у России имеется шанс стать лидером мировых процессов инновационного развития. Этот шанс будет использован только при условии, если Россия сможет стать лидером формирования и реализации «мягких форм» глобализации. Задача крайне сложная, учитывая, что глобализация является венцом развития капитализма, и сегодня ее плодами пользуются в первую очередь исторически сложившиеся лидеры капитализма.

Основные факторы, определяющие лидерство в процессах «мягкой» глобализации XXI века связаны, в первую очередь, с высоким качеством и динамичностью инновационных процессов, а также с учетом их социальной направленности в интересах всего человечества¹²².

Аргументы, дающие основания для оптимизма в становлении России лидером инновационного развития в XXI веке, таковы:

- Высокая креативность россиян.
- Еще недавно существовавшая лучшая в мире система образования.
- Частично сохранившийся задел и кадры в области высоких технологий.
- Наличие стартового капитала (стабилизационный фонд, относительно большие запасы и высокие цены на сырье).
- Доминирующая в российском обществе социалистическая ориентация как потенциал для формирования «мягких форм» глобализации, а также для стратегического партнерства со становящимися лидерами мирового сообщества (ищущая свой современный образ Европа, Китай, Индия, страны Латинской Америки, страны исламской ориентации) и др.

Аргументы, дающие основания для пессимизма в решении данной задачи, следующие:

- Бессубъектность как главная болезнь России, поразившая общество и государство, в следствие чего усложняются проблемы самоорганизации при решении задач инновационного развития¹²³.

¹²¹ История этических учений: Учебник / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. – 911 с.

¹²² Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. Том 3. № 1. 2003. С. 5-27. (www.reflexion.ru).

¹²³ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 1, 2002. С. 5-23. (www.reflexion.ru).

- Высочайший уровень коррупции, формирующий отсутствие мотивов у чиновников в инновационном развитии страны¹²⁴.
- Реально доминирующий в стране курс на превращение России в сырьевой придаток лидеров глобализации.
- Неготовность России к вступлению в ВТО, в частности, связанная с крайне низкой стратегичностью предприятий¹²⁵ и др.

С учетом приведенных аргументов в условиях современной России при управлении инновационными процессами становятся все более актуальными не технические (предметные), а социальные аспекты инноваций. В первую очередь это должно быть связано с переходом от доминанты сложившегося объектно-ориентированного подхода к доминанте субъектно-ориентированного подхода, а точнее к их гармонии¹²⁶.

6.2.3. Стратегичность социальных систем как базовый критерий обеспечения их безопасности

Стратегичность социальной системы, определяющая ее потенциал готовности к динамичным изменениям и гармоничного включения в глобальную среду, должна рассматриваться как базовый критерий обеспечения национальной безопасности в XXI веке.

Законодательно определенное сегодняшнее представление о безопасности как состоянии защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз провоцирует «окопную» логику постановки проблем обеспечения безопасности, при этом, как следствие, в России имеет место игнорирование аспектов стратегичности социальных систем. Это приводит, в частности, к отсутствию адекватных решений в сфере национальной безопасности с учетом того кризисного состояния, в котором находится страна. В таком подходе могут быть заинтересованы только те, кого устраивает это кризисное состояние.

Нами предлагаются структура основных факторов (табл. 6-1), определяющих стратегичность социальной системы¹²⁷.

¹²⁴ Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е.Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. – 232 с.

¹²⁵ Лепский В.Е. Стратегичность предприятий XXI века // Экономические стратегии. 2006. № 7. С. 110-118. (www.reflexion.ru).

¹²⁶ Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998. – 204с. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированные технологии в инновационных процессах // Материалы конференции VIII международного форума «Высокие технологии XXI века. Москва 23-26 апреля 2007 г. С. 277-281.

¹²⁷ Лепский В.Е. Стратегичность предприятия XXI века // Экономические стратегии. 2006, № 3. С. 110-118. Лепский В.Е. Стратегичность социальных систем как базовый критерий обеспечения их безопасности // Материалы конференции «Безопасность сложных систем». ИПУ РАН. 2006.

Основой целостности любой социальной системы должна стать *рефлексия* – как саморефлексия, так и рефлексия по отношению к другим социальным субъектам. Именно рефлексивность социальной системы позволит обеспечить ее системную сборку на основе механизмов идентификации (самоидентификации) рефлексивных элементов по отношению к системе и макросубъектам социальной среды.

Таблица 6-1
Факторы стратегичности социальной системы

Группы факторов	Базовые факторы
Целостность	Рефлексивность
	Коммуникативность
	Идентичность
Социальность	Духовность
	Этичность
	Ответственность
Способность к развитию	Самоорганизуемость
	Креативность
	Обучаемость

Анализ цивилизационного потенциала России дает основание утверждать, что в рассматриваемом контексте прообразы стратегичных социальных систем XXI века могут быть сосредоточены в нашей стране. Однако сегодня поиск таких прообразов вызывает большие затруднения. Видимо, это связано со спецификой сложившейся в стране ситуации, характеризующейся тотальной болезнью бессубъектности, высочайшим уровнем коррупции, культом денег, отсутствием прозрачности в управлении социальными системами, стремлением к получению быстрой прибыли и др.

Пересмотр представлений о безопасности социальных систем с позиций обеспечения их стратегичности позволит, на наш взгляд, внести серьезный вклад в процессы развития России и мирового сообщества в целом.

6.2.4. Эскиз определения безопасности социального субъекта

Попытки уйти от «состояния защищенности интересов от угроз» предпринимались различными авторами. К.Х.Ипполитов жестко критикует ориентацию на угрозы. «Акцентирование на угрозе, как исходном ключевом элементе понятия и содержания экономической безопасности, как и национальной безопасности вообще, делает нас заложниками этих угроз. И это объясняется прежде всего тем, что угроза вторична, она – проявление не опасностей, а чего-то более существенного, порождающего зарождение и развитие опасностей и угроз, как признаков проявления опасностей»¹²⁸. Автор предлагает перейти к рассмотрению защищенности отношений между субъектами, определяющих развитие.

П.Г.Белов предлагал рассматривать национальную безопасность как способность нации сохранять определенные состояния. Идеи автора весь-

¹²⁸ Ипполитов К.Х. Экономическая безопасность: стратегия возрождения России. М.: РСПБ. 1996. – 263 с.

ма конструктивны, к сожалению, он уделяет недостаточно внимания субъектам их взаимодействиям и их проектной деятельности¹²⁹.

Опираясь на базовое требование способности систем к изменениям, мы предлагаем следующие рабочие определения.

Обеспечение *безопасности социальных субъектов* – это обеспечение их способности к социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность их проектов жизнедеятельности и развития.

Обеспечение *национальной безопасности* – это обеспечение способности граждан, общества и государства к совместному социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность стратегических и обеспечивающих национальных проектов.

6.2.5. К вопросу о направлениях безопасности

В настоящее время принято выделение частных направлений безопасности с привязкой к сложившимся областям знания: экономическая, военная, информационная безопасность и др. Очевидно, что корректное разделение безопасности на направления возможно только в том случае если они не пересекаются. Однако, в настоящее время вопрос о пересечении направлений практически не обсуждается: существует только отчетливая интуитивная неудовлетворенность состоянием их изучения¹³⁰.

Например, в сочетании с понятием «безопасность» будет возникать столько «экономических безопасностей» сколько различных смыслов имеет термин «экономическая», при игнорировании того, что подобная безопасность оказывается тесно связанной с военной, общественной и другими видами безопасности.

В середине 1990-х годов по инициативе Совета безопасности РФ нами была поставлена проблема обеспечения информационно-психологической безопасности России¹³¹. Поскольку в центре каждого направления безопасности оказываются индивидуальные или групповые субъекты, то информационно-психологическая безопасность оказалась связанной с ими всеми. Ситуация парадоксальная, из которой следует вывод: требуются такие под-

¹²⁹ Белов П.Г. Методологические основы национальной безопасности России. Часть 1. Базовые категории, методы исследования и обеспечения. СПб.: СПбГПУ. 2004. – 258 с.

¹³⁰ Исследования по безопасности / Под ред. С.П.Никанорова. М.: Концепт, 1998. – 624 с.

¹³¹ Аносов В.Д., Лепский В.Е. Исходные посыпки проблематики информационно-психологической безопасности // Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А.В.Брушлинский и В.Е.Лепский. М: ИП РАН, 1996. Емельянов С.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. N3. Лепский В.Е. Информационно-психологическая безопасность субъектов дипломатической деятельности / Дипломатический ежегодник - 2002. Сборник статей. Колл. авторов. - М.: Научная книга. 2003. С.233-248.

ходы к выделению направлений безопасности, чтобы был виден их общий корень.

Исходные послышки совершенствования системы национальной безопасности определяют новые основания для выделения направлений безопасности. От областей знаний необходимо перейти к целостным образованиям: способностям субъектов к социальному воспроизводству и развитию, их отношениям¹³² и их проектам.

6.2.6. Роль науки в совершенствовании системы национальной безопасности на основе субъектно-ориентированного подхода

Одна из главных задач в сложившихся условиях, должна быть связана с построением «стратегической вертикали власти», способной организовать проектную работу по развитию России и соответствующее этой работе обеспечение национальной безопасности. Необходимо объединить усилия государства и общества. Для этого нужны специальные технологии и проекты формирования и соорганизации субъектов российского развития.

Эти сложные проблемы бросают вызов и интеллектуальным силам России. Сегодня крайне актуальна проблема разработки научного обеспечения для создания адекватных технологий социального управления и развития. Российская наука имеет опыт успешной мобилизации для решения стратегических проблем в трудные для страны времена, когда наука и государство были союзниками, но в период «перестройки» имело место планомерное разрушение отечественной науки и в первую очередь Российской академии наук.

Несмотря на остаточный принцип финансирования российской науки и практически полное отсутствие государственного заказчика на решение актуальных проблем развития и обеспечения безопасности страны в последние годы рядом научных коллективов и сетевых сообществ разнопредметных специалистов активно ведутся исследования по данным направления.

Важно отметить, что в основу методологического обеспечения кладутся идеи постнеклассической науки, в центре внимания которой оказались субъекты познания и социальных преобразований. А лидером системной интеграции работ выступает философия. На этих основаниях стартовали процессы интеграции в интересах решения проблем социального управления, развития и безопасности различных областей естественнонаучного и гуманитарного знания. Образованы заделы для разработки технологий: создания сред поддержки генерирования и реализации стратегических проектов; сборки, модерирования и разборки сетевых субъектов; обеспечения

¹³² Ипполитов К.Х. Экономическая безопасность: стратегия возрождения России. М.: РСПБ. 1996. – 263 с.

стратегичности социальных субъектов; рефлексивного анализа, управления и программирования полисубъектных систем и др.¹³³

Ссылки на объективные и субъективные трудности неуместны, надо брать на себя ответственность, разрабатывать и внедрять научно обоснованные технологии консолидации всех сил общества для возрождения России.

6.2.7. Заключение

Несколько лет назад нами была выдвинута идея создания сетевой структуры стратегической элиты России, которая могла бы способствовать консолидации государства и общества в решении проблем российского развития¹³⁴. Такой подход позволит осуществить консолидацию всех структур общества, решить проблему, которая сегодня в России кажется неразрешимой. Президент Российской Федерации и Совет Безопасности РФ могли бы получить мощнейший механизм стратегического управления и обеспечения национальной безопасности. При соответствующем его использовании в качестве государственно-общественного стратегического контура управления страной, возможно в короткие сроки решить проблемы борьбы с коррупцией, подготовки национального кадрового резерва и многие другие проблемы в системе обеспечения национальной безопасности.

Среди первоочередных задач совершенствования системы национальной безопасности на основе субъектно-ориентированного подхода следует отметить:

1. Формирование государственного заказа на разработку методологических, методических и технологических основ субъектно-ориентированного подхода к совершенствованию системы национальной безопасности.

¹³³ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с. На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. – М.: Институт философии РАН. 2005. – 266 с. Проблема субъектов социального проектирования и управления / Препринт под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2006. - 240 с. Малинецкий Г.Г., Осипов В.И., Львов Д.С., Митин Н.А., Гусев - А.В. и др. Кризисы современной России: Научный мониторинг // Вестник РАН. 2003. № 7, с.579-593. Расторгуев С.П. Система отношений информационных субъектов // Рефлексивные процессы и управление. 2006, № 2. С.93-99. Анисимова С.А., Малков С.Ю. Учет рефлексивных аспектов принятия решений при анализе рациональных стратегий сдерживания военных конфликтов // Рефлексивные процессы и управление. 2006, № 2. С.41-53. Хиценко В.Е. Можно ли управлять самоорганизацией? // Рефлексивные процессы и управление. 2007, № 1. С.50-57 и др.

¹³⁴ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление, т.2, № 1, 2002, С.5-23, www.reflexion.ru. Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. Том 3. № 1. 2003. С.5-27. (www.reflexion.ru). Манифест российского развития. (www.reflexion.ru).

2. Разработка на основе субъектно-ориентированного подхода проектов концептуальных и законодательных документов для системы обеспечения национальной безопасности.

3. Организация на основе субъектно-ориентированного подхода переподготовки кадров в системе национальной безопасности.

Страна располагает относительно небольшим ресурсом времени для продолжения поисков выхода из кризисного состояния. В этой связи нельзя рассчитывать на стихийное формирование механизмов развития и обеспечения ее национальной безопасности. Необходимо срочно сформировать субъектов, которые взяли бы на себя эти функции и смогли бы продуктивно их реализовать. Главную роль в этих процессах мог бы взять на себя Совет Безопасности РФ, после принципиального преобразования его фактически в центр обеспечения стратегического развития страны.

6.3. Субъектно-ориентированные технологии в инновационных процессах

6.3.1. Постановка проблемы

В условиях современной России при управлении инновационными процессами становятся все более актуальными не технические (предметные) аспекты инноваций, а социальные. В первую очередь это должно быть связано с переходом от сложившегося объектно-ориентированного подхода к доминанте субъектно-ориентированного подхода, а точнее к их гармонии¹³⁵.

Крайне актуальной становится разработка субъектно-ориентированных технологий обеспечения инновационных процессов и на их основе нового поколения соответствующих инфраструктурных образований инновационных процессов. Подтверждением этому являются многочисленные примеры «замораживания» экономически эффективных и технически грамотных инновационных проектов – в большинстве случаев связанного не только с конфликтами интересов, но и с неспособностью организовать «сборку» адекватной инновационному проекту системы субъектов.

В данном подразделе определено место субъектно-ориентированных технологий в обобщенном процессе инноваций, даются оценки состояния соответствующих технологий и перспективные направления их развития.

¹³⁵ Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998. – 204с. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированные технологии в инновационных процессах // Материалы конференции VIII международного форума «Высокие технологии XXI века. Москва 23-26 апреля 2007 г. С. 277-281.

6.3.2. Место субъектно-ориентированных технологий в инновационном процессе

Предлагается рассмотреть место субъектно-ориентированных технологий в цикле традиционных этапов объектно-ориентированного подхода к инновационным процессам. В упрощенную схему инновационного процесса включим следующие этапы:

- креативные предложения;
- экспертиза;
- предпроизводственная подготовка;
- производство;
- внедрение, сбыт;
- сопровождение, развитие.

Креативные предложения. Общепризнанно, что россияне обладают высоким креативным потенциалом, однако пределов совершенствования нет. Вместе с тем анализ реформирования системы образования позволяет сделать вывод, что этому аспекту уделяется явно недостаточно внимания, в центре внимания оказались проблемы совместимости нашей (еще недавно лучшей в мире) системы образования с западной.

В современных инновационных процессах резко повышается роль междисциплинарных подходов, что повышает актуальность группового креативного потенциала, стимулирование и поддержка которого находится на крайне низком уровне развития. А в системе образования этот аспект вообще практически выпал из рассмотрения. И это при том, что имеется солидный научно-методический задел и опыт высочайшего уровня креативности в космической и ядерной программах СССР.

В стране отсутствуют система мониторинга и специализированные сети креативных субъектов, вследствие чего стихийно формируются креативные команды для инновационных структур.

Это сдерживает разработку субъектно-ориентированных технологий, ориентированных на развитие индивидуальной и групповой креативности в образовании; выявление и накопление знаний о креативных субъектах; стимулирование процессов выработки креативных предложений; сборки (разборки) креативных субъектов через креативные сети, креативные инкубаторы и др.

Экспертиза. Важнейшим направлением экспертизы инновационных проектов становится субъектно-ориентированный анализ «вхождения» нововведения в социальную среду. Данные экспертизы должны выявить угрозы социальной безопасности проекта, определить потенциальную возможность их нейтрализации, и лечь в основу разработки механизмов социального управления, обеспечивающего реализацию проекта. Фактически доминантной становится *социогуманитарная экспертиза*, обосновывающая

мероприятия по обеспечению реализации инновационного проекта – *социальное управление и социальная организация*¹³⁶.

При наличествующей сегодня экспертизе, как правило, не ставится в центр внимания проблема целостного рассмотрения системы субъектов, имеющих отношение к данному инновационному проекту. Ключевые субъекты, от которых принципиально зависит судьба инноваций, остаются без должного внимания. Это, прежде всего государство, общество, конкретные пользователи продуктов и услуг технологического развития – субъекты, чьи интересы затрагиваются нововведениями, а также другие государства и цивилизации, виртуальные субъекты мирового сообщества типа финансово-олигархических образований и др.

Формируя прогноз их поведения, необходимо учитывать интересы, потенциал и отношения в рамках сложнейшей полисубъектной системы с разнообразными исторически обусловленными связями между ее активными элементами. Это положение может быть оформлено в виде принципа адекватности прогноза реализации инновационного проекта системе актуализируемых субъектов, с учетом интересов, потенциалов и отношений между ними¹³⁷.

Недооценка этих аспектов при прогнозировании технологического развития России привела к сегодняшней ситуации технологической деградации страны. За 20 лет в России не реализовано ни одного крупного инновационного проекта. Утрачено более четверти технологий, которыми страна располагала на 1990 год. Темпы обновления основных фондов не сопоставимы с темпами старения оборудования.

Для обеспечения социальной безопасности при реализации инновационных проектов необходимы упреждающие активные воздействия, а не пассивная оборона. Может оказаться намного дешевле и эффективнее своевременно переиграть акторов, носителей потенциальных источников угроз, используя, например информационные или другие методы воздействия. Для этого необходимо уметь осуществлять следующие действия:

- *Детальный анализ* системы субъектов (включающих потенциальные источники угроз), их интересов, намерений, взаимных представлений друг о друге, отношений между собой, коопераций, возможностей, реальных планов и т.д., в частности, использовать специализированные (рефлексивно ориентированные) технологии деловой разведки, методы выявления скрытых субъектов-носителей угроз и др.

¹³⁶ Проблема субъектов социального проектирования и управления. Препринт / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. – 248 с.

¹³⁷ Лепский В.Е. Проблема субъектов в прогнозировании технологического развития // Экономические стратегии. 2005. N7. С.30-33. (www.reflexion.ru). Лепский В.Е. Управление инновационным процессом через экспертизу (субъектно-ориентированный подход) // Материалы конференции VII международного форума «Высокие технологии XXI века». 2006. С. 35-39.

- *Прогнозирование сценариев* действий разнообразных субъектов и их объединений с учетом их потенциальной способности сформировать угрозы инновационному проекту.
- *Разработка мероприятий* по нейтрализации потенциальных угроз, «переигрывание» субъектов – источников угроз, использование технологий рефлексивного управления и программирования.
- *Разработка мероприятий* по ликвидации последствий угроз, если не удастся их нейтрализовать, использование (создание) потенциальных возможностей «переиграть» «проигрывая».

При этом в центре внимания оказываются данные не столько о физической реальности, сколько о внутренних мирах (субъективных представлениях) различных субъектов и их взаимных представлениях друг о друге. Именно знание внутренних миров субъектов может дать возможность прогнозировать их потенциальные действия и влиять на них для предотвращения нежелательных решений. Для этого предлагается использовать рефлексивные технологии (в частности, методы рефлексивного анализа, рефлексивного управления и программирования)¹³⁸.

Требуется развитие таких субъектно-ориентированных технологий: сетевой организации и развития многоцелевого долговременного экспертного сообщества; сборки субъектов и организации групповой экспертизы; выявления и анализа ансамбля субъектов, интересы которых затронуты инновацией; прогноза и оценки потенциальных действий ансамбля субъектов, анализа угроз и потенциальной поддержки инновационного процесса и др.

Предпроеизводственная подготовка. Предполагается конкретизация системы субъектов успешной реализации инновации, включая такие процессы как актуализация, сборка, модификация, нейтрализация, управление, самоорганизация, разборка и др.). Нужны технологии сетевой организации и развития многоцелевого долговременного сообщества инноваторов; технологии формирования и обеспечения работы команды инноваторов под предпроеизводственную подготовку конкретной инновации и др.

Производство. Бурные социальные изменения современного мира бросили вызов сложившимся в XX веке концепциям организации предприятий. Эти изменения в первую очередь связаны с процессами формирования постиндустриального общества, процессами глобализации, снижением роли традиционалистских цивилизаций и формированием новых цивилизационных форм, со снижением роли государств¹³⁹.

¹³⁸ Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е.Лепского. М.: Когито-Центр, 2006. – 232с.

¹³⁹ Лепский В.Е. Стратегичность предприятий XXI века // Экономические стратегии. 2006. № 7. С.110-118. (www.reflexion.ru).

Доминирование экономического подхода к организации предприятий с ведущей ориентацией на прибыль и бюджетные показатели оказывается явно недостаточным, в центре внимания все в большей степени оказываются представления предприятий как социальных систем и субъектов социального управления.

Примерами субъектно-ориентированных технологий в сфере производства являются технологии формирования и обеспечения работы команды инноваторов под производственный процесс конкретной инновации и др.; обеспечения стратегичности предприятий; формирования системы субъектов адекватной реализации инновации.

Внедрение, сбыт. Система внедрения и сбыта должна быть подстроена под полисубъектные системы предшествующих этапов инновационного процесса.

Сопровождение, развитие. Важны технологии модерирования системы субъектов адекватной успешной реализации инновации, включая сопровождение и развития конкретного инновационного проекта и др.

Для реализации имеющегося в России инновационного потенциала необходима организация совершенствования современной методологии и технологического обеспечения субъектно-ориентированного подхода к инновационным процессам. Отечественная наука имеет необходимый задел, более того по ряду направлений, в частности в области рефлексивных исследований мы имеем мировой приоритет. Активизации этих разработок будет способствовать переходу России на инновационный путь развития.

6.3.3. Социогуманитарное обеспечение инновационных процессов и проектов

Почему Россия, имея высокий инновационный потенциал и опыт лидерства в космосе, ядерной энергетике, военных системах, авиации, сегодня находится на последних местах в мире по инновационной активности и инновационной восприимчивости?

Инновационная продукция в России сегодня не набирает и 1%. Этот же показатель в Финляндии – более 30%, в Италии, Португалии, Испании – от 10% до 20%.

Причины не только в болезни бессубъектности, суть которой мы уже рассмотрели, но также в игнорировании комплексного учета социогуманитарных аспектов инновационных процессов и проектов.

Подобная ситуация уже возникала в СССР при разработке военных систем. Тогда удалось организовать комплексный учет «человеческого фактора» на основе эргономического обеспечения разработок и эксплуатации военной техники.

Таблица 6-2

Инновационная матрица¹⁴⁰

Технологический уровень			
	Низкая	Средняя	Высокая
Низкий	Россия	–	–
Средний	Венгрия, Мексика, Новая Зеландия,	Исландия, Канада,	–
	Словакия, Турция, Чехия, Китай,	Республика Корея	
	Румыния, Словения		
Высокий	Греция, Испания, Италия, Португалия	Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, ФРГ, Дания, Ирландия, Франция, Швейцария, Нидерланды	США, Япония, Финляндия, Швеция

Сегодня для развития инновационных процессов и проектов столь же актуально создание социогуманитарного обеспечения. При этом ведущей методологией может стать субъектно-ориентированный подход.

Основные цели социогуманитарного обеспечения инновационных процессов и проектов.

С учетом современных представлений о социогуманитарном знании и мировоззренческих основах российского развития основные цели социогуманитарного обеспечения инновационных процессов и проектов сводятся к:

- повышению уровня инновационной активности инновационной восприимчивости различного рода социальных субъектов российского общества;
- проведению социогуманитарной экспертизы инновационных проектов, прогнозированию социальных последствий их реализации, нейтрализации негативных социальных последствий или блокирование отдельных проектов;
- актуализации общественной поддержки инновационных проектов.

Пример задач социогуманитарного обеспечения инновационной активности регионов.

1. Формирование мировоззрения, ориентированного на инновационную активность.
2. Формирование моды на интеллектуальную активность.
3. Формирование культуры инновационной активности.
4. Создание и внедрение современных технологий междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований и разработок.
5. Создание и внедрение современных технологий сборки и самоорганизации субъектов инновационной активности.

¹⁴⁰ Ваганов А. Инновационная матрица // Независимая газета 24.01.07.

6. Формирование и модерирование среды стимулирование и поддержки интеллектуальной активности региональных элит – наука и образование, предприятия, организации инновационной инфраструктуры (бизнес-инкубаторы, технопарки, центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, консалтинговые организации, и т.д.), администрация региона и др.

7. Создание условий для стимулирования инновационной активности в сфере образования (с дошкольной подготовки до повышения квалификации специалистов).

8. Формирование современной культуры обеспечения безопасности региона, ориентированной на обеспечение самовоспроизводства и развития региона, на обеспечение безопасности инновационной активности.

9. Разработка технологий и организация мониторинга инновационной активности региона (показателей, субъектов и др.).

10. Создание региональной инфраструктуры стимулирования и поддержки инновационной активности.

11. Создание передовых «центров кристаллизации» (интеграторов) инновационной активности региона. «Инновационный спецназ».

Нами начаты работы по формированию в стране социогуманитарного обеспечения инновационных процессов и проектов. Уже ведется разработка соответствующих методологических, теоретических, методических, технологических и организационных проблем. Первые презентации этого подхода для регионов (18 октября 2007, г. Обнинск) и для проектов (нанотехнологический проект – 8 ноября 2007, г. Калуга) вызвали большой интерес у специалистов и управленцев.

6.4. Культура субъектов инновационного развития

Огромное количество людей, организаций, сообществ становятся не только зависимыми, но и своеобразными заложниками тех руководителей, которые не соответствуют объективным требованиям больших систем и совокупным ожиданиям. В настоящее время Россия, как утверждают многие, очередной раз сталкивается с проблемой данного типа. Как часто подчеркивает В.Е.Лепский¹⁴¹, в России нет субъекта стратегического управления – как индивидуального, так и коллективного. Не обладая субъектом управления, реальные управленческие системы снимают с себя и ответственность за свои действия, за их последствия, за обеспечение реализации функции руководителей страны, за неактуализацию потенциала страны и т.п.

Как утверждают многие аналитики перекосы в экономических акцентах, принципиальное вытеснение роли государства из регулирования отношений владельцев капитала, сведение регулирования ради целого стра-

¹⁴¹ Лепский В.Е. Проблема субъектов российского развития // Рефлексивные процессы и управление. Том 6, №2, 2006. С.5-20. (www.reflexion.ru).

ны в согласование еще более выгодного и спекулятивно используемого капитала в интересах небольших групп не имеет отношения к функции «хозяина» страны, к выявлению служебной функции экономики, совмещаемому с реализацией всех остальных функций, всех иных звеньев страны и в тех пропорциях, которые сохраняют и укрепляют организм страны в целом, благополучное бытие населения.

Конечно, мы продолжаем жить в «эпоху перемен», в которой диспропорции неизбежны. Но для этого и нужен «хозяин» страны, для реагирования их диспропорции, динамику отношений частей страны, внешние факторы и угрозы с устремленностью на смену механизма, менее совершенного на более совершенный. Он не должен быть служебным органом части страны, обладающей экономической, финансовой мощью, потеряв из своего управленческого надзора все «немошные» части, сохраняя отношения с ними по остаточному принципу. Если посчитать неразумные траты держателей основных капиталов и сравнить их с бюджетными тратами на «немошные» сферы страны, то сама констатация пропорции может привести к негативной оценке хозяйствования.

В чем тогда состоит сущность пребывания реальных руководителей в функциональном месте «хозяев страны»?

Прежде всего, содержание сущностных представлений о «хозяйской функции», об объекте управления должно быть научно сформулированным, что предполагает соответствующий уровень развитости механизма теоретического мышления в науке об обществе, о стране, об управлении страной, развитости методологических представлений о теоретическом мышлении, развитости философских воззрений о бытии и динамике бытия.

Есть ли такие представления о стране, которые обоснованы в рамках философско-онтологических, логических и методологических критериев? Есть ли нормы и «техники» адекватного использования указанных представлений о стране в ходе постановки и решения проблем и задач государственного управления, управления страной? Есть ли механизмы формирования способностей для профессионального управления страной в пределах логико-семиотических, философско-онтологических, нравственно-духовных и методологических требований к лицу, принимающему и реализующему решения? Налажена ли профессионально значимая практика порождения, реализации и корректировки стратегий совершенствования бытия страны? Существует ли профессионализированный корпус стратегических аналитиков, могущих оценивать и подсказывать пути совершенствования процесса принятия и реализации стратегических решений по критериям логико-семиотического, философско-онтологического, нравственно-духовного, методологического типа?

Как это ни печально, но все вопросы имеют негативные ответ. В этих условиях нет и не может быть «хозяина», субъекта стратегического управления, управления страной.

Инновационные устремления у управленца появляются тогда, когда следует менять содержание решения по внешним и внутренним причинам, когда решение связано не только с проявлениями управляемого объекта, но и с трансформациями объекта, а также когда трансформированию подлежит само управление, его механизм.

Для того чтобы участвовать в соревновании Россия должна была бы стать сплоченной, однонаправленной, имеющей принимаемые обществом идеалы и т.п. страной. Но она приобрела диспропорции, всесилие эгоцентризма, вседозволенность негативных группировок и криминалитета, приватизированность источников могущества, качественную обесцененность госслужбы и всех государственно значимых сфер и систем. Тем более что это было легко осуществить при посредстве захвата капиталов эгоцентрическими группами.

Чтобы быть не только устремленным на инновации и даже совершенствования, на креативность в инноватике, но и быть адекватным самой функции инновации, креативности, развития систем необходимо иметь инновационное, креативное, развивающее сознание и самосознание, самоконтроль в личностных проявлениях, самоотношение и самокоррекционность в рамках сознаваемых требований к личностным проявлениям.

Самым сложным и новым направлением в совершенствовании управленческой практики выступает переход к цивилизационным стратегиям, цивилизационным формам принятия решений. В рамках быстрого трансформирования Китая с начала 80-х годов руководители и аналитики Китая пришли к началу XXI века к переопределению заказа на макроуправление и управленческие способности. Лейтмотивом инноватики в смене парадигм выступает обращенность именно к цивилизационным критериям в разработке и реализации решений. Именно в Китае возник практический заказ на новый тип управления. Однако при реализации цивилизационной устремленности требуется надежная критериальная основа, прежде всего, понимание сущности цивилизации. С помощью метааналитики мы доопределили понимание цивилизации и приложили к ряду исторических материалов.

Переход к цивилизационным стратегиям еще более увеличивает объем логико-методологических требований к мышлению управленца. Чтобы перейти на этот тип субъективной самоорганизации, управленец должен стать осознанно саморазвивающимся, вносящим последовательный ряд инноваций в свою линию развития, переходя от общей рефлексивной самоорганизации к логико-семиотической нравственной обеспеченности рефлексии, к внесению онтологических оснований в проблематизацию и депроблематизацию, к владению метааналитическими формами мышления.

Как мы видим, управленец в инновационной ситуации принципиального характера вынужден переходить от внешнеориентированной инноватики к внутреннеориентированной инноватике, согласовывая их в еди-

ном процессе инновационного управления, проявляя личностные качества в слое внешней и в слое внутренней направленности, применяя волю в обеих направленностях. Но этот управленец и соответствует образу «нового типа управленца». Только он и войдет с достоинством в новое цивилизационное состояние мира. Теперешнее состояние сохраняет инерцию деградации цивилизации, начавшейся в III-II тысячелетии до нашей эры. Роль России как раз и может состоять в осознанном повороте к «оздоровлению» цивилизации, согласовывая и насыщая более глубокими воззрениями то, что начал Китай.

6.5. Проблемы субъектов организации научного мониторинга

Уже почти десяток лет взаимодействие исследователей, которые занимаются прогнозом, анализом и оценкой последствий аварий, бедствий и катастроф, с теми, кто, собственно, должен их предупреждать и парировать, к сожалению развивается по одному и тому же сценарию. Вначале ученые выступают с какой-либо разумной, на их взгляд, идеей, обсуждают ее на конференциях, пишут бумаги и, наконец, убеждают соответствующие министерства, что этим действительно следует заниматься¹⁴². Потом слова ученых многократно повторяются как заклинание и, в итоге, соответствующая тема оказывается в распоряжении отраслевой науки или в какой-либо академической программе. Работа должным образом не организовывается, дело не доходит до серьезного прогноза, организации мониторинга и создания центра, в котором должны работать эксперты, каковых можно экстренно привлечь в случае кризиса – предложенная работа не выполняется. Затем отраслевые институты рапортуют о выполнении всего намеченного, а идея оказывается дискредитированной, попадая в разряд тупиковых.

Одна из главных причин такого положения вещей – отсутствие критериев, по которым можно было бы судить, выполнена работа или нет, и своеобразное «выпадение» полученных ее результатов из контура обратной связи, который должен был бы обеспечивать управление научными исследованиями.

Этот путь, к сожалению, уже прошла идея управления рисками природных и техногенных катастроф¹⁴³. Его завершает и концепция мониторинга

¹⁴² Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Медведев И.Г., Митин Н.А. Нелинейная динамика и проблемы прогноза// Безопасность Евразии. 2001, № 2, с. 481-525. Катастрофы и общество. – М.: Контакт-Культура, 2000. – 332 с. Воробьев Ю.Л., Махутов Н.А. Малинецкий Г.Г. Управление риском и устойчивое развитие. Человеческое измерение// Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2000. Т. 8, № 6, с. 12-26.

¹⁴³ Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В. и др. Управление риском. Риск, устойчивое развитие, синергетика. – М.: Наука, 2000 – 432 с. <http://www.keldysh.ru/papers/2003/source/book/gmalin/risk.htm>.

и прогнозирования социальных нестабильностей¹⁴⁴. В значительной мере дискредитированной оказалась программа оценки стратегических рисков России (опасностей, которые угрожают стране сейчас либо будут угрожать в обозримом будущем и которые могут изменить ее историческую траекторию)¹⁴⁵.

Основная цель данного подраздела – обратить внимание на проблему субъектов организации национальной системы научного мониторинга, недооценка актуальности корректной постановки и решения которой тормозит ее создание¹⁴⁶.

6.5.1. Почему у нас нет прогноза и предупреждения современного уровня?

На встрече с руководством РАН 3 декабря 2001 года президент РФ выделил проблему независимой экспертизы государственных решений, прогноза и предупреждения бедствий и катастроф в природной и техногенной сфере, а также социальных нестабильностей как одну из двух ключевых задач, стоящих перед научным сообществом России. То есть, политические решения необходимых для создания национальной системы прогноза и предупреждения опасных явлений и процессов, были приняты.

Со стороны науки, сложилась кооперация ряда исследовательских институтов, готовых взяться за решение этой проблемы¹⁴⁷. Были выдвинуты концепции *стратегических рисков* и *анализа кризисов*, обоснована необходимость создания *национальной системы научного мониторинга*, позволяющей свести воедино необходимые информационные потоки, собрать вместе исследователей, имеющих описания опасных явлений и процессов, базы данных, модели и алгоритмы, скоординировать усилия структур, входящих в контур управления страной, которые имеют полномочия и ресурсы для предупреждения бедствий и катастроф. Это направление исследований получило поддержку Президиума РАН как одно из важнейших¹⁴⁸.

Прошло много времени с момента принятия политического решения, но серьезная работа по его реализации, по существу, не началась. Конфе-

¹⁴⁴ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего/ 3-е издание. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 288 с. <http://iph.ras.ru/~mifs/kkm/Vved.htm>.

¹⁴⁵ Малинецкий Г.Г. Сценарии, стратегические риски, информационные технологии// Информационные технологии и вычислительные системы. 2002, № 4, с. 83-108. http://www.keldysh.ru/e-biblio/jj/s_r/jst.htm.

¹⁴⁶ Малинецкий Г.Г., Осипов В.И., Львов Д.С., Митин Н.А., Гусев А.В. и др. Кризисы современной России: Научный мониторинг// Вестник РАН. 2003. № 7, с. 579-593. http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/k.html.

¹⁴⁷ Малинецкий Г.Г., Осипов В.И., Львов Д.С., Митин Н.А., Гусев А.В. и др. Кризисы современной России: Научный мониторинг// Вестник РАН. 2003. № 7, с. 579-593. http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/k.html.

¹⁴⁸ Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П. Нелинейная динамика и проблемы прогноза// Вестник РАН. 2001. Т71, № 3, с. 210-232. http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/neldim.htm.

ренция по прогнозу и мониторингу чрезвычайных ситуаций, проведенная в текущем году МЧС России, показала, что и здесь крупных качественных сдвигов за последний год не произошло. 13 ноября 2003 года Совет безопасности РФ и Президиум Государственного Совета РФ обсудили вопрос «О мерах по обеспечению защищенности критически важных для национальной безопасности объектов инфраструктуры и населения страны от угроз техногенного, природного характера и террористических проявлений». Ответственность за научное обеспечение этих задач была возложена на РАН и Минпромнауки. Было поручено также составить Государственную межведомственную комплексную программу.

Казалось бы, лед тронулся. Но соответствующая комиссия РАН и Президиум РАН отклонили программу фундаментальных исследований, связанных с прогнозом бедствий, катастроф и кризисов. А порядка принятия Государственных межведомственных программ в нашем отечестве пока нет, и его только предстоит установить. Попытки, предпринимаемые в этом направлении в последние полгода, пока не привели к каким-либо результатам. Время уходит. И в этой жизненно важной для страны и нашего общества области исследователи недалеко продвинулись от положения, в котором находились в 2001 году.

Важное политическое решение так и не нашло своего практического воплощения. Лесные пожары в Сибири, торфяные пожары, вызвавшие смог над Москвой, наводнение в Краснодарском крае, сели в районе Новороссийска, катастрофический сход ледника, выход терроризма в России на новый уровень («Норд-Ост», взрыв в Московском метро и т.д.), показывают, что принятое президентом страны решение пока не утратило актуальности.

Основными причинами такого положения дел представляются следующие.

— *Ведомственность, отсутствие необходимых организационных институтов (субъектов) для решения комплексных проблем.* Поставленная президентом России задача требует координации усилий нескольких ведомств. В то же время в соответствии с действующим законодательством координация работы нескольких министерств является прерогативой премьера или вице-премьера. Руководители этого уровня к решению поставленной задачи пока не привлечены. Правительство не до конца сформировано, неясна структура ряда министерств, агентств и служб и области их компетенции, и решение многих важных вопросов постоянно откладывается.

— *Неадекватность структуры управления задачам организации системы прогноза и предупреждения.* Для решения конкретных организационных, технических, научных задач мы вынуждены привлекать руководителей политического уровня. Это означает, что в настоящее время отсутствует необходимая организационная структура для решения этого круга проблем. Надо постоянно просить помощи, поддержки и финансирования у тех инстан-

ций, которые, вообще говоря, не способны и не должны заниматься текущими вопросами.

— *Недооценка необходимых для решения проблемы ресурсов.* В 1994 году на конференции в Иокогаме научным сообществом, занимающимся анализом кризисных событий, был взят курс на переход от ликвидации и смягчения последствий бедствий и катастроф к их прогнозу и предупреждению. На национальном уровне эта инициатива была в ряде развитых стран доведена до государственного аппарата и риск-менеджеров. В частности Б. Клинтон, будучи президентом США, поставил задачу прогноза, предупреждения и управления нестабильностями в природной, социальной и техногенной сфере в США и за их пределами как одну из главных задач.

Этот же курс несколько позже был заявлен МЧС России. Оно также в качестве приоритета обозначило переход от ликвидации последствий уже произошедших бедствий и катастроф к их прогнозу и предупреждению. Был проведен ряд конференций, а в 1997 году была сформирована Федеральная целевая программа «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2005 года», продолжающаяся и по настоящий день. К сожалению, как мы видим, ее эффективность невелика.

— *Отсутствие организационной проработки проблемы и места системы научного мониторинга, если таковая будет создана, в контуре управления страной.* Допустим, необходимые исследования проведены, система разработана и развернута. Достаточно ли этого, чтобы она сделала жизнь граждан безопасной, а развитие экономики более устойчивым относительно природных и техногенных катастроф? Разумеется, нет.

Должно быть определено, кем и как будут использоваться результаты прогнозов и оценки рисков в системе государственного управления, как наладится взаимодействие системы экспертов, которые ее используют, с лицами, принимающими решения. Естественно надо, чтобы система научного мониторинга была непосредственно связана с Советом безопасности РФ, Администрацией Президента РФ или представляла собой самостоятельный орган при президенте. Последнее принципиально важно, поскольку при ее успешной работе главным результатом должен стать анализ стратегических рисков, угроз и опасностей, возникающих при принятии неадекватных решений или при неудачах в их реализации, определение коридора возможностей страны.

Есть и другой путь, по которому пошли США после террористических актов 11 сентября 2001 года — интеграция различных систем мониторинга и аналитических структур в целях координации усилий по обеспечению безопасности.

— *Нерешенность проблемы «приватизации» информации.* В настоящее время массив информации, необходимой для прогноза и предупреждения

бедствий и катастроф, оказался рассредоточен по многим организациям, относящимся к разным ведомствам. Типичным является желание многих государственных структур торговать информацией, утрата административных рычагов влияния в этой сфере. Нерешенность этой проблемы, естественно, будет уменьшать возможности систем мониторинга, прогноза и предупреждения, в основе которых лежит комплексный анализ всей доступной информации.

Логично было бы изменить саму постановку проблемы. Владельцы информации должны нести ответственность за отсутствие эффективных прогнозов в их области компетенции. Пока они не будут кровно заинтересованы в создании системы прогноза, никакими усилиями со стороны исследователей такая система не может быть создана. Здесь ситуация такая же, как в области страхования — владелец ресурсов должен нести ответственность за их разумное использование и за связанные с ними риски.

– *Отсутствие адекватной правовой базы в области прогноза и предупреждения.* В значительной мере широкий круг проблем, связанных с разработкой прогноза, организацией мониторинга, компьютерным моделированием и системным анализом опасных явлений и процессов оказался вне правового поля. В частности, практически не регламентирована процедура использования результатов прогноза. Бедствия последних лет помогли выявить множество пробелов в действующем российском законодательстве и упущений в практике его использования.

В правовом регулировании этой важной области заинтересовано общество в целом, но до сих пор не ясно, кто же в его интересах это будет делать. По-видимому, каждая ответственная политическая сила должна предпринимать усилия в этом направлении. Однако, по всей видимости, это пока не понято и не делается. Заметим, что прогноз, риски и будущее должны быть заботой не только политиков, но и всей системы управления, объектом внимания всего общественного сознания. Если мы всерьез относимся к концепции устойчивого развития, которая провозглашена национальной концепцией России, то должны осознавать, что такое развитие связано с минимизацией бедствий и катастроф, механизмами смягчения различных кризисных явлений. Все это требует включения в контуры управления результатов мониторинга и прогноза, что невозможно без соответствующего правового регулирования.

Таким образом, оказались не выполнены многие необходимые условия для построения системы научного мониторинга и создания структур, обеспечивающих анализ стратегических рисков.

Есть два пути. Первый — добиться выполнения этих условий и только после этого приступить к серьезным научным исследованиям, разработке программно-аппаратных комплексов, организации информационных потоков. Второй — делать это не «последовательно», а «параллельно», занима-

ясь и реализацией этого крайне важного для страны проекта, и адаптацией под него системного окружения.

Крайняя острота проблем, стоящих в этой области перед Россией, уже имеющийся потенциал и сложившаяся кооперация разработчиков, отечественный опыт реализации таких крупных проектов делают предпочтительным второй путь.

6.5.2. Проблема субъекта

Зададим себе основой, с точки зрения организации прогноза и мониторинга, вопрос: кому, собственно, это нужно? Кто является субъектом, заинтересованным в обеспечении наблюдаемости опасных процессов и кризисов современной России, и есть ли он вообще?

Субъект существует ровно в той степени, в какой он имеет четко выраженные цели. Рассказывают, что одно время пожарным Нью-Йорка платили за количество потушенных пожаров, и город непрерывно горел. Потом им стали платить за спокойствие, и пожаров стало существенно меньше. Как только субъектом, нуждающимся в пожарной охране, стал город, а не сама пожарная охрана, эффективность ее работы заметно возросла.

Иными словами, принципиальное значение имеет то, стремятся ли люди, парирующие опасности, к тому, чтобы в них нуждались как можно чаще или как можно реже. Под их устремления неизбежно подстраивается и система мониторинга. Она будет либо снабжать их информацией о том, как предотвратить опасность, либо рапортовать об их успехах на nive ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. В последнем случае любая научная проработка совершенно не обязательна.

Наряду с целеполаганием субъект управления должен добиваться и достижения поставленных задач. К сожалению, у нас проблемы и с той, и с другой ипостасью власти. В настоящее время не сформулированы ни национальная стратегия, ни стратегии в отдельных сферах жизнедеятельности; следует признать, что в настоящее время субъект также в значительной степени отсутствует.

Формирование стратегии требует определенной организации общества и возможностей самоорганизации на основе осознания собственных интересов и готовности их защищать. Как показывают социологические исследования, эти процессы в современной России идут крайне медленно. Большинство граждан не доверяет всем существующим социальным институтам, и только в последние годы исключением стал президент РФ. Поэтому, вероятно, требуется некоторый аналог стратегии, который мог бы играть организующую роль в течение переходного периода. Очевидно, он должен строиться таким образом, чтобы к тому времени, когда общество будет готово сформулировать и принять национальную стратегию, в его распоряжении были необходимые инструменты для решения ключевых задач. Одним из них является национальная система прогноза и мониторинга.

Однако в настоящее время ситуация существенно меняется. С одной стороны, резко возросла централизация государственной власти, все властные ресурсы сосредоточены в руках президента, и ответственность за принятие и реализацию решений лежит на нем. С другой, знаковые катастрофы последних лет, о неизбежности которых предупреждали ученые, волна террористических актов, кризис инфраструктуры привели к представлению о наличии общенациональных интересов в области рисков, бедствий и катастроф¹⁴⁹. Поэтому нельзя исключать, что субъект, осознающий необходимость серьезного научного подхода к прогнозу бедствий и катастроф, а также обладающий властью и ресурсами, достаточными для их предупреждения и ликвидации, в ближайшее время появится.

В этом случае, естественно, его место в структуре власти должно быть четко очерчено. В сущности, речь идет об институте, во многом аналогичном по своим функциям генеральному штабу в системе военного управления. Во-первых, такая структура – в идеале – представляет собой аппарат, преследующий не собственные интересы, а осуществляющий поддержку государственной структуры более высокого уровня. Во-вторых, здесь также речь идет о наличии больших, достоверных, постоянно собираемых и корректируемых информационных потоков, об их обобщении и осмыслении. В-третьих, в обоих случаях принципиальное значение имеет не прогноз сам по себе, а выработка на его основе рекомендаций, конкретных планов действий, которые отрабатываются задолго до возникновения чрезвычайных ситуаций. И, наконец, в-четвертых, в современном мире ущерб от природных и техногенных катастроф и социальных нестабильностей уже стал сопоставим с ущербом от военных действий.

6.5.3. Гуманитарные проблемы научного мониторинга макросубъектов

Рассмотрим отдельные аспекты гуманитарного блока проблем обеспечения научного мониторинга макросубъектов (регион, мегаполис, государство и др.)¹⁵⁰.

Стратегические ориентиры развития России, как основа для построения моделей научного мониторинга. Разработка моделей научного мониторинга макросубъектов должна базироваться на стратегических ориентирах разви-

¹⁴⁹ Малинецкий Г.Г., Осипов В.И., Львов Д.С., Митин Н.А., Гусев А.В. и др. Кризисы современной России: Научный мониторинг // Вестник РАН. 2003. № 7, с. 579-593. http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/k.html

Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В. и др. Управление риском. Риск, устойчивое развитие, синергетика. – М.: Наука, 2000. – 432 с. <http://www.keldysh.ru/papers/2003/source/book/gmalin/risk.htm>

¹⁵⁰ Лепский В.Е. Гуманитарные проблемы проектирования и внедрения систем научного мониторинга макросубъектов // Проблемы управления безопасностью сложных систем: Труды XI Международной конференции. Москва, декабрь 2003 г. / Под ред. Н.И. Архиповой, В.В. Кульбы. Часть 1. М.: РГГУ. 2003. С. 30-34.

тия России. В противном случае невозможно определить систему информативных признаков для описания целей, субъектов, объектов, ресурсов, задач, в том числе задач обеспечения различных видов безопасности. Сегодня у России нет долгосрочной программы развития, которая была бы известна и разделялась обществом.

Гуманитарное обеспечение разработки, внедрения, сопровождения и развития системы научного мониторинга. Ситуация сегодня в России такова, что как бы качественно мы не разработали систему научного мониторинга, внедрить ее едва ли удастся, а если и удастся то в крайне ограниченных масштабах. Это можно подтвердить рядом конкретных примеров. Необходимо создание социальных механизмов, которые сформируют заинтересованность общества в данном нововведении, спровоцируют соответствующее давление общества на власть для внедрения в практику. Как это сделать в общих чертах понятно, идеи опубликованы и прошли апробацию в обсуждениях со специалистами. Однако прежде чем запускать такого рода проекты в жизнь, нужны дополнительные комплексные научные проработки, на основе которых будут созданы соответствующие социальные технологии.

Создание базовых гуманитарных технологий научного мониторинга социальных макросубъектов. При постановке и решении задач обеспечения безопасности и развития макросубъектов (страна, регион, мегаполис и др.) широко используются разнообразные данные о Человеке, о населении, о различных типах сообществ, этнических группах, группах верующих различных вероисповеданий и др. Каждый из рассмотренных элементов предстает в разных аспектах: как ресурс и средство, как потребитель товаров и услуг, как объект воздействий и субъект жизнедеятельности и социальных взаимодействий, как элемент гражданского общества и носитель властных полномочий, как носитель духовных и культурных ценностей и др.

Любое из этих представлений связано со специфическими характеристиками (параметрами) социальных элементов, которые находятся в сложных взаимосвязях и взаимовлияниях друг на друга. Макросубъект — это целостная социальная система, и фрагментарное использование при решении частных задач «отдельных параметров» может привести и приводит к негативным влияниям задач друг на друга, потере потенциальных выигрышей от комплексного подхода.

Сегодня крайне важна проблема включения целостных представлений о макросубъектах как социальных системах в процессы обеспечения безопасности и развития. Особая актуальность этой проблемы связана с все возрастающей сложностью комплексных угроз безопасности, угрозами террористических актов и с потенциально возможными ситуациями социальной нестабильности.

Важнейшим показателем любого социального макросубъекта является общественный потенциал макросубъекта, под которым будем понимать

динамическую совокупность взаимосвязанных характеристик социальных элементов, входящих в состав социальной системы макросубъекта. Характеристики социальных элементов агрегируются по блокам, сформированным на различных основаниях. Например, на субъектных основаниях: «Человеческий потенциал», «Потенциал семьи», «Потенциал общественных организаций» и др.; по тематическим основаниям: «Качество жизни», «Интеллектуальный потенциал», «Духовный потенциал» и др.

Создание целостной модели возможно в виде информационно-аналитической системы – ИАС «Общественный потенциал макросубъекта». Она должна быть «встроена» в реальные процессы оперативного управления, обеспечения безопасности и развития макросубъекта. Создание такой системы позволит решать частные задачи с учетом общих интересов, обеспечит возможность каждому субъекту «смотреть» на свои задачи с учетом системной рефлексивной позиции.

Сложность проблем настолько велика, что решить их в «лабораторных условиях» принципиально невозможно. Необходимы общие усилия ученых и практиков и их совместная работа в реальных условиях, организация поэтапного создания систем, с одновременным наращиванием научного потенциала в данной области.

Потенциальными пользователями системы следует рассматривать: руководство и все административные службы макросубъектов, институты, связанные с решением задач развития и обеспечения безопасности, представителей всех видов и форм бизнеса, политические и общественные организации, население и др. Естественно, должна быть обеспечена высокая защищенность системы и разграничение доступа.

Ожидаемые результаты:

- Совершенствование технологий управления, развития и обеспечения безопасности макросубъекта на основе формирования о нем целостных представлений стимулирования и поддержки коллективной рефлексии.
- Создание качественно новых возможностей для учета социальных аспектов при:
 - разработке стратегии развития макросубъекта;
 - прогнозировании угроз и разработке методов их нейтрализации для всех видов безопасности (общественной, экономической, информационной и др.);
 - решении задач повышения качества жизни населения;
 - управлении человеческими ресурсами;
 - проведении гуманитарной экспертизы крупномасштабных проектов;
 - разработке и внедрении крупномасштабных инновационных проектов (адекватная и прозрачная оценка инновационной привлекательности макросубъекта, потенциальной готовности населения к конкретным

инновационным проектам, выявление потенциальных социальных партнеров и противников и др.);

- ликвидации последствий различного рода чрезвычайных ситуаций;
 - прогнозировании и предотвращении террористических актов, которые могли бы использовать «пограничные зоны» между сферами деятельности отдельных субъектов управления макросубъекта;
 - решение широкого круга задач прогнозирования социальных возмущений и обеспечения социальной стабильности макросубъекта и др.
- Повышение прозрачности механизмов управления и развития макросубъектом и как следствие создание условий для снижения уровня коррупции.
 - Формирование стимулирующих факторов для повышения степени социальной ответственности представителей бизнеса.
 - Разработка новых информационных технологий, которые могли бы стать элементами перспективных систем управления макросубъектом на базе ситуационных центров и технологий типа «Корпоративный портал».
 - Создание новых высоких гуманитарных технологий стимулирующих механизмы формирования гражданского общества в России (самоопределение и идентификация граждан, повышение социальной активности, консолидация общества, общественный контроль, встраивание общественных структур в реальные механизмы управления и развития макросубъектами и др.).

6.5.4. Какой должна была бы быть программа научных исследований, необходимых для создания системы научного мониторинга

Предположим, организационные, финансовые и иные проблемы, связанные с межведомственной программой, создать которую поручил президент, уже решены. Какой же она должна быть?

Главной ее целью является обеспечение наблюдаемости ряда опасных явлений и процессов, а также кризисов современной России. Наблюдаемость, обеспечиваемая системами мониторинга, прогноза и поддержки принятия решений, позволит предупреждать и эффективно парировать большой круг опасностей и угроз. Это повысит эффективность государственного управления, даст возможность сберечь жизни многих тысяч людей, избежать больших материальных потерь. Мировой опыт показывает, что средства, вложенные в прогноз и предупреждение, позволяют избежать в 10-100 раз больших расходов, которых потребовала бы ликвидация или смягчение последствий уже произошедших бедствий и катастроф.

Специальная межведомственная научная программа не имеет аналогов среди Федеральных целевых программ, научных программ Президиума РАН, а также научных программ отделений Российской академии наук. Она прин-

ципиально отличается от выполнявшейся с 1985 г. (после Чернобыльской аварии) Государственной научно-технической программы «Безопасность» и от выполняемой в настоящее время Федеральной целевой программы по снижению рисков.

Подчеркнем эти принципиальные отличия.

Стратегический характер программы. Эта программа рассматривает угрозы, опасности и риски, которые могут существенно или кардинально изменить траекторию развития России. В 2001 г. группой исследователей из институтов РАН была выдвинута концепция *стратегических рисков*¹⁵¹. Смысл – постановка ряда задач, связанных с оценкой выполнимости стратегических решений, принимаемых на государственном уровне, а также оценкой возможных ущербов, связанных с невыполнением этих решений или с последствиями, к которым эти решения могут привести.

Стратегический прогноз как основа для выполнения программы. Оценка стратегических рисков, которая является главной целью программы, неотделима от стратегического прогноза, от долгосрочных ориентиров, от оценки коридора возможностей страны, от тех ключевых задач, которые сейчас стоят перед российским обществом. В частности, это связано с тем, что от сценария развития страны, от выбранного долгосрочного курса принципиально зависит величина приемлемых и неприемлемых рисков и ущербов, а также объем ресурсов, которые могут быть выделены на парирование опасностей, предупреждение угроз или ликвидацию последствий уже произошедших катастроф.

В отличие от США, Японии и ряда других развитых стран, в России в настоящее время нет крупных научных программ, затрагивающих этот круг проблем. Это наглядно показала подготовка национального доклада в 2002 г. на саммит в Йоханнесбурге по устойчивому развитию. Сама национальная концепция устойчивого развития неразрывно связана со стратегическим прогнозом и оценкой ряда стратегических рисков¹⁵². Научные программы большинства ведомств отрабатывают вопросы, связанные с реализацией выбранного варианта политики, в то время как стратегические проблемы естественно анализировать силами ученых РАН.

¹⁵¹ Малинецкий Г.Г., Осипов В.И., Львов Д.С., Митин Н.А., Гусев А.В. и др. Кризисы современной России: Научный мониторинг// Вестник РАН. 2003. № 7, с. 579-593. http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/k.html.

Малинецкий Г.Г. Сценарии, стратегические риски, информационные технологии// Информационные технологии и вычислительные системы. 2002, № 4, с. 83-108. http://www.keldysh.ru/e-biblio/jj/s_r/jst.htm.

¹⁵² Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Медведев И.Г., Митин Н.А. Нелинейная динамика и проблемы прогноза// Безопасность Евразии. 2001, № 2, с. 481-525.

Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего/ 3-е издание. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 288 с. <http://iph.ras.ru/~mifs/kkm/Vved.htm>.

Междисциплинарный характер программы. Оценка многих опасностей и угроз невозможна в рамках одного интервала пространственных и временных масштабов, одной научной дисциплины, одного министерства или научного подхода. Для повышения уровня государственного управления необходим комплексный системный анализ возможных угроз, с которыми в настоящее время сталкивается Россия и с которыми она может столкнуться в обозримом будущем. Одним из результатов программы должен стать список приоритетов различных опасностей и сопоставление масштабов различных угроз. Поэтому ведомственный, узкодисциплинарный анализ неприемлем при выполнении настоящей научной программы. Этим предопределяется гораздо более тесное систематическое взаимодействие участников программы и необходимость постоянной коррекции методик анализа, прогноза, настроек предсказывающих систем.

Системный характер программы. Результатом работы исследователей должна быть, в первую очередь, не кипа отчетов, докладов и научных публикаций, а работающая *система научного мониторинга*, позволяющая оценивать наиболее важные кризисные явления в развитии страны, динамику многих опасных явлений и процессов в различных сферах. Это определяет принципиальное значение системной интеграции, широкое использование новых информационных технологий и использование общих банков данных, знаний, информационных потоков, что стало возможным благодаря созданной телекоммуникационной инфраструктуре РАН. Все это предопределяет большое значение алгоритмов прогноза, методик анализа информационных потоков, компьютерных моделей и прогнозирующих компьютерных систем.

Более двадцати лет назад академик Ю.А. Израэль предлагал создать систему такого типа, имея в виду более узкий круг опасностей, однако в те времена ситуация не была столь острой, необходимых инфраструктурных предпосылок создано не было, организационные трудности преодолеть не удалось. В настоящее время создание системы научного мониторинга стало жизненной необходимостью, поэтому и научный, и организационный потенциал, имеющейся прежде всего в Академии, должен быть использован в полной мере. Отметим, что уже имеющиеся в РАН телекоммуникационные и вычислительные возможности создают необходимую технологическую базу для такой работы.

Открытый характер программы. В нынешней кризисной, быстро меняющейся ситуации прогноз желателен в возможно короткие сроки. Поэтому в рамках специальной программы должна быть предусмотрена возможность гибкого изменения ее структуры, приоритетов и привлечения ряда исполнителей, первоначально не участвовавших в этой работе. Традиционный «годовой цикл» развития научных программ является слишком длинным для того, чтобы адекватно реагировать на многие возникающие проблемы,

хотя ряд других задач требует длительной системной работы, не ограничивающейся ни годом, ни пятью.

Важное значение гуманитарной компоненты программы. В соответствии с принятой во многих международных организациях, развитой в ряде стран практикой и указаниями президента РФ, желательна отражение результатов принимаемых решений, возникающих угроз и опасностей на жизнь конкретного человека, отдельных социальных групп, этносов, регионов. Поэтому принципиальным становится человеческое измерение этой программы. Основное внимание в ней может быть уделено не определенным социальным, производственным или иным технологиями (таким как вооруженная борьба и терроризм), а глубоким системным факторам, предопределяющим использование тех или иных технологий – межцивилизационному взаимодействию, неравномерности социально-экономической динамики различных регионов, кризисам в развитии мира России и других цивилизаций.

Конкретность программы. Одним из принципиальных элементов, от которых зависит успех выполнения программы, является использование получаемых научных результатов в контуре управления страной, тесное взаимодействие исследователей с лицами, принимающими решения, заинтересованными министерствами и ведомствами. Одним из объектов анализа исследователей должны стать механизмы использования результатов для обеспечения устойчивости развития России, повышения защищенности ее населения, техносферы и биосферы. Кроме того, значительное внимание должно быть уделено конкретным мерам, позволяющим на различных уровнях парировать возникающие опасности и угрозы.

Научная программа как элемент развития системы. Реализация настоящей научной программы является первым этапом в выполнении крупного системного проекта, направленного на обеспечение наблюдаемости и управляемости страной. Поэтому в случае успеха программы ее результаты должны быть востребованы и использованы широким кругом государственных органов. Аналогичная работа должна начаться в ряде государственных органов, а оценка риска – стать необходимым элементом управленческой деятельности. Можно ожидать, что успех выполнения программы приведет к созданию ряда крупных экспертных организаций, обслуживающих Правительство и крупнейшие российские предприятия.

В частности, аналогичная работа, начатая более 70 лет назад в США, привела к созданию корпорации RAND, с прогнозами и разработками которой ряд государственных деятелей США связывают ключевые успехи американской стратегии последних десятилетий (в состав корпорации RAND в настоящее время входит более 5 тыс. экспертов высокой квалификации, большинство из которых являются ведущими в своих областях знаний). В дополнение к корпорации RAND был создан Институт сложности в Санта-Фе, ориентированный на этот круг проблем, и Центр нелинейных исследо-

ваний в Лос-Аламосе, позволяющие анализировать происходящие в мире изменения, оценивать их возможные результаты и находить способы влиять на различные процессы в желаемом направлении. На первом этапе цели нашей специализированной научной программы являются более скромными и узкими – оценить наиболее важные угрозы, риски и кризисы и найти средства для их парирования, а также создать организации, которые могли бы постоянно заниматься мониторингом и прогнозом, опираясь на современные научные достижения, и были бы включены в контур управления страной.

Специализированная программа – инструмент реализации потенциала РАН. Очень часто от Академии ждут решения задач, связанных с восстановлением цикла воспроизводства инноваций, созданием оружия следующих поколений, технологическим перевооружением российской экономики. К сожалению, в настоящее время Академия не может сыграть принципиальной роли в этих областях. Однако оценка рисков, угроз, перспектив развития, выбор приоритетов и поиск новых возможностей, которые предусматривает настоящая программа, являются одним из наиболее эффективных инструментов для того, чтобы имеющийся ее потенциал был задействован не в дальней перспективе, а в ближайшее время. Поэтому естественно в наибольшей мере опираться на уже имеющиеся в Академии заделы.

Важной в этом контексте представляется мысль академика Ж.И. Алферова, что недофинансирование науки суть необходимое условие для ее уничтожения, но не достаточное. А достаточное – неиспользование ее результатов. Поэтому задача прогноза и анализа рисков могли бы сейчас стать сверхзадачей Академии. Работа над ней будет способствовать возрождению как научной среды, так и системы высшей школы, которая призвана готовить научные кадры.

Заметим, что наука и образование – это то немногое, что мы еще сохранили от сверхдержавы. Другими словами, речь идет о решении не прикладной, а системной проблемы. Здесь уместна аналогия с государственным заказом в производстве, который при правильной организации может стимулировать значительную часть экономики, целые воспроизводственные контуры.

От успеха программы сейчас зависит и благополучие граждан России, и судьба самой Академии.

6.5.5. Выводы

Неудачный опыт организации многих программ, связанных с прогнозом и мониторингом опасных явлений и процессов, показывает как не должны строиться такие программы. Чтобы быть полезной и востребованной обществом и государством, программа такого рода должна основываться на совершенно иных организационных принципах, быть отличной и от тради-

ционных программ Президиума РАН, и от Федеральных целевых программ.

Научные труды, карты или экономический эффект не могут быть ее целью. Они - лишь инструмент достижения главного результата, каковым должна стать работающая система, обеспечивающая прогноз и мониторинг опасных и кризисных явлений. Эта система требует междисциплинарного подхода и совместной работы исследователей, руководителей и специалистов по управлению риском. Принципиально важно, чтобы эта система стала частью контура управления страной.

Примечательно, что развитие нелинейной динамики и синергетики дало научную основу и совершенно новые возможности для анализа и прогноза бедствий и катастроф. Мы обсудили общий подход и привели ряд примеров в наиболее сложных случаях, чтобы убедиться в следующем:

- пока в соответствующих областях нет моделей, позволяющих дать прогноз;
- нет очевидных и общепринятых макропоказателей, по которым можно было бы прогнозировать опасные явления (их введение является результатом совместной работы системных аналитиков, математиков и специалистов из соответствующих областей);
- нет (за исключением землетрясений) сложившихся структур, занимающихся мониторингом и организацией соответствующих информационных потоков.

Тем не менее, в силу универсальности системных свойств многих объектов, в которых возникают катастрофы, и при наличии развитых благодаря этому методов мониторинга и предсказания, и в этих системах может быть дан прогноз.

Естественно, есть множество более простых ситуаций, где такая работа по предсказанию катастроф может быть организована или уже делается. Кроме того, выполнена большая работа систематизации и описанию многих рисков и угроз¹⁵³. Это дает возможность подняться на более высокий уровень анализа и прогноза.

На наш взгляд, сейчас есть серьезная научная основа для того, чтобы выполнить поручение Президента РФ, касающееся прогноза и предупреждения катастроф и нестабильностей в природной, техногенной и социальной сферах. Работа в данном направлении позволит в наибольшей степени использовать и развить потенциал Академии в нынешних исторических условиях¹⁵⁴.

¹⁵³ Природные опасности России/ Общ. ред. В.И. Осипов, С.К. Шойгу. – М.: КРУК, 2003. Т. 1-6.

¹⁵⁴ Малинецкий Г.Г., Митин Н.А., Шишов В.В. и др. Экспериментальный стенд комплексной системы научного мониторинга. Препринт ИПМ им. М.В.Келдыша РАН, 2007, № 57, – 28 с. (<http://www.krizis-rus.ru>).

6.6. Прокреационная проблема субъектов истории

6.6.1. Исходные понятия

Под *субъектом истории* понимается крупномасштабная социально-экономическая эквивалентная система (страна, сообщество стран).

Эквивалентность заключается в способности системы длить свое существование на исторической арене достаточно долго, чтобы реализовать субъективно понимаемое предназначение, конкретизируемое в стратегических планах развития для прогнозируемого диапазона внешних условий. Временной масштаб стратегических планов превышает продолжительность отдельной человеческой жизни.

Прокреация – воспроизводство жизни. Термин «прокреационный» мы будем понимать в расширительном значении – не просто живневоспроизводящий, но предшествующий и способствующий воспроизводству жизни.

Коллективный субъект, претендующий на место в истории, должен быть *прокреационно состоятелен*, т.е. способен на расширенное или, в крайнем случае, простое воспроизводство населения. Только на этой базе осуществимы стратегии устойчивого развития страны. Специфический способ существования субъекта истории помимо прокреации включает динамическую организацию «проточного» человеческого материала, сохраняющую культурную идентичность.

6.6.2. Анализ ситуации и постановка проблемы

Россия теряет от семисот тысяч до миллиона жизней в год. Темпы депопуляции сохраняются с начала 1990-х годов. Если направленность процесса сохранится, то исчислимо недолгое в исторических масштабах время, по истечении которого страна не сможет удерживать территорию.

Но, согласно статистике, титульные нации всей Европы неуклонно замещаются принадлежащими традиционным культурам соседями. Так называемый «демографический переход» (резкая смена гиперболического закона роста населения – термин С.П. Капицы – на простое и даже «суженное» воспроизводство) оказался характерным для всех без исключения ныне существующих развитых стран, включая США и Израиль. Из этого следует вывод: не только в российской, но и во всей современной европейской (в широком смысле) культуре не актуализированы средства обеспечения прокреационной состоятельности. Сегодня в Европе решать демографическую проблему не умеет никто.

Гипотеза С.П. Капицы о том, что «демографический переход» уже совершается и предстоит всем без исключения народам планеты, построена на имплицитном предположении: просвещенческая культура европейского типа безальтернативна. Тогда процесс остается предоставить естественному течению. Однако, Азия и Африка, которых европейский социальный

эксперимент коснулся мало, демонстрируют иные механизмы развития. Поэтому нет достаточных оснований полагать, что их демография автоматически повторит европейский тренд и, тем более, что развитие этих трендов совпадет во времени.

Если даже традиционные культуры обречены на трансформацию, миру предстоят несколько столетий интенсивного передела ресурсов. Заметим, что любые защиты эффективно преодолеваются беспроблемной стратегией рассредоточенного просачивания.

Итак, прокреационный барьер оказался фундаментальным ограничением, в которое уперлась стрела прогресса европейской цивилизации. Данное положение поддерживается бессубъектностью (термин В.Е. Лепского)¹⁵⁵ как современного российского, так и европейского общества в целом. Ни один коллективный субъект Европы не берет на себя ответственность за прокреацию на подконтрольной территории.

Путь к решению проблемы начинается с нахождения, конструирования или выращивания такого субъекта. Причем решать демографическую проблему Европы предстоит без опоры на прототипы, которых в настоящее время просто НЕТ. Конгломерат разрозненных европейских наук не отвечает на вопрос — где пролегает граница области экономических, социальных, экологических, психологических и, возможно, каких-то иных параметров, обеспечивающих прокреационную состоятельность социума.

6.6.3. Рефлексивный аспект мировой прокреационной ситуации

Несмотря на всеобщую информатизацию, процесс депопуляции Европы протекает в «слепом пятне» общественного сознания: одним из прямых последствий Второй мировой войны явилось культурное табу новейшего европейского менталитета на внимание к расовым вопросам. Науки европейского мира оказались не готовы обеспечить стратегов адекватными концепциями, эффективными средствами анализа и синтеза обсуждаемой ситуации и/или рекомендациями. Поэтому не была подготовлена база для строительства практико-ориентированного социального института, ответственного за послевоенный демографический status quo и стратегию демографического баланса.

Свежие результаты - трагедия Югославии, перманентный бунт предместий Парижа и т.п. Не отраженный в понятиях феномен не рефлегируется коллективным субъектом.

Но почему отсутствие развитого прокреационного дискурса вызывает демографический крах одних персонажей геополитического плацдарма и вполне приемлемо для других?

¹⁵⁵ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, №1, 2002. С. 5-23. (www.reflexion.ru).

6.6.4. Виды прокреационного механизма и ход их конкурентного взаимодействия

Народы традиционных культур демонстрируют прокреационное благополучие, несмотря на низкий уровень жизни, отсутствие развитой науки, гражданского общества и даже — как мы покажем ниже — отчасти благодаря этим обстоятельствам. Ресурсы их прокреационной деятельности и ответственность за ее надлежащее осуществление максимально децентрализованы и лежат на уровне семьи. Даже в тираниях государство не претендует на прокреационные ресурсы индивида, решающие, проблему с одной стороны, обеспечения старости последнего, а, с другой — прокреационной состоятельности государства как субъекта истории. Народы же «просвещенных» культур экстрагировали свой прокреационный потенциал с этого базового уровня включением женщины в общественное производство, централизовали его и номинально возложили прокреационную ответственность на высшие уровни управления. Поскольку прокреационный ресурс семьи изначально был избыточен, а результаты его отчуждения — отсрочены в чреде поколений, истощение прокреационной состоятельности просвещенного государства в частности и просвещенной европейской цивилизации в целом долго оставалось незамеченным.

В просвещенном европейском обществе возникли институты воспитания, образования, социализации, социального обеспечения деторождения и старости. Но сегодня выясняется, что обобществленный прокреационный ресурс в значительной степени употреблен на нужды государственного строительства, результатом чего явился стремительный экономический и технический прогресс Европы при одновременном истощении прокреационного потенциала. Конечно, имеется в виду не столько физическая способность иметь детей, которая в любом социуме используется далеко не полностью, сколько вырабатываемая веками система обыкновений, закрепленная в социокультурных ландшафтах, предписывающая вполне определенную «детность» семьи.

В традиционных обществах прокреационная функция неукоснительно исполняется подавляющим большинством его членов. Уклонившиеся от ее исполнения обречены на голодную и бездомную старость. Просвещенная цивилизация «разрегулировала» естественный прокреационный механизм социальными инновациями и получила сокрушительный системный отклик. Повернуть историю вспять невозможно. «Обогнав» мир, Европа оказалась перед дилеммой: разделить участь Римской и Византийской империй или срочно протезировать собственный прокреационный механизм.

Сказанное показывает, что зона ближайшего мирового развития будет определяться не экономическими, информационными или военно-стратегическими процессами, но — прокреационно-демографическими. Детские

люльки оказываются мощнее индексов фондовой биржи, танковых армий и флотилий подводных ракетоносцев. Если символом информационной эпохи был заявлен слоган Маршалла Макклюэна «medium is the message (средство связи – это и есть сообщение)», то слоган завтрашнего дня гласит: «messenger is the message (сообщение состоит в том, КТО именно его передает)». Прокреационная инфра-стратегия есть естественная основа всех остальных видов стратегий коллективного субъекта европейского образца, бессмысленных в ее отсутствие.

6.6.5. Возможные подходы к решению проблемы

Специфическим человеческим способом существования в мире является интегральная деятельность, базирующаяся на жизнедеятельности. Поэтому уместно использовать существующие в разной степени разработанные варианты деятельностного подхода.

На протяжении более чем века в европейской науке развивается системный подход, проявивший бесспорный конструктивный потенциал. Существует определенный опыт развития его в направлении решения проблем управления и его интеллектуальной поддержки – системно-субъектный подход (термин В.Е. Лепского).

Управление степенью прокреационной состоятельности коллективного субъекта есть в значительной мере управление его внутренними процессами. Таким образом, разработка и реализация прокреационной инфра-стратегии адекватно фундируются постнеклассической картиной мира, рядом полагающей внешний мир субъекта и его внутренний мир.

С учетом сказанного решение проблемы депопуляции стран европейской культуры предлагается искать в подходе, использующем концепции субъектно-ориентированной (1) деятельности, (2) системности, совместимого с представлениями о (3) прокреации и принадлежащем (4) постнеклассической картине мира. Таково – в четырех пунктах – «техническое задание» на искомый подход. Его можно охарактеризовать как постнеклассический системно-субъектно-жизнедеятельностный подход.

6.6.6. Общественное здоровье и его субъект

Прокреация обеспечивает существование коллективного субъекта во времени подобно тому, как метаболизм обеспечивает существование субъекта индивидуального. Индивидуальное здоровье определяет качество метаболизма, общественное – демографическую динамику.

Общественное здоровье мы предлагаем понимать как совокупность процессов, протекающих во вновь вводимой модели субъекта общественного здоровья и свойств, сообщаемых ей этими процессами. Субъект есть совокупность структур, поддерживающих протекание упомянутых процессов, наборов функциональных связей между элементами структур и их морфо-

логии. Таким образом, субъект общественного здоровья и здоровье этого субъекта в совокупности представляют собой систему. Соотношение между параметрами модели этой системы и измеримыми характеристиками социума устанавливается методами медицинской статистики и социологических исследований.

Логика развития ведет от «медицины болезни» через профилактическую медицину к медицине прокреационной. Предметом прокреационного здравоохранения становится создание и поддержание прокреационных сред — условий для желанного рождения детей в количестве, обеспечивающем расширенное воспроизводство нации.

В этом контексте общественное здравоохранение использует не только передовые методы традиционной, профилактической, социальной медицины, но и методы социального управления применительно к субъекту общественного здоровья, рассматривая его как совокупность характеристик внутренних процессов субъекта и характеристик процессов его обмена с внешней средой, итогом которых являются демографические показатели.

Общественное здоровье является продуктом прокреационной деятельности и одновременно непрерывно воспроизводимым ее ресурсом, инструментальной ценностью.

Кто же должен стать субъектом, управляющим прокреационным здравоохранением? В перспективе — сам субъект общественного здоровья. Он управляет работой своих внутренних структур, рядопологая их с внешним миром. Возникает постнеклассическая ситуация социально-экономического управления, обслуживаемая аппаратом исследования организационных систем. Постнеклассический подход позволяет рядоположить внутреннюю и внешнюю деятельности субъекта общественного здоровья и выстроить их рациональное соотношение, например, посредством проектирования или методологического программирования.

В связи с последними достижениями научной мысли, открывающими новые аспекты постнеклассической картины мира, в поле зрения исследователя попадают цивилизационно-культурные сущности, не ухватывавшиеся ранее существовавшим категориальным аппаратом. Обращаясь к постнеклассическому пространству интегрального мира (в котором рядопологается внешний мир человека и его внутренний мир), удастся показать, что существующая в нем культура имеет определенную структуру. Элементами ее оказываются особые системы — динамические самовоспроизводящиеся гетероморфные социокультурные комплексы, которые условно можно назвать мифами в силу неограниченной продолжительности их существования. Из них состоит культура подобно тому, как вещество состоит из атомов. Структура, функционирование, воспроизводство постнеклассически понимаемых мифов описаны в ряде работ¹⁵⁶, здесь же достаточно представление о мифе как о метафоре.

6.6.7. Становление коллективного субъекта. Рефлексивное управление степенью коллективной субъектности

Успешность развития и функционирования культуры европейского типа неразрывно связана со степенью осуществляемой в ней коллективной субъектности.

Только субъектность, начинающаяся с самоидентификации и включающая базирующуюся на ней осознанность предпринимаемых субъектом действий, позволяет в пределах когнитивного горизонта эпохи удерживаться от разрушения управляемой субъектом целостности, «не давать миру погибнуть», как говорил Ж.-П. Сартр.

Речь идет об управлении системой с целесообразно изменяемой (в ситуативно достижимых пределах) структурой и ситуативно же реформируемым портфелем ценностей и целей. При этом большинство ценностей перестает быть константами, ибо «...понятие ценности выполняет функцию маскировки разрыва между культурными ставками и общественными интересами...»¹⁵⁷.

Европа породила онтологическую модель мира, в центре которой пребывает источник власти, творец Вселенной. Из этого энергетического центра исходит иерархическая система с уменьшающейся к периферии значимостью и даже степенью реальности. В мире европейских архетипов имеются разные уровни небожителей – серафимы, херувимы, персонификации власти, престолов, добродетелей, архангелы, ангелы; ряд продолжают земные социальные институты. Эти базовые метафизические допущения окрашивают весь процесс европейского мышления. Европейцу его культурой вменен миф иерархии, актуализируемый в пирамиде управления. Ценности возглавляющего пирамиду лиц принимающих решения также иерархизованы.

Каждый конкретный человек имеет прагматические интересы, ограниченные временной областью его жизни, а также – нематериальные интересы, внушенные культурой (и идеологией). Некоторое представление об их разнообразии дает хрестоматийная притча о философе, последовательно встречающем на дороге нескольких каменщиков – строителей Шартрского собора.

Коллективный субъект «высшего ранга» имеет продолжительность существования большую, чем коллективный субъект «низшего». Следователь-

¹⁵⁶ Реут Д.В. Системно-антропологический подход к реконструкции мифа // Материалы междунар. научно-практической конференции «Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика - 99» [Москва, 1-2 декабря 1999]. – С.241-243. Реут Д.В. Система мифа – реалии и редукции // Материалы междунар. научно-практической конференции «Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика - 99» [Москва, 1-2 декабря 1999]. – С. 250.

¹⁵⁷ Турен А. Возвращение человека действующего. – М.: Научный мир, 1998, – 204 с.

но, наличествует временная область, которая, с одной стороны, включает нематериальные интересы человека (субъекта «низшего ранга»), и, с другой, материальные интересы коллективного субъекта «высшего ранга». Любой «старший» субъект проявляет инициативу в «согласовании» этих интересов, отражающем, естественно, его собственные прагматические потребности.

Однако его влияние на человеческий материал не является абсолютным. Поэтому воплощение материальных интересов коллективного субъекта «высшего ранга» окрашивается усредненными материальными интересами субъекта «низшего ранга». Не менее сильно влияет на процесс реализации интересов самоидентификация лиц, принимающих решения от имени коллективного субъекта.

Текущая иерархия целей порождается динамическим наложением множества рефлексивных отражений себя, осуществляемых человеком на индивидуальном уровне и одновременно – им же с позиций ряда воплощений олицетворяемых им коллективных субъектов различного социального масштаба. Состав этого ряда и относительный вес отдельных его элементов определяется, во-первых, особенностями институциональной структурированности социума, во-вторых, господствующими идеологиями, в-третьих, степенью рефлексивности и конформности конкретного субъекта, в-четвертых – возрастом и текущими обстоятельствами индивидуума.

Рефлексивный профиль коллективного субъекта понимается как текущая «спектральная характеристика» его социальной энергетики, отнесенной к шкале временных лагов планируемых действий (либо социальных масштабов).

Иерархическая организация стратегического субъекта предполагает наличие элиты. Мы, вслед за А. Туреном, полагаем реальным процесс возникновения коллективных субъектов (и возглавляющих их элит) на основе массовых общественных движений.

Со своей стороны, просвещенная элита может надстроиться над управленческой пирамидой и обеспечить «синхронизацию» ценностей управленца и управляемого посредством прокреационного императива вменяемому им сверху. Элита становится ядром распределенного стратегического субъекта, когда принимает на себя ответственность за возглавляемый ею коллективный субъект как за субъект истории.

6.6.7. Заключение

Положение России, как развивающейся страны с прокреационным механизмом европейского типа, является сложным. Значительная часть ее населения находится за чертой бедности. Для него актуально личное выживание, а не прокреационная проблема государственного масштаба. Но, устремившись к западным образцам, Россия уничтожила традиционный уклад

вместе с традиционным прокреационным механизмом, и прокреация превратилась из средства обеспечения старости в непосильную экономическую и социальную обузу.

Если женщина традиционного общества поставлена в такие социальные и экономические условия, что она *не может не иметь* много детей, а женщина современного Запада вполне *может* позволить себе иметь много детей, но *не хочет*, то наша женщина *не может* позволить себе этого экономически, и, кроме того, *не хочет*, будучи ориентированной на западные ценности. Таковы две группы препятствий, преодолеть которые предстоит в предложенном подходе. Развитые же страны европейской культуры смогут сохраниться как субъекты истории, только перейдя в постпрагматическую стадию, в которой высшей степенью самоактуализации вместо престижного потребления снова станет многодетная семья. В таком обществе женщина *и может, и хочет* иметь много детей.

6.7. Субъектно-ориентированный подход к организации предприятий в XXI веке

Анализ особенностей современной социальной среды позволяет обозначить основные черты предприятий XXI века¹⁵⁸.

Предприятие должно быть *целостным социальным субъектом*, осознающим свои воздействия на социальную среду, так и себя в качестве субъекта социального управления и развития социальной среды, несущего ответственность перед ней.

Основой целостности предприятия должна стать *рефлексия* - как саморефлексия, так и рефлексия по отношению к другим социальным субъектам, - осуществляемая через рефлексивные элементы, включенные в состав предприятия и его окружения. Предприятие становится при этом полисубъектной рефлексивной системой, через свое функционирование воплощая себя как целостного рефлексивного субъекта. Именно рефлексивность предприятия позволит обеспечить его системную сборку на основе механизмов идентификации (самоидентификации) рефлексивных элементов предприятия и его самого в целом по отношению к макросубъектам социальной среды.

Проведем аналогию предприятия и человека как субъекта жизнедеятельности. Философ и психолог С.Л.Рубинштейн¹⁵⁹ выделил два базовых способа существования человека как субъекта жизни. Первый — жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек (его

¹⁵⁸ Лепский В.Е. Стратегичность предприятия XXI века (субъектно-ориентированный подход) //Экономические стратегии. 2006, № 3.

¹⁵⁹ Рубинштейн С.Л. Человек и мир /Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 253-381.

можно назвать «реактивным»). Второй связан с появлением рефлексии. Сознание выступает как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней («рефлексивный» способ существования).

В изменяющемся обществе особенно актуален второй способ существования человека как субъекта жизни – рефлексивный. Это связано с высокой динамикой процессов самоопределения человека и соорганизации индивидов для осуществления властных полномочий, развития личности, общества и государства. Самая важная психологическая проблема в изменяющемся обществе – стимулирование и поддержка рефлексивного способа существования человека (группы) как субъекта жизни. Очевидно, что эти соображения справедливы и для предприятия как социального субъекта.

6.7.1. Философия предприятия XXI века

В эпоху глобализации философия предприятия должна быть ориентирована на ценности и смыслы, включенные в широкий социальный контекст, предопределяющие деятельность предприятия, способствующую установлению гармонизации мирового сообщества.

Это проявляется в решительном отказе от культа самости, исключительной заботе о самом себе и становится ведущей ориентацией на обращение к миру, к чужому, к другому, и, тем самым – к клиенту.

Такая философия вступает в явное противоречие с экстремистскими индивидуалистическими взглядами, которые пытаются навязать российским предприятиям неолибералы, порой, открыто выдвигая лозунг: «Менеджеры всей страны, обогащайтесь!». Она несовместима и с широко распространенными взглядами «экономического редуционизма», с доминирующим критерием прибыльности предприятий. С такими установками из стен вузов могут выйти только «менеджеры-людоеды», как образно охарактеризовал их академик Д.Львов.

Философия предприятия - его духовный мир, который определен совместным поиском лучшего решения вместо несговорчивости, стремления к власти или соперничества, мир недовольства достигнутым и беспокойства, ориентация на новое и лучшее. Это удастся только тогда, когда допускается множество мнений, терпеливо относятся к отклонениям и другим позволяют быть другими. Ведь именно из многообразия вырастает новое¹⁶⁰.

Философия предприятия XXI века – это в первую очередь философия ответственности за свою деятельность, осознания себя как субъекта социального управления, осуществляющего через свою деятельность разнообразные воздействия на социальную среду.

¹⁶⁰ Гейсельхарт, Хельмут. Обучающееся предприятие в XXI веке / Перевод с немецкого Н.В.Маловой. Калуга: «Духовное наследие», 2004. – 264 с. (С.22).

Рис. 6-1. Фрагмент базовых характеристик предприятия XXI века (субъектный аспект)

Такая философия должна базироваться на «культе» рефлексии в организации предприятия XXI века и доказывать востребованность именно **рефлексивного предприятия**.

В соответствии с предлагаемой философией предприятия XXI века на рис. 6-1 представлен фрагмент его базовых характеристик.

6.7.2. Целостное предприятие

Рефлексивное предприятие определяется осознанием и согласованностью у сотрудников общих ценностных ориентаций, общностью видения своего будущего (осознанием стратегических ориентиров, целей, программ), развитым пространством коммуникаций, согласованной идентичностью сотрудников.

В деловой сфере требуется описывать в объективных терминах не только материальный, физический аспект взаимодействия участников, но и субъективный, связанный с тем, что сущность этих процессов состоит во взаимодействии людей. Методы объективного описания взаимодействующих субъектов вместе с их субъективными внутренними мирами и составляют предмет рефлексивных исследований. Роль субъектов могут выполнять отдельные люди, группы, организации и целые страны. Отдельные от-

ражения могут быть связаны как с индивидуальными психологическими процессами, так и с макрокультурной перцепцией, создающей, например, у страны обобщенный образ себя.

Рефлексивные процессы инвариантны по отношению к различным типам субъектов (индивиды, группы, организации, государства, этносы, агенты с искусственным интеллектом и др.). Эти процессы определяют структуру внутренней организации субъектов, включение во внутренние миры видения самих себя, других субъектов, а также взаимных представлений субъектов друг о друге. Рефлексивные структуры и динамика их изменения (рефлексивные процессы) на макроуровне определяют все процессы регуляции деятельности (функционирования) субъектов различных типов. В контексте рефлексивного подхода общность различных социальных образований и образований искусственного интеллекта определяется тем, что все субъекты (агенты) рассматриваются как рефлексивные системы.

Прежде чем переходить к описанию характеристик рефлексивных предприятий надо напомнить, что в системном аспекте под *рефлексией* можно понимать способность некоторых систем строить модели себя и других систем, а одновременно видеть себя строящими такие модели. На этом пути удастся провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания¹⁶¹.

Для моделирования рефлексивных процессов, наряду с привычными вербальными представлениями, используются разнообразные представления: графические, специальные полиномы (многочлены), операторные и другие. Эти представления позволяют фиксировать, анализировать и проектировать достаточно сложные рефлексивные процессы в различных сферах социальных взаимодействий. Остро встают проблемы выявления особенностей рефлексивных процессов и возможностей воздействия на них в условиях конфликтных взаимодействий, особенно при попытках перевести эти конфликты в управляемую конфронтацию и сотрудничество.

Следует также упомянуть, что в современной психологии выделяется два базовых способа существования человека как субъекта жизни. Первый — жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек. При этом способе жизнедеятельности образы реальности актуализируются обычным для каждого человека способом, и процесс актуализации не осознаётся. Этот обычный ряд событий, переживаемый нами привычным образом, такое же нормальное, естественное нерефлексируемое состояние, как и ощущение давления атмосферного столба. Данный способ жизни условно можно определить как «реактивный».

Второй способ существования — это выход человека за рамки обыденно необходимого, он связан с формированием и развитием рефлексии. Ее те-

¹⁶¹ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1968.

матика активно разрабатывается в политической и военной сфере деятельности, в деятельности дипломатических ведомств, спецслужб и т.д. Здесь сознание выступает как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне её для суждения о ней, наконец, как управление самим процессом жизни. Когда человек способен смотреть за пределы узкого круга вещей и своего окружения, выходить за конкретность актуальной ситуации, мы говорим о «рефлексивном» способе существования.

Эти два способа человеческой жизнедеятельности являются полюсами некоторого инвариантного континуума, и они в чистом виде практически не встречаются. В указанном смысле «реактивный» и «рефлексивный» способы жизнедеятельности являются определёнными типами поведения.

Рефлексия предприятия как социальной системы формируется через ее рефлексивные элементы: сотрудников, группы и другие социальные образования. Поскольку человек является базовым рефлексивным элементом любой социальной системы, то рефлексивность проявляется, в частности, в том, что вся система в целом вместе с человеком могут быть отображены в его сознании. И характер этого отображения определяюще влияет на его функционирование в системе¹⁶².

Данный момент необходимо всемерно учитывать в ходе создания и поддержке функционирования рефлексивного предприятия. Предпосылкой его эффективности является то, что рефлексивный сотрудник потенциально может справиться с неопределенностью порядка, лишённого традиций. А это необходимое условие успеха в современном бизнесе. Именно поэтому важнейшее значение рефлексии в деятельности предприятий отмечается в последние годы и зарубежными авторами¹⁶³.

Сравнительный анализ отдельных аспектов организации рефлексивных процессов на предприятиях XX и XXI века представлены в табл. 6-3.

Как показывают наши исследования рефлексивность предприятия зависит от многих факторов, одним из которых является рефлексивная культура руководителей и сотрудников. Известные концептуальные представления о личности руководителя, её структуре и качествах могут быть интерпретированы как качества преимущественно реактивного или рефлексивного субъекта. Мы можем назвать их субъектами реактивной и рефлексивной доминант. Этим типам соответствуют определённые особенности менталитета и делового поведения.

¹⁶² Дубровский В.Я., Щедровицкий Л.П. Проблемы системного инженерно-психологического проектирования. М.: Изд-во МГУ, 1971.

¹⁶³ BECK, U. (Hrsg.) (1996): Reflexive Modernisierung. Frankfurt am Main, Suhrkamp. GIDDENS, A. (1996): Leben in einer posttraditionalen Gesellschaft, in: Beck, U. (Hrsg.): Reflexive Modernisierung, Frankfurt am Main, Suhrkamp.

В первом варианте при неразвитой или заблокированной рефлексии, когда субъектность руководителя снижена, он становится объектом информационных и иных воздействий. В таких случаях его рефлексивные процессы протекают стихийно, неорганизованно и результат рефлексии в виде «счастливых озарений» случаен. Наиболее важные события не столько творятся таким руководителем, сколько случаются с ним. В психологическом плане это связано с неразвитой способностью к динамическому моделированию и построению многовариантной информационной картины производственных (управленческих) процессов. Это в значительной мере определяет неспособность руководителя принимать адекватные решения.

Во втором случае мы можем говорить о том, что руководитель в своей деятельности преимущественно использует рефлексивные стратегии. Он в

Таблица 6-3

Отдельные аспекты организации рефлексивных процессов
на предприятиях XX и XXI века

Аспекты	Традиционные предприятия XX века («жесткая организация»)	Предприятия XXI века («гибкая, сетевая организация»)
Ведущая ориентация на способ организации деятельности сотрудников	Реактивный способ организации деятельности	Рефлексивный способ организации деятельности
Субъектный аспект отношения к сотрудникам	Ориентация на превращение сотрудников из субъектов в объекты управления – блокировка рефлексии	Ориентация на сохранение и формирование «субъектности» сотрудников, отказ от манипулирования. Стимулирование, поддержка рефлексии, развитие рефлексивных способностей
«Носители рефлексии»	Топ-менеджеры	Все сотрудники предприятия, группы, организация в целом
Действия сотрудников в конкретных ситуациях	Ориентация на шаблонные действия в типовых ситуациях и обязательное обращение к помощи руководителей в нестандартных ситуациях	Ориентация на самостоятельные действия, стимулирование креативности и рефлексии
Коммуникация рефлексивных элементов	Формальное общение Высокая степень опосредственности общения	Гибкое сочетание формального и неформального общения Гибкое сочетание форм общения
Коммуникация рефлексивных элементов и «носителей властных полномочий»	Совмещение рефлексивных элементов и «носителей властных полномочий»	Создание условий для реального влияния рефлексивных элементов на «носителей властных полномочий». Коммуникации без границ

Таблица 6-3 (окончание)

Координация действий подразделений и сотрудников предприятия	Формальные отношения на основе должностных инструкций	Гибкое сочетание формального и неформального общения. На основе формирования у сотрудников взаимных адекватных рефлексивных представлений, а также рефлексивных позиций предприятия и подразделений как социальных субъектов
Базовые знания	Предметные	Процедурные, в том числе рефлексивные технологии
Стимулирование и поддержка рефлексивных процессов у сотрудников предприятия	Недооценка данного аспекта	Многообразие мероприятий и программ, ориентированных на стимулирование и поддержку рефлексивных процессов у сотрудников предприятия
Создание условий для развития рефлексивных способностей рефлексивных элементов	Недооценка данного аспекта	Предприятие как рефлексивно развивающая среда

максимально возможной мере субъектен. Руководитель рефлексивного типа способен к системному построению стратегии своей деятельности. Он может ясно осознавать, чётко формулировать и внятно озвучивать свои интересы.

Таким образом, современный характер деятельности руководителя, представляя собой деятельность меняющегося субъекта власти в динамично меняющейся социальной среде, предъявляет исключительно высокие требования к его рефлексивной культуре.

Рефлексивную культуру предприятия можно определить как систему способов организации рефлексии, построенных на основе интеллектуальных и ценностных критериев. Она включает в себя: способность и готовность действовать в ситуациях с высокой степенью неопределенности, гибкость в принятии решений, постоянную готовность к поиску путей решения творческих задач в кризисных ситуациях деятельности, способность переосмысливать стереотипы своего опыта, возможность реализовать личностные, коммуникативные и интеллектуальные свойства адекватно ситуации. Сфера бизнеса — одно из наиболее подходящих пространств для реализации ценностей подобной культуры.

Рефлексия позволяет не только решать ненормативные критические ситуации, но и обеспечивает коррекцию норм предпринимательской деятельности. Поэтому ведущая функция рефлексии — преодоление затрудне-

ния в деятельности через развитие самой деятельности. Важным признаком развития рефлексивной культуры личности руководителя предприятия является гармоничность различных её аспектов. Под гармоничностью понимается не только наличие доминирующей направленности рефлексии, которая не подавляет, а стимулирует проявление других рефлексивных содержаний, важных для конструктивной личностной реализации, но и лёгкость переключения с одного типа рефлексивных проявлений на другой. Гармоничное взаимодействие разных уровней рефлексии способствует формированию его адекватного поведения в кризисных ситуациях. Конструктивное взаимодействие руководителя и ситуации ведет к развитию рефлексивной культуры современного успешного предприятия.

Коммуникативное предприятие. Целостность предприятия определяется организацией соответствующей коммуникативной среды предприятия, обеспечивающей поддержку рефлексивных процессов, организацию быстрого, адекватного реагирования на динамично изменяющуюся внешнюю среду.

Особое значение в условиях глобализации приобретает свойство безграничности коммуникаций (*«предприятие без границ»*). Сотрудничество с отдельными представителями и предприятиями других культур становится повседневным опытом. Рынки срастаются, цены во всем мире выравниваются, поэтому и предприятия должны кооперироваться и объединяться.

Под безграничностью следует понимать также устранение внутренних барьеров: между функциональными подразделениями, между поставщиками и предприятием, между предприятием и его клиентами.

Предприятие коллективной идентичности. При помощи ценностей и видений можно обратиться к вопросу человека о смысле, активизировать в нем глубинные слои и, таким образом, раскрыть неизведанные источники энергии. Ничто не может так мотивировать человека, как убежденность в возможности приняться за нечто, полное смысла.

Сегодня становится все более очевидной постоянно возникающая необходимость «выхода» сотрудников за рамки нормативного подхода, фактически нормой становится выход за пределы нормы¹⁶⁴. Это обосновывается следующими соображениями:

- высоким темпом обновления знаний, характерным для информационного общества, который влечет быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации;

¹⁶⁴ Лекторский В.А. Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия / Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Редактор составитель Н.И.Кузнецова - М.: Ф.А.С. - медиа, 2004. С. 170-205.

На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. – М.: Институт философии РАН, 2005. – С. 56-70. (www.reflexion.ru).

- существованием многих социальных процессов относительно небольшое время, поскольку усиливается множественность социальных реальностей и динамика их существования;
- резким усилением в условиях современной России (и на всем постсоветском пространстве) давления техногенной цивилизации на индивидуальное бытие человека, разрушающего установившийся баланс социальной активности и внутреннего гомеостаза индивида, ослабляющего его психическую саморегуляцию;
- усложнением естественной интеграции прошлого и будущего в единую цепь событий, которая образует индивидуальную биографию и лежит в основе личностной идентичности (и без того подверженной весьма тяжелым традиционно выделяемым кризисам);
- все более усложняющейся в современном обществе цепью социальных и технологических опосредований между действием и его результатом, что затрудняет рациональное планирование действий как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

Любое рациональное действие предполагает как учет его возможных последствий, так и соотнесение выбранных средств и действий с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями действующего субъекта о самом себе, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к той или иной коллективной общности – с тем, что называется индивидуальной идентичностью. Проблема ее сохранения в производственной практике обостряется. Возникает все большее число индивидов, характеризующихся «размытой идентичностью» – тех, сознание которых оказывается фрагментированным. Отсутствие единства сознания влечет за собой отсутствие целостности в производственной деятельности. Без единства сознания невозможно существование «Я».

Проблема индивидуальной идентичности и целостности лиц, принимающих решения, оказывается неразрывно связана с культурой и является ключевой в организации производства. Лишь при наличии единства сознания и целостности человека возможна ответственность за поступки, которая немислима, если сознание распадается на не связанные друг с другом фрагменты, а в объеме индивидуального человеческого бытия не оказывается места для основных традиционных культурных реальностей.

6.7.3. Социальное предприятие

В контексте социальной ориентации предприятия наиболее актуальны духовное, этическое и ответственное предприятие.

Духовное предприятие. В условиях глобализации предприятие, претендующее на роль социального субъекта, который осознает и берет на себя ответственность за производимые им управляющие воздействия на обще-

ство, должно принимать на себя также ответственность за дальнейший ход эволюции в смысле одухотворения мира. При этом важно выработать духовную общность сотрудников, которая будет являться основой совместной деятельности, даст ориентиры и облегчит многие решения.

Принципиально важно высказывание о роли духовности европейского специалиста по разработке образа предприятия XXI века Х.Гайсельхарта¹⁶⁵: «Сотрудники отделов по работе с персоналом пытались внести свой вклад в улучшение состояния предприятия через введение TQM, Reengineering, ISO и других методов. Между тем, эти методы подвергаются сильной критике как модные явления. Они не выполняют того, что обещают, и исчезают так же, как и пришли. Поскольку они редко интегрированы в духовную взаимосвязь, они становятся просто скучными, потому что бездуховны».

Этичное предприятие. Для формирования представлений об этическом предприятии XXI века принципиально важно понимание различий между системами ценностей и этическими системами. Специфическая система ценностей (ценностных оценок) существует в любом обществе (культуре), не завися от отдельных индивидов. Можно выделить «универсальные» (одинаковых почти во всех культурах) и «локальные» (специфические для отдельных культур).

Например, «Говорить неправду» почти во всех культурах оценивается как «плохо», «Украсть» — «плохо», «Помогать бедным» — «хорошо».

Однако, есть и другие примеры. Если мужчина уступит место женщине в общественном транспорте в США, — это оценивается как «плохо», ибо может быть проинтерпретировано как подчеркивание неравенства; во Франции «плохо» не уступить места.

Через культуру происходит кодирование ценностей. Фактически существует «список» «Что такое хорошо, а что такое плохо». Это кодирование может меняться во времени, иногда весьма динамично, например, так произошло в США после трагических событий 11 сентября 2001 года.

Во всех указанных случаях мы имеем дело с *системой ценностей*. Однако сознание оперирует не только простыми оценками «хорошо» и «плохо», но также оценками комбинаций ситуаций (действий). Например, сказать правду — «хорошо», а в результате этого отправить человека в тюрьму — «плохо».

При комбинаций оценок, мы переходим к рассмотрению *этических систем*, другими словами, к «метакодированию» ценностей. Главный вопрос здесь связан с оценкой совмещения «добра» и «зла». В.А.Лефевр ввел понятие и построил формальные рефлексивные модели двух этических систем¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Гейсельхарт, Х. Обучающееся предприятие в XXI веке / Перевод с немецкого Н.В.Маловой. Калуга: «Духовное наследие», 2004. — 264с. (С.223).

¹⁶⁶ Лефевр В.А. Алгебра совести. — М.: «Когито-центр». 2003.

I: совмещение «добра» и «зла» рассматривается как «зло».

II: совмещение «добра» и «зла» рассматривается как «добро» («цель оправдывает средства»).

Важно отметить, что в тех сообществах, где большинство личностей негативно оценивают соединение добра и зла, предпочтение отдается тому, кто стремится к компромиссу, а в тех, где соединение добра и зла оценивается позитивно, личностям с бескомпромиссным поведением.

В отдельных культурах «системы ценностей» могут быть одинаковыми, а «этические системы» - разными. Например, по данным исследований В.А.-Лефевра, проведенным в 80-х годах прошлого столетия, сделаны выводы, что в США в те годы преобладала первая этическая система, а в СССР - вторая. Сегодня просматриваются тенденции, принципиально изменяющие сделанные Лефевром оценки. Есть основания утверждать, что действия руководства США (в основном одобряемые населением) все более соответствуют второй этической системе, что способствует формированию психологического кризиса у американцев, поскольку их представления о себе вступают в противоречие с реальными действиями. А в России наблюдаются проблески принципиально иной тенденции, под влиянием многовековых традиций у населения пробуждается первая этическая система, что дает основания для оптимистических прогнозов возрождения России.

Приведенные соображения об этических системах, на наш взгляд, дают основания утверждать, что предприятие XXI века и его сотрудники должно быть ориентировано на первую этическую систему.

Ответственное предприятие. Лишь при наличии свободы, единства сознания и целостности человека возможна ответственность за поступки, которая немислима, если сознание распадается на не связанные друг с другом фрагменты, а в объеме индивидуального человеческого бытия не оказывается места для традиционных культурных реальностей. Эти проблемы становятся важнейшими и в организации предприятий XXI века. Их игнорирование приводит к бессубъектности и безответственности предприятий, культу примитивной рациональности при игнорировании морально-нравственных аспектов принятия управленческих решений, социальных норм и др. Все эти негативные явления отчетливо проявляются в условиях современной России.

6.7.4. Развивающееся предприятие

Стремление привлечь как можно больше сотрудников к принятию решений на предприятии влечет за собой увеличение степени горизонтальности организационных структур, снижение формальности в отношениях сотрудников, создание *неформального сетевого самоорганизующегося предприятия*.

Все более популярными становятся междисциплинарные идеи представления о мире, в котором порядок из хаоса возникает в силу естественных

процессов. Такая логика предполагает, что деятельность предприятия подчинена самоорганизующимся процессам. В ходе организации постоянного и разнообразного общения соответствующих людей можно надеяться на достижение благоприятных результатов. При таком подходе важно «прислушаться к тому, куда система намерена двигаться». Чем больше людей поймут, в каком направлении изменяются процессы на предприятии, тем быстрее будут развиваться новые формы организации¹⁶⁷.

В этой синергетической трактовке процессов самоорганизации следует выделить несколько аспектов связанных с рефлексивными процессами.

Во-первых, для контроля за последствиями процессов самоорганизации кто-то должен с упреждением их осознать, выявить аттракторы и параметры порядка, детерминирующие эти процессы. То есть некто, отвечающий за развитие предприятия и его безопасность, должен обладать *упреждающей рефлексией*, обеспечивающей возможность либо притормозить процессы самоорганизации, либо их стимулировать. Для самоорганизации это мощный потенциал развития, однако не всегда гарантирующий благоприятный результат. Для социально ориентированных предприятий целесообразно, в целях обеспечения безопасности для общества последствий деятельности предприятий, рассмотрение процессов их *управляемой самоорганизации*.

Во-вторых, справедливо утверждение: чем больше людей на предприятии осознают направления процессов изменений, тем быстрее они пойдут и возникнет благотворный резонанс. Сказанное ставит задачу *стимулирования рефлексивных процессов* осознания естественных тенденций развития предприятия.

Перенос из естественных наук синергетических идей самоорганизации в практику предприятий XXI века требует переосмысления в контексте современных представлений постнеклассической науки, сегодня делаются первые шаги в этом направлении¹⁶⁸.

Важный аспект развития предприятий связан с формированием все более *комплексных* образований. Они создают отношения кооперации, в которые вовлекаются представители разных культур; они сливаются с другими предприятиями и дифференцируются внутри, образуя все большее число подразделений. Возникает вопрос, каким образом можно сохранить способность такого комплексного образования к обучению и изменению, не

¹⁶⁷ Сенге П. М., Клейнер А., Робертс Ш., Росс Р. Б., Рот Д., Смит Б. Д. Танец перемен: новые самообучающиеся организации / Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. – 624. (С. 156).

¹⁶⁸ Аршинов В.И., Буров В.А., Лепский В.Е. Навигация, рефлексивные площадки и каналы реальности постнеклассического управления обществом / На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. – М.: Институт философии РАН, 2005. – С.56-70. (www.reflexion.ru).

уменьшая при этом многообразия, и как одновременно можно обеспечить целостность?

Идея контекстного управления¹⁶⁹ стремится объединить единство и многообразие за счет того, что подразделения сами заботятся о единстве, сочетая взаимозависимость и самостоятельность. Часто случается, что автономные единицы пытаются осуществить свои интересы, не учитывая интересов других. Они могут договариваться только о таком решении, которое соответствует минимальному общему знаменателю. Вместо этого необходимо найти метод общего рационального решения проблем, состоящий из стратегий, которые участники согласовывают друг с другом и которые делают возможными лучшие решения.

Контекстное управление происходит, прежде всего, посредством рефлексии. Оно состоит в переходе от стороннего принуждения к самообязанности. Порядок возникает теперь не при помощи внешнего авторитета, а за счет усвоенной самообязанности.

Контекстное управление означает признание, что максимальные требования без учета других интересов ослабляют систему. Поэтому для него требуется способность ждать, готовность противостоять соблазну максимальных требований в интересах будущей выгоды. Оно означает понимание, что «лучший» эгоист всегда учитывает также и интересы других.

В качестве предпосылки контекстного управления требуется способность разрабатывать стратегии. Это означает умение анализировать рамочные условия, разрабатывать различные шаги нахождения решения, вырабатывать возможные варианты, в конце концов, принимать решение в пользу одного из них - и при этом всегда руководствоваться поиском лучшего. Контекстное управление требует также учиться обращению с виртуальными возможностями, с проецируемыми идентичностями и видением будущего¹⁷⁰.

Если комплексные системы обладают растущим количеством центров власти и управления, тогда вместо власти все больше требуется способность к модерации, к выработыванию правил совместной игры различных интересов и способность действовать интегрирующим образом.

Эта задача воспринимается при помощи систем переговоров, которые состоят из правил, которые делают возможными приемлемые компромиссы. «Они ориентируются на справедливый обмен, на обоюдность, на справедливое распределение расходов и выгоды совместно принятого решения или разрешения проблемы. Они требуют от каждого участника добровольного ограничения его свободы действий, вследствие того, что он учитывает различные интересы других участников и воздействие на них своих собственных поступков».

¹⁶⁹ WILLKE, H. (1997): *Supervision des Staates*, Frankfurt am Main, Suhrkamp. (С.72).

¹⁷⁰ WILLKE, H. (1997): *Supervision des Staates*, Frankfurt am Main, Suhrkamp. (С.111).

Контекстное управление имеет своей целью формирование стратегической уверенности, достижение высокой степени способности к рефлексии, развитие альтернативных видений будущей идентичности и практики системы переговоров с особыми полномочиями. Таким образом, контекстное управление работает на выработку видения общего, возможного и желательного будущего.

Возрастающая специализация и постоянный рост знания ведут к комплексности, которая требует кооперации между различными специальностями. На предприятии возрастающая дифференциация вызывает к жизни собственную динамику подразделений, что затрудняет руководство со стороны вышестоящей центральной инстанции. При помощи *саморефлексии* подразделения должны приобрести возможность справляться с возрастающей комплексностью и самостоятельно создавать необходимые сети, осуществлять координацию и согласования¹⁷¹.

Саморефлексия означает, что обнаруживается относительный характер рефлектируемых фактов и, тем самым, открываются альтернативы. Саморефлексия ведет к увеличению знания, к метазнанию. Она дает больше знания о нас самих, и знание того, что здесь речь идет не об истинах, но о конструкциях. Она способствует развитию способности не теряться перед непредвиденным и расставаться с имеющимся знанием.

Саморефлексия на предприятии институционализируется в форме бесед сотрудников, собраний «обратной связи», рефлексивных семинаров, оргдеятельностных игр и др.

Креативное предприятие. Время, в которое мы живем, характеризуется непостижимой динамикой изменений. Чтобы не отставать, требуются большие знания, ясное мышление, точная логика, умение использовать все способности и беспощадные усилия. Однако всего этого недостаточно, чтобы утвердиться сегодня как успешное предприятие, и, возможно, оказаться на одном из первых мест. Знание возникает быстрее, инновационные циклы становятся короче, единицы времени, в которые мы работаем, меньше.

Выдающиеся достижения, которые требуются сейчас, не могут быть совершены обычными средствами, потому что каждый располагающий может использовать их так, что выделиться удастся лишь на короткое время.

Выдающиеся достижения, которые нельзя быстро повторить, основываются на необычных идеях, сложных для имитации. Эти идеи подобны тем, что производят художники.

Как произведение искусства создается творческим человеком, так и выдающиеся достижения на предприятии возникают благодаря креативным сотрудникам. Поэтому сегодня предприятиям больше, чем когда-либо, нуж-

¹⁷¹ Гейсельхарт Х. Обучающееся предприятие в XXI веке / Перевод с немецкого Н.В. Маловой. Калуга: «Духовное наследие», 2004. – 264 с. (С.48).

ны люди, которые обладают способностями к рефлексии, к творчеству, которые готовы к движению в напряженности видения и мыслительной работы, интуиции и профессионального умения.

Открытое предприятие. Классическое понимание открытости систем базируется на идеях венского биолога Людвиг фон Бергаланфи. В контексте предприятий можно утверждать, что долговременная конкурентоспособность не может быть достигнута на основе частичной оптимизации, в пределах внутреннего рассмотрения проблем. Только выход за границы предприятия создает предпосылки для успешного и долговременного его существования. То есть проблема открытости тесно связана с проблемой границ предприятия, которую мы уже затрагивали при рассмотрении вопросов коммуникаций, предприятия без границ.

Следует заметить, что повышение гибкости экономической активности представляет собой общее явление, но оно размывает границы между работой и не работой¹⁷².

Предприятия непрерывного обучения. По содержанию обучение на предприятиях XXI века будет все более смещаться с «предметно-знаниевой» на «процедурно-знаниевую» ориентацию и развитие соответствующих способностей, в первую очередь рефлексивных.

В качестве примера рассмотрим три типовых базовых вида обучения для перспективных предприятий¹⁷³.

Первый вид обучения относится к тому, что лежит на поверхности. Это простейшее обучение, при котором речь преимущественно идет о том, чтобы приспособиться к хорошо зарекомендовавшему себя, ориентироваться на привычное. Исходным пунктом является вопрос, как можно что-то улучшить.

Второй вид обучения стремится не к относительно поверхностному изменению, а ставит под сомнение основные гипотезы, исследует контекст деятельности и предпринимает коренные изменения собственных целей. Исходным вопросом является: почему я действую так, а не иначе?

Третий вид обучения – процесс обучения, который сам становится темой своего обучения, так что можно опознать и исправить мыслительные модели. Данный вид обучения делает возможной самокритику, придает способность подвергнуть сомнению наши духовные структуры и проверить смысловую оправданную точку наших действий.

В качестве ведущих отмечаются второй и третий виды обучения, которые ориентированы прежде всего на *стимулирование и поддержку рефлексии* сотрудников. На осознание и поиск путей преодоления «разрывов» в деятельности и коммуникациях.

¹⁷² BECK, U. (Hrsg.) (1996): Reflexive Modernisierung. Frankfurt am Main, Suhrkamp. (С. 30).

¹⁷³ Гейсельхарт Х. Обучающееся предприятие в XXI веке / Перевод с немецкого Н.В. Маловой. Калуга: «Духовное наследие», 2004. – 264 с. (С.54).

По формам обучения на предприятиях XXI века будут доминировать две формы организации: «непрерывного обучения и обучения непосредственно на рабочем месте».

В процессе производственной деятельности создается развивающая среда. Учитывая важность развития рефлексивных способностей сотрудников *предприятия, становится рефлексивно развивающей средой*. Эти тенденции просматриваются в зарубежных предприятиях. В частности, богатый опыт создания такого рода учебных сред имеется в отечественной педагогике¹⁷⁴.

Наблюдаются бурные темпы создания *корпоративных университетов*. Например, в Соединенных Штатах 62% предприятий численностью свыше 1000 человек уже внедрили у себя системы электронного дистанционного обучения. В России такие системы используют пока лишь некоторые крупные компании – «Сибнефть», «Русский алюминий», «ЮКОС», «Татнефть», «Вимм-Билль-Данн», «Северсталь», «Вымпелком»¹⁷⁵.

Число корпоративных университетов в мире за 1990-е годы возросло с 400 до 1800. В значительной мере их возникновение было продиктовано затруднениями, связанными с использованием традиционного академического истеблишмента для реализации такого непрерывного процесса обучения, который помогал бы решать конкретные задачи корпораций.

Во-первых, традиционное образование столкнулось с невозможностью отдельному специалисту и кафедре отслеживать, инкорпорировать учебный релевантный материал по мере его поступления. Во внесетевой форме делать это уже сейчас практически невозможно. Библиотека «Hong Kong University of Science and Technology», сотрудничающего с «IBM Great China division», содержит тысячи журналов в электронном формате, реферативные источники и публикации, которые могут быть доступны студентам, где бы они не находились.

Во-вторых, традиционное образование не в состоянии вместить в устоявшиеся учебные планы междисциплинарный подход. При этом данная проблема легко снималась в сетевом обучении, которое давало возможность организовать сквозное информационное поле, где лаборатория, факультеты и обучаемые получали максимум возможного от использования сетевых технологий и динамических интерактивных баз данных.

В-третьих, корпоративные университеты, как правило, переходящие к работе в виртуальном пространстве, смогли разрешить проблему непрерывного образования без отвлечения работников на значительное время для

¹⁷⁴ Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. – М.: Педагогика, 1986.

Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 384 с.

¹⁷⁵ Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г. Промышленная политика России: кто оплатит издержки глобализации. Серия: «Европа», 2005. – 160 с. (С. 92).

участия в «контактном» учебном процессе с фокусированием на вопросах стратегического менеджмента и развитии необходимых компетенций. Корпоративные университеты работают либо через собственные сети кампусов (Disney, Toyota, Motorola), либо в качестве виртуальных университетов (IBM, Dow Chemical), либо объединившись в союзы с существующими вузами (Bell Atlantic, United Healthcare). При этом данные университеты должны сохранять возможность быть катализатором изменений в корпорациях и постепенно легализуют свой статус «управляющего контура» их развитием.

В-четвертых, корпоративные университеты сформировали механизм обучения работников и управления кадровыми ресурсами (вплоть до карьерного роста в зависимости от пройденных образовательных и исследовательских курсов) для масштабных и имеющих большой ареал дислокации филиальных сетей.

Эксперты отмечают, что в России в настоящее время масштабы развертывания корпоративных университетов несопоставимы с Западом. Согласно данным Ассоциации менеджеров России, в начале 2000-х годов о создании корпоративных университетов объявили «Северсталь», «РУСАЛ», «ЮКОС», «Росгосстрах», «ВымпелКом», МГТС, «МИР», «СИДАНКО», «Citibank», «Ростелеком», «ТНТ», «КРАФТ», «Коноко Интернэшнл Петролеум Компани» и др.¹⁷⁶

6.7.5. Прообразы предприятий XXI века

Рассмотрим два принципиально различающихся примера организации предприятий, имеющих ряд характеристик, соответствующих прообразам предприятий XXI века.

Первый пример естественного формирования предприятий на основе исторически сложившейся культуры и религии. Фактически мы имеем дело со свернутыми формами общественного сознания, воплотившимися в организации современных предприятий. Речь пойдет о типовых японских предприятиях.

Второй пример искусственного формирования конкретного предприятия на основе представлений творчески одаренного менеджера. В данном случае мы имеем дело с развернутым процессом индивидуального сознания воплотившего свой социальный проект. Речь пойдет о фирме Джeneral Электрик, которую через уникальные преобразования Джек Велш вывел в мировые лидеры.

Японская модель предприятия (Пример 1)

Типовая модель японского предприятия базируется на фундаменте местной культуры и духовности. Эта модель в значительной степени повторя-

¹⁷⁶ Корпоративные университеты в российской практике: актуальные проблемы реализации. Аналитический обзор / Ассоциация менеджеров России. – М., 2003.

ет черты японской семьи. В контексте рассматриваемой нами модели образа предприятия XXI века японская модель в наибольшей степени содержит в себе основные признаки *рефлексивного предприятия*.

В Японии механизмом управленческого контроля служит «философия», или «теория», предприятия, то есть система ценностей и убеждений, определенная в ней учредителями и воспринимаемая вынуждено или добровольно персоналом. Из этой системы сотрудники предприятия в состоянии вывести безграничное число целей-заданий и конкретных средств их достижения с весьма существенной, однако, разницей – работник самостоятельно наметивший цель и путь к ней, быстрее и правильнее внесет коррективы, если того потребует изменившаяся обстановка. И другое: два или несколько работников, разделяющие философию предприятия, выведут из нее одинаковые правила поведения при одной и той же ситуации.

Иными словами, философия предприятия обеспечивает как контроль над реакцией работников на проблему, так и координацию их усилий, исключающую столкновение принимаемых работниками решений. Настойчивость, энергия, находчивость человека, которому кажется, что он действует добровольно, неизмеримо выше, чем у того, кто работает из-под вполне осязаемой палки. Руководители не докучаются мелкой опекой вышестоящих руководителей и подобным же образом ведут себя по отношению к нижестоящим. Данная концепция ориентирована на активного субъекта в системе хозяйствования.

Каждый работник обладает видением будущего предприятия, поскольку осознает его базовые ценности как социального субъекта. Условно такого рода организацию можно назвать концепцией «системно-целостного управления».

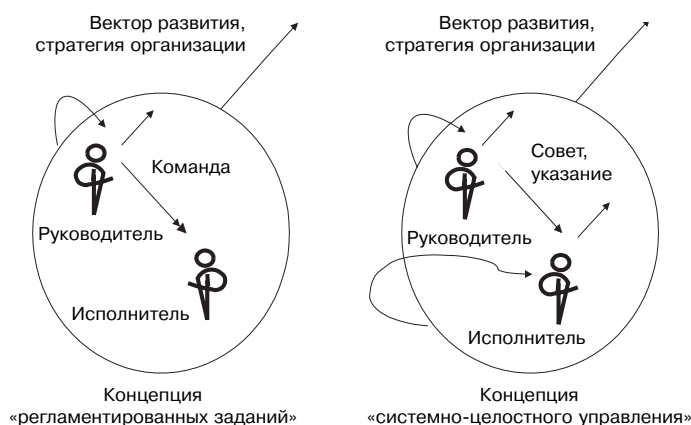

Рис. 6-2. Две концепции организационного управления

Отметим отдельные положительные стороны концепции «системно-целостного управления»:

- *системность* элементов организационного управления (каждый элемент-субъект обладает системно-целостной ориентацией, т.е. «видит» свою деятельность с позиции системных целей и задач, обладает системной рефлексией);
- *оперативность и скоординированность* действий отдельных субъектов;
- *максимальный учет конкретных условий* при принятии управленческих решений;
- *снижение инновационных барьеров* по отношению к качественно новым решениям, так как в выработке решения участвовали сами исполнители;
- *повышение творческой активности* членов организации;
- создание *хорошего психологического климата* в организации;
- высокая *«живучесть»* системы управления.

Для сотрудников в силу культурных традиций естественно выступать в роли рефлексивных элементов предприятия, вместе с тем дополнительно на предприятии постоянно реализуется ряд специальных программ стимулирующих рефлексивные процессы и обеспечивающие их адекватность. Приведем несколько примеров программ.

Программа «*Формирования представлений о концепции предприятия*» предусматривает организацию регулярных внепроизводственных встреч сотрудников для обсуждения философии, концепции предприятия.

Программа «*Ротация кадров*», осуществляя периодическое перемещение сотрудников на новые рабочие места внутри предприятия, способствует формированию у сотрудников видения предприятия с разных рефлексивных позиций, а также формированию адекватной взаимной рефлексии субъектов разных видов производственной деятельности.

Программа «*Группы качества*» также способствует стимулированию и поддержке рефлексивных процессов в связи с производственной деятельностью.

Очевидно, что эти программы, наряду с развитием рефлексивных процессов, способствуют формированию многих других выделенных нами качеств предприятия XXI века. В частности – обеспечению процессов идентификации, коммуникации, самоорганизации и др.

Фирма Дженерал Электрик (Пример 2)

Одно из крупнейших предприятий мира и, кроме того, самое успешное Дженерал Электрик является ярким примером прототипа предприятий XXI века. Дж. Велшу удалось фундаментальное преобразование этого бывшего прежде неповоротливым предприятия, его методам подражают во всем мире.

С 1993 года Дженерал Электрик является номером 1 относительно рыночной стоимости в Соединенных Штатах. С марта 1998 года размер капитала предприятия достиг 250 миллиардов долларов. В конце 2000 года Дженерал

Электрик действует примерно в десяти различных группах продуктов – от авиационных двигателей, медицинских приборов, энергии, лизинга самолетов, финансовых услуг, информатики до бытовых электроприборов.

Рассмотрим мнение Дж. Велша, о реализации многих из выделенных нами качества образца предприятия XXI века. С нашей точки зрения, ему удалось в большой степени продвинуться в формировании «Целостности (субъектности) предприятия», а также в создании «Развивающегося предприятия». Этими аспектами мы ограничим рассмотрение данного примера.

Целостное (субъектное) предприятие. Высокий уровень *рефлексивности* обеспечивается за счет высокой мотивации сотрудников, их непосредственного включения в сверхзадачи, создания уверенности в возможности воздействовать на принимаемые решения. В центре внимания всех сотрудников – осознание стратегического видения фирмы, ориентиров развития.

Стимулирование рефлексии всех сотрудников для решения сверхзадач (Stretch-концепция), которые могут быть реализованы, и находятся в рамках Дженерал Электрик. Однако потом «нужно посмотреть выше – еще выше – на цели вверху, которые, как кажется, находятся вне всяких пределов досягаемости, достичь которых можно лишь с нечеловеческими усилиями»¹⁷⁷. Постановка сверхзадач – фирменный стиль Дженерал Электрик. «Не довольствуйтесь автоматически вторым местом, если Вы можете дистичь большего! Хватайте звезды»¹⁷⁸.

Стимулирование рефлексии каждого сотрудника на критический анализ и развитие своей производственной деятельности. В частности, на это направлена *программа “work-out”*. Она должна сформировать у сотрудников чувство, что будущее предприятия зависит от каждого лично. В рамках программы сотрудникам были переданы права вносить собственные идеи для решения возникающих проблем.

Стимулированию и обеспечению адекватной рефлексии способствует также создание прозрачных производственных структур.

Коммуникативные процессы занимают также достойное место в организации предприятия. Мечтой Велша является безграничное предприятие, для которого глобализация является уже не целью, а заповедью. Он говорит, что рынки открываются, географические границы размываются и теряют значение. Поэтому нужно уничтожить географические границы и для сотрудников. «Наши сотрудники должны одинаково хорошо чувствовать себя в Дели и в Сеуле, как и в Лоунсвилле или Шенектади»¹⁷⁹. *Безграничное предприятие* – это девиз в организации коммуникаций сотрудников.

¹⁷⁷ SLATER, R. (1999): Jack Welch: Wer fuhr, muss nicht managen, Lands-berg/Lech, Verlag Modcme Industrie. (С. 221)

¹⁷⁸ Там же С. 232.

¹⁷⁹ Там же С. 170.

Под безграничностью Велш имеет в виду также уничтожение внутренних барьеров. Он говорит о стенах между функциональными подразделениями, о границах между поставщиками и предприятием, между предприятием и его клиентами. «Каждая из этих границ представляет собой сопротивление, которое замедляет ход процессов на предприятии. Процесс осуществления всех этих функций может быть таким длительным и сложным, что при определенных обстоятельствах организации приходится концентрироваться только на самой себе и своих внутренних процессах, и она терпит неудачу в осуществлении своей собственной миссии – удовлетворения клиента»¹⁸⁰. Преодоление географических и культурных границ, устранение барьеров в коммуникации и сотрудничестве на предприятии, с клиентами и поставщиками Велш называет «безграничным менеджментом». Он постоянно подчеркивает: кто хочет работать в Дженерал Электрик, тот должен примерять к себе критерии «безграничного менеджмента». Получающему по этим критериям плохие оценки, нужно довольно быстро присмотреть себе другого работодателя. Огромное значение, которое Велш придает безграничности, становится ясным из следующей цитаты: «Безграничность – это язык, культура душа действительно глобального предприятия. Безграничность пробивает себе дорогу через географические расстояния, государственные границы, языковые различия и иностранную валюту, и объединяет людей всех культур»¹⁸¹.

Велш постоянно анализирует чужой опыт и не колеблется при этом перенимать чужие идеи, если он полагает, что это может продвинуть Дженерал Электрик вперед, тем самым реальными действиями формируя образ *открытого предприятия*.

Вопросы *идентичности* также оказываются в центре внимания руководства предприятия. Существуют два ключевых понятия, к которым Велш возвращается постоянно и которые имеют основополагающее значение для его понимания руководства предприятием: ценности и видение. «Мы руководим теперь посредством не цифр, а ценностей, которые претворяем в поведение. Если ценности верны, то результат в итоге тоже будет верен»¹⁸². «Мы поняли, что мы достигнем намного большего, если будем управлять посредством ценностей, а не посредством результатов деятельности за квартал». Велш убежден в том, что предприятию настоятельно необходимы ценности, и что оно живет идеями. О самом себе он говорит: «Моя работа состоит в том, чтобы раздобывать, усиливать и распространять на предприя-

¹⁸⁰ LOWE, J. (1999): Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. (С. 176).

¹⁸¹ Там же С. 170.

¹⁸² LINDEN, F. A., KADEN, W. (1996): Viel Spaß: Gespraeh mit Jack Welch, Managermagazin, 8, S. 37–46. (С. 42).

тии идеи со скоростью света»¹⁸³. От менеджера он требует, чтобы он «умел сообщать видения своего предприятия», чтобы он был кем-то «кто может сообщить всей организации смысл и цель предприятия, и непоколебимо заботиться о том, чтобы эти видения с успехом реализовывались»¹⁸⁴.

Развивающееся предприятие. Дженерал Электрик – образец *неформального сетевого предприятия*. Велш подчеркивает, обращаясь к своим менеджерам: «Мир быстро меняется. Мы не можем позволить себе растрчивать время на бюрократические вещи. Дженерал Электрик – это неформальное предприятие. Мы доверяем друг другу»¹⁸⁵. Он призывает менеджеров решать стоящие перед ними задачи так, чтобы при этом они вырабатывали видение будущего, и заботиться о том, чтобы их сотрудники превращали это видение в свое собственное.

На 35% было сокращение персонала, сокращение число уровней руководства с 29 до шести, а 350 участков были объединены в двенадцать подразделений предприятия. Эти мероприятия способствовали формированию *комплексного предприятия*.

Сокращение числа иерархических уровней Велш назвал также «креативной деструкцией» – и позаботился о том, чтобы по возможности больше сотрудников участвовали в процессах принятия решений на предприятии. Он постоянно приглашает простых сотрудников даже на заседания Корпоративного Исполнительного комитета. Велш хочет слышать, что происходит «внизу».

Креативная трактовка производительности предприятия по Велшу такова: «Производительность – это убежденность, что существуют неограниченные возможности для того, чтобы улучшить все и каждое», или в другом месте: «Мы черпаем из океана креативности, страсти и энергии, который, – насколько видит глаз не обнаруживает ни дна, ни берегов»¹⁸⁶.

О крупных руководителях предприятия он говорит: «Их важнейшая задача состоит в том, чтобы поддерживать своих сотрудников в их развитии и давать им возможность реализовать свои мечты»¹⁸⁷.

Велш описывает Дженерал Электрик как *обучающееся предприятие*: «Дженерал Электрик является котлом, в котором кипят идеи и процессы

¹⁸³ LOWE, J. (1999): Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. (С. 96).

¹⁸⁴ LOWE, J. (1999): Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie.

¹⁸⁵ SLATER, R. (1999): Jack Welch: Wer führt, muss nicht managen, Lands-berg/Lech, Verlag Modcme Industrie. (С. 49).

¹⁸⁶ LOWE, J. (1999): Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. (С. 133).

¹⁸⁷ SLATER, R. (1999): Jack Welch: Wer führt, muss nicht managen, Lands-berg/Lech, Verlag Modcme Industrie. (С. 346)

обучения, с десятками тысяч обучающихся, попеременно выполняющих роли обучающихся и обучающих»¹⁸⁸. В другом месте он говорит: «Эта безграничная культура обучения покончила с мнением, что делаемое в Дженерал Электрик является единственным или вообще наилучшим методом. Сегодня мы исходим во всем, что делаем, из того, что где-то у кого-нибудь есть идея еще лучше; и мы тотчас же чувствуем себя обязанными выяснить, у кого эта лучшая идея, и как мы можем получить ее – и притом быстро»¹⁸⁹.

Многообразие культур во всемирном предприятии Дженерал Электрик понимается как шанс для процессов обучения, результатом которых могут стать идеи совершенно нового качества.

В своей речи 23 апреля 1997 года на Общем годовом собрании акционеров Дженерал Электрик в г. Шарлотт, Северная Каролина, Велш подчеркивает: «Отличает Дженерал Электрик от других: культура, использующая это большое многообразие как источник для возможности обучения, как накопитель хороших идей, которым нет ничего равного в мире по богатству и широте»¹⁹⁰.

6.7.6. Предприятия XXI века и их сотрудники как стратегические субъекты

Взаимообусловленность, взаимопроникновение и взаимодействие при решении производственных задач различных типов субъектов (сотрудник, подразделение, предприятие, общество и др.) и различных видов сознания (индивидуальное, групповое, массовое) подталкивает многих исследователей к принятию некоторой обобщенной логической структуры, инвариантной по отношению к видам и «носителям» сознания. Такого рода структуры позволяют в единых понятиях анализировать процессы информационного взаимодействия качественно различающихся элементов, не снимая возможностей учета их специфики. В этих логико-психологических схемах мы имеем дело с формализованными субъектами, которые могут выступать как модели различных типов реальных субъектов.

В частности, нами было введено понятие «*стратегического субъекта*»¹⁹¹, задающее обобщенную модель различных типов субъектов (личность, группа, организация, этнос, государство и др.), включая свойства, способствующие учету рассмотренных выше факторов в образе предприятия XXI века.

¹⁸⁸ LOWE, J. (1999): Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. (С. 71).

¹⁸⁹ LOWE, J. (1999): Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. (С. 177).

¹⁹⁰ SLATER, R. (1999): Jack Welch: Wer führt, muss nicht managen, Landsberg/Lech, Verlag Moderne Industrie. (С. 24).

¹⁹¹ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 1, 2002. С. 5-23. (www.reflexion.ru).

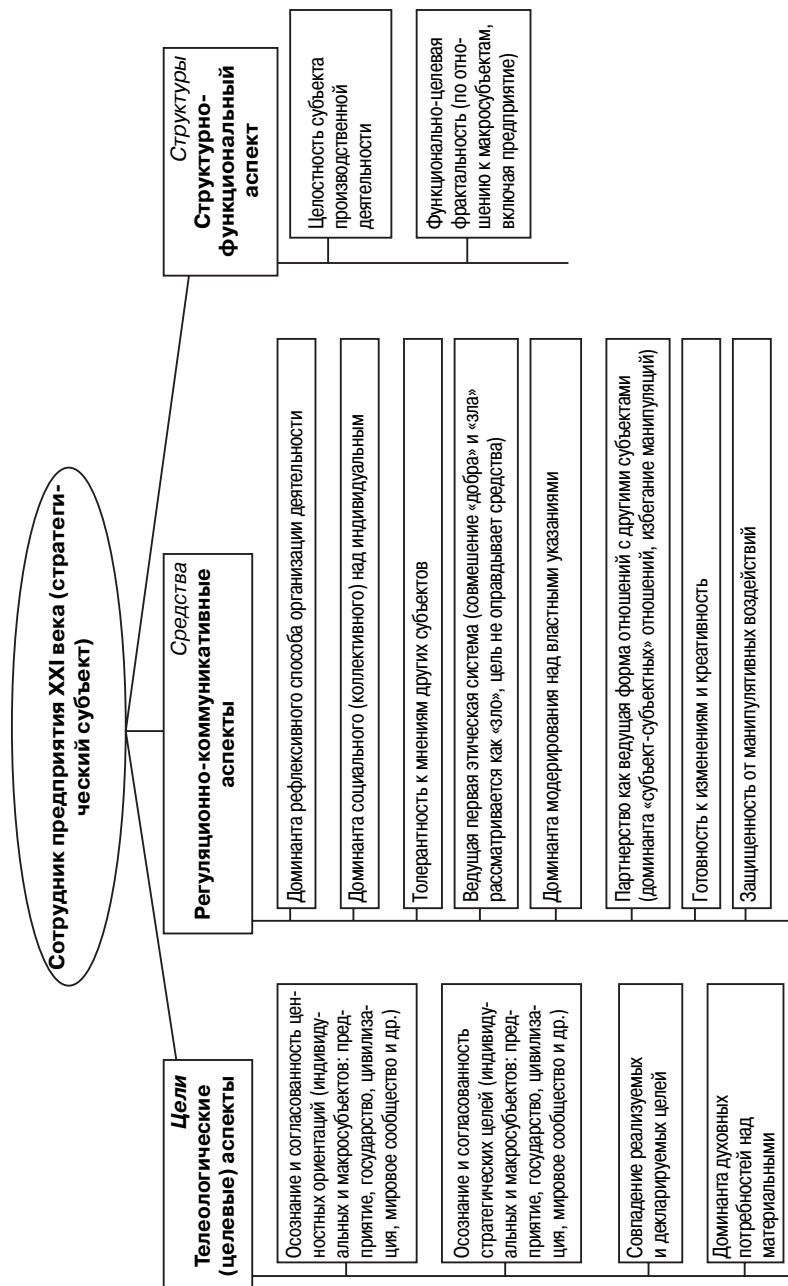

Рис. 6-3. Фрагмент базовых характеристик модельного представления сотрудника предприятия XXI века

В качестве основных при рассмотрении свойств стратегических субъектов предлагаются: целевой (телеологический), функциональный (регуляционно-коммуникативный) и структурно-функциональный аспекты.

Предварительный эскиз отдельных базовых характеристик сотрудников предприятий XXI века как стратегических субъектов представлен на рис. 6-3.

Принятие данного тезиса позволяет по-новому взглянуть на проблему создания общепринятых механизмов оценки и регулирования действий субъектов мирового сообщества, а также открывает новые горизонты для совершенствования различных типов субъектов – от индивидов до государств и различных видов международных сообществ. Такой подход не следует понимать как призыв к разрушению самобытных культур и их носителей: предлагаются лишь ориентиры для формирования «общего поля» мировой культуры, общих базовых характеристик носителей самобытных культур, которые создадут предпосылки для гуманистического подхода к развитию человечества.

6.7.7. Стратегичность предприятий XXI века

Выделенные базовые характеристиками предприятия XXI века (см. рис. 6-1) составляют основу методики оценки их стратегичности.

Рис. 6-4. Ориентировочное сравнение обобщенных образов российского и японского предприятий

Оценка стратегичности предприятия позволяет сформировать новый его видение. Вместе с тем следует заметить, что для практического применения предлагаемой методики при решении задач сравнительного анализа, организации мониторинга и развития предприятий необходимо проведение дополнительных исследований и разработок, которые в настоящее время нами проводятся.

В качестве иллюстративного примера на рис. 6-4 приведена авторская оценка стратегичности обобщенных образов российских и японских предприятий.

Приведенная оценка, если принять ее качественную адекватность, позволяет выявить основные направления развития стратегичности российских предприятий и одновременно заставляет задуматься об их конкурентности в XXI веке, а также о необходимости учета этих аспектов при вступлении в ВТО.

Изменения в социальном окружении предприятий в XXI веке становятся все более фундаментальными, поэтому и способность предприятий к изменениям должна быть глубинной и масштабной. Доминирование экономического подхода к организации предприятий становится неадекватным, в центре внимания все в большей степени оказываются представления предприятий как социальных систем и субъектов социального управления. Социальная ориентация предприятия XXI века должна пониматься в более широком контексте, чем для предприятий XX века.

Данные предприятия в качестве стратегических субъектов – идеальные образцы, стремление к реальному воплощению которых могло бы, на наш взгляд, способствовать повышению безопасности и устойчивому развитию человечества.

Сведения об авторах

Анисимов Олег Сергеевич – Российская академия государственной службы при Президенте РФ, профессор, д.психол.н.

Аришинов Владимир Иванович – Институт философии РАН, заведующий сектором, д.ф.н.

Буров Владимир Алексеевич – Институт философии РАН, старший научный сотрудник, к.психол.н.

Журавлев Анатолий Лактионович – Институт психологии РАН, директор, д.психол.н., член-корреспондент РАО

Князева Елена Николаевна – Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник, д.ф.н.

Лекторский Владислав Александрович – Институт философии РАН, зав. отделом, академик РАН, д.ф.н.

Лепский Владимир Евгеньевич – Институт философии РАН, главный научный сотрудник, д.психол.н.

Малинецкий Георгий Геннадиевич – Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша, заместитель директора, д.ф.-м.н.

Моисеев Вячеслав Иванович – Московский стоматологический институт, зав. кафедрой, д.ф.н.

Петровский Вадим Артурович – ГУ-Высшая школа экономики, профессор, д.психол.н. член-корреспондент РАО.

Рабинович Вадим Львович – Российский институт культурологии, заведующий сектором, д.ф.н.

Реут Д.В., НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением Академии им. И.М. Сеченова, старший научный сотрудник, к.т.н.

Свирский Яков Иосифович – Институт философии РАН, старший научный сотрудник, д.ф.н.

ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТОВ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Препринт под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского

Издательство «Когито-Центр»
ИД № 05006 от 07.06.01

Подписано в печать 12.09.07
Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 11,0

Тираж 250 экз.
Отпечатано в типографии «УПП Макс-Принт»